V 507/91 I 31/30

Секретно.

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ.

ВЫПУСКЪ XLVII.

Бухара. Подполковника **Пославскаго.** Свѣдѣнія о городахъ Афганистана. Путешествіе сэра **Р. Сандемана** по южному Белуджистану. Часть I; Англо-русскій вопросъ въ Азіи и оборона Индіи.

ИЗДАНІЕ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1891.

БУХАРА *)

ОПИСАНІЕ ГОРОДА И ХАНСТВА

военнаго инженера, Подполковника *Пославскаго.*

Вслѣдствіе различныхъ усложненій политическаго характера въ Средней Азіи въ концѣ 1885 и 1886 года вр. командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа призналъ необходимымъ

---

*) Главнѣйшими источниками для составленія Историческаго очерка послужили слѣдующія сочиненія:

1. *В. В. Григорьевъ*: «Походъ Александра Македонскаго въ Западный Туркестанъ». СПБ. 1881 г.
«Караханиды въ Мавераннагрѣ». СПБ. 1874 г.
«О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы Шемсъ Бухари». Казань. 1861 г.
2. *Г. Вамбери*: «Исторія Бухары или Трансоксаніи». Переводъ А. И. Павловскаго. СПБ. 1873 г. Два тома.
3. *А. И. Макшеевъ*: «Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ». СПБ. 1890 г.

Кромѣ того мы воспользовались нѣкоторыми свѣдѣніями изъ сочиненій:

В. А. Тизенгаузенъ: «О самадинскихъ монетахъ». Труды Вост. Отд. Император. Археологическаго Общества. Часть I. СПБ. 1855 г.

М. И. Иванинъ: «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монголо-татаръ и Средне-азіатскихъ народовъ при Чингизъ-Ханѣ и Тамерланѣ». СПБ. 1875 г.

Александръ Борнсъ: «Путешествіе въ Бухару». Изд. П. В. Голубкова. Москва. 1848 г.

Н. Ханыковъ: «Описаніе Бухарскаго Ханства». СПБ. 1843 г.

К. Риттеръ: «Иранъ». Перевелъ и дополнилъ *Н. В. Ханыковъ*. СПБ. 1874 г.
«Кабулистанъ и Кафиристанъ». Перевелъ и дополнилъ *В. В. Григорьевъ*. СПБ. 1867 г.

имѣть новый планъ г. Бухары съ окрестностями, такъ какъ единственный, имѣвшійся до того въ распоряженіи Окружнаго Штаба, планъ г. Бухары съ перваго взгляда возбуждалъ сомнѣнія относительно своей правильности, а знающими людьми признавался и совсѣмъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

Слѣдовательно предстояло сдѣлать новую съемку. Но прибѣгнуть для этого къ дипломатическому или иному давленію на Бухарское правительство, чтобы оно обезпечило возможность и безопасность топографическихъ работъ командированнымъ лицамъ, признано было неудобнымъ по многимъ причинамъ, а въ особенности по двумъ: во первыхъ, въ то время въ Бухарѣ не было никакого постояннаго Россійскаго представительства, а во-вторыхъ, не желательно было возбуждать и безъ того неспокойное и напряженное положеніе столь явнымъ указаніемъ на вѣроятность агрессивныхъ дѣйствій съ нашей стороны. Оставалось поэтому добыть планъ г. Бухары такимъ способомъ, чтобы не возбудить подозрѣній у Бухарскаго правительства и населенія на счетъ истинныхъ намѣреній и предположеній своихъ, т. е. снять его секретно. Работа эта была поручена мнѣ.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, не могло быть рѣчи о строгой инструментальной съемкѣ, представляющей по свойствамъ своимъ работу для всѣхъ видимую и всѣмъ понятную. И дѣйствительно: давая мнѣ словесную инструкцію въ дополненіе къ секретному по сему дѣлу предписанію, временно-командующій войсками округа предоставилъ выполненіе его вполнѣ моему личному усмотрѣнію. Его Превосходительство поручилъ мнѣ снять планъ г. Бухары и ближайшихъ окрестностей возможно точный, т. е. настолько, насколько позволятъ это обстоятельства и мое умѣніе воспользоваться ими, но приказалъ ни въ какомъ случаѣ

В. В. Григорьевъ: «О скифскомъ народѣ Сакахъ». Труды Вост. Отд. Император. Археологическаго Общества. Ч. XII. СПБ. 1872 г.

Изъ нихъ намъ пришлось извлечь весьма немного данныхъ, но упоминаемъ ихъ, какъ сочиненія, имѣвшіяся во вниманіи и послужившія для взаимнаго контроля съ вышеупомянутыми основными для насъ источниками.

Въ большинствѣ случаевъ ссылки на источники помѣщены подъ страницами.

не переходить границъ осторожности и благоразумія и не обнаружить дѣйствительности.

Здѣсь я долженъ сказать, въ чемъ именно заключались особыя трудности сохраненія секрета. Я былъ командированъ въ Бухарское ханство, какъ лицо официальное *), а потому считался „гостемъ“ Эмира, т. е. во всѣхъ своихъ отлучкахъ со двора долженъ былъ быть сопровождаемъ особымъ чиновникомъ Эмира, спеціально прикомандированнымъ ко мнѣ на все время пребыванія въ предѣлахъ ханства и обязаннымъ о всякомъ моемъ шагѣ и дѣйствіи давать отчетъ по начальству. Я не могъ обратиться ни къ кому изъ постороннихъ за какимъ нибудь свѣдѣніемъ иначе, какъ черезъ посредство этого чиновника — охранителя. Однако такое положеніе имѣло ту хорошую сторону, что мое вниманіе и заботы сосредоточивались преимущественно на одномъ лицѣ: нужно было усыпить только его бдительность, внушить ему какое нибудь оправданіе своему поведенію и удалить по возможности его мысли отъ правильнаго объясненія своихъ манипуляцій и тогда изъ него самого можно было получить себѣ помощника, обязаннаго по приказанію Эмира оказывать во всемъ содѣйствіе и помощь.

Къ счастію это не представляло особыхъ затрудненій, потому что прикомандированный ко мнѣ чиновникъ не понималъ и не допускалъ въ умѣ своемъ, чтобы можно было снимать планы безъ планшета, ничего не рисуя, а лишь дѣлая кое какія замѣтки въ записной книжкѣ, сидя на лошади.

Однако, дабы оправдать чѣмъ нибудь пребываніе мое въ г. Бухарѣ и необходимыя, разумѣется, посѣщенія ближайшихъ окрестностей города, мнѣ было дано явное порученіе: обслѣдовать мѣсто, предполагавшееся первоначально подъ желѣзно-дорожную станцію у г. Бухары (верстахъ въ 4-хъ отъ города) и разработать вопросъ о снабженіи его водой и объ орошеніи. Свойства этого

*) Основной причиной командированія меня въ Бухарское ханство было отчужденіе земли подъ желѣзную дорогу въ Чарджуйскомъ оазисѣ, на лѣвомъ берегу р. Аму-Дарьи; объ этомъ у меня имѣлось официальное извѣщеніе Туркестанскаго Генералъ-Губернатора къ Эмиру Бухарскому въ видѣ письма, въ которомъ, кромѣ изложенія причинъ командировки, просилось о содѣйствіи Бухарскихъ властей къ успѣшному выполненію возложенныхъ на меня порученій.

порученія были чрезвычайно благопріятны для успѣха работъ по съемкѣ окрестностей города Бухары: безъ него, можно съ увѣренностью сказать, секретно снять эти окрестности не было бы никакой возможности, такъ какъ не былобы никакого даже предлога забираться въ разные сады и трущобы, а тѣмъ болѣе дѣлать замѣтки или употреблять иногда бусоль. Это порученіе дало мнѣ возможность снять полуинструментально дорогу вдоль западнаго фаса городской стѣны, внѣ ея, что послужило базой для большей части всей работы.

Въ этомъ же заключается объясненіе, почему окрестности города, а въ особенности оросительные каналы сняты значительно тщательнѣе и подробнѣе, чѣмъ его внутренность, заключенная между стѣнами. Нужно впрочемъ по этому поводу замѣтить, что, такъ какъ снятіе плана г. Бухары съ окрестностями поручено было мнѣ не съ какой иной цѣлью, какъ чтобы имѣть возможно хорошій матеріалъ при рѣшеніи вопроса о взятіи города, то я полагалъ, что для этого имѣютъ большое значеніе ближайшія окрестности, чѣмъ расположеніе второстепенныхъ, внутри города, улицъ и закоулковъ. Мною нанесены главныя улицы, ведущія отъ 11 городскихъ воротъ къ центру города; всѣ онѣ арбяныя, т. е. способны пропустить артиллерію. Кромѣ этихъ улицъ и обозначенныхъ на планѣ больше почти уже нѣтъ арбяныхъ: вся остальная площадь города можетъ быть испещрена безконечнымъ числомъ кривыхъ переулковъ и закоулковъ, проведенныхъ безъ системы и имѣющихъ совершенно случайное направленіе. Почти всѣ они столь узки, что едва даютъ возможность разъѣхаться двумъ встрѣчнымъ верховымъ; много такихъ, что съ одной стороны ихъ на другую легко можно перепрыгнуть съ крыши на крышу. Такимъ образомъ они, какъ улицы или сообщенія при взятіи города не могутъ имѣть никакого военнаго значенія. Нанесеніе большей части ихъ *) на планъ не можетъ представить особыхъ затрудненій при существованіи тѣхъ опорныхъ и исходныхъ точекъ и улицъ, кои показаны мною на планѣ: вполнѣ удобно можно вести работу даже секретно; для этого нужно

*) Нанесеніе ихъ въ масштабѣ, меньшемъ 25 саж. въ дюймѣ, едва ли и возможно.

только жить нѣкоторое время въ г. Бухарѣ, выискивать предлоги ѣздить по разнымъ трущобамъ ея и наносить эти переулки и все заслуживающее вниманія исподволь, понемногу, даже на память, т. е. не производя никакой работы на улицѣ. Тутъ слѣдовательно вопросъ во времени. Если при этомъ планъ выиграетъ въ полнотѣ (признаваемой однако мною излишней, какъ замѣчено выше), то, безъ сомнѣнія, потеряетъ въ ясности и наглядности.

Кромѣ главныхъ улицъ мною показаны еще внутри города лучшія по матеріалу и конструкціи своей зданія, могущія имѣть военное значеніе, или въ смыслѣ сопротивленія разрушенію (нѣкоторыя изъ нихъ сводчатыя), или какъ мѣста сборищъ населенія и мѣста складовъ; таковы: центральныя части базаровъ, караванъ-сараи, мадраса, мечети и проч. Въ этихъ видахъ показаны почти всѣ, мало-мальски значительныя площади и открытыя мѣста—кладбища—внутри города.

Еще одна, невыгодная въ смыслѣ полноты плана, особенность настоящей работы заключается въ томъ, что ни я, ни кто либо изъ моихъ спутниковъ не могли заходить во внутренніе жилые дворы, такъ какъ и мусульманскій законъ и твердо установившійся обычай закрываетъ двери туда для всякаго посторонняго. Нарушеніе его могло вызвать лишь озлобленіе не только причастныхъ, но и свидѣтелей. А потому детальное расположеніе этихъ дворовъ, построекъ и прочее было вовсе исключено изъ круга нашего вниманія и наблюденія; на планѣ же нанесены только очертанія окружающихъ упомянутые дворы заборовъ, а вся внутренняя, заключенная между ними, площадь заштрихована, что должно означать: „жилые дворы и постройки“.

Если затѣмъ прибавить: 1) что по упомянутой сейчасъ причинѣ представлялись особыя затрудненія подняться на какую либо высокую точку для обозрѣнія мѣстности сверху; 2) что работа производилась въ концѣ лѣта, когда всѣ деревья были еще покрыты листвой и при массѣ своей скрывали мѣстность на самомъ близкомъ разстояніи; 3) что тогда въ городѣ не было кажется, никого изъ русскихъ, кромѣ агента и нѣсколькихъ прикащиковъ въ конторѣ „Россійскаго Общества транспортированія“;

4) что на исполненіе порученія данъ былъ очень короткій срокъ, не больше 1 мѣсяца, т. е. работа должна была вестись очень спѣшно, и 5) что то время—до проведенія желѣзной дороги было совершенно не похоже на настоящее,—то все вышеизложенное внушаетъ мнѣ надежду, что къ этому труду будетъ приложенъ иной критерій, чѣмъ къ топографическимъ работамъ, производимымъ при обыкновенной обстановкѣ *).

Что касается предлежащаго описанія, составляющаго приложеніе къ плану г. Бухары (или обратно), то о немъ нужно сказать слѣдующее: 1) такъ какъ многое изъ видѣннаго и наблюденнаго мною скоро можетъ отойти въ область преданій и такъ какъ очерки бытового и, такъ сказать, общеописательнаго характера могутъ въ данномъ случаѣ помочь выясненію вопросовъ, имѣющихъ спеціально военное значеніе, то я позволилъ себѣ отвести этимъ очеркамъ широкое мѣсто, далеко перейдя границы той программы, которая намѣчена была мнѣ въ предписаніи и 2) самому описанію г. Бухары предпосылаю краткій Историческій очеркъ, при чемъ я не счелъ возможнымъ ограничиться изложеніемъ событій, касающихся лишь самаго города Бухары, а постоянно имѣлъ въ виду ту страну, для которой онъ большею частью служилъ столицей и съ которой всегда дѣлилъ судьбу. Къ этому побудило меня то соображеніе, что вопросъ о занятіи г. Бухары сводится въ сущности къ вопросу о занятіи всего ханства, т. е. должно предвидѣть упраздненіе его въ политическомъ смыслѣ и полезно подвести итоги его тысячелѣтнему прошедшему. Раньше или позже наслѣдіе это должно, повидимому, намъ остаться, а потому, чтобы правильно распорядиться, необходимо знать его свойства и природу; то и другое познается не только изъ настоящаго, но и изъ прошедшаго.

Наконецъ считаю необходимымъ объяснить столь позднее окончаніе настоящаго труда. По возвращеніи изъ командировки и по представленіи подробныхъ отчетовъ объ отчужденіи земель подъ желѣзную дорогу на лѣвомъ берегу р. Аму-Дарьи, я долженъ былъ вступить въ исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей

*) Бѣловой планъ, составленный при моемъ активномъ участіи въ Топографическомъ Отдѣлѣ, былъ въ томъ же 1887 году на Высочайшемъ смотру.

службы; окончаніемъ же работъ по составленію брульона и приведенію въ нѣкоторый порядокъ собранныхъ матеріаловъ—я могъ заниматься только въ свободное отъ служебныхъ занятій время. Тѣмъ не менѣе черновикъ плана былъ мною лично представленъ Начальнику Топографическаго Отдѣла еще въ началѣ 1887 года. Составленіе же систематическаго и полнаго описанія результатовъ этой части своей командировки въ Бухару я принужденъ былъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Къ сожалѣнію своему долженъ сознаться, что многія впечатлѣнія того времени потеряли въ моей памяти свою свѣжесть; съ другой стороны измѣнились уже съ тѣхъ поръ и нѣкоторыя подробности или мѣстныя предметы, напр.: на представленномъ планѣ не показана телеграфная линія, соединяющая нынѣ желѣзнодорожную станцію „Бухара", расположенную въ 11—12 верстахъ отъ города по дорогѣ въ Карши, съ городской телеграфной станціей, и др.

Краткій историческій очеркъ.

Бухарскимъ ханствомъ, для котораго Бухара служитъ нынѣ главнымъ городомъ, называется страна, лежащая къ сѣверу отъ средняго теченія рѣки Аму-Дарьи или древняго Окса, носившая, поэтому, названіе Трансоксіаны или Трансоксаніи у древнихъ географовъ и Мавераннагра *) у средневѣковыхъ. Важнѣйшую часть этой страны составляетъ полоса земли по обѣ стороны рѣки Зеравшана (Зярь-авшанъ), орошенная ея водой. Рѣка эта носила прежде названія Политимета, Согда и др., а сама страна по ея теченію называлась Согдіаной.

Въ своемъ очеркѣ мы будемъ говорить сначала о „Трансоксіанѣ“ (и о важнѣйшей части ея—Согдіанѣ), затѣмъ перемѣнимъ названіе на „Мавераннагръ“ (съ Бухарой и Самаркандомъ, какъ важнѣйшими пунктами) и, наконецъ, съ XVII вѣка установившуюся политическую единицу будемъ называть „Бухарскимъ ханствомъ“. Не избираемъ мы изъ нихъ одного какого-нибудь названія потому, что въ политическомъ смыслѣ эти понятія несовмѣстимы. Попутно мы будемъ упоминать о границахъ тѣхъ могущественныхъ среднеазіатскихъ государствъ, которыя создавались временами изъ этой небольшой страны, служившей имъ всегда какъ бы фокусомъ и точкой опоры, но которымъ трудно давать какое-нибудь названіе, кромѣ именъ перемѣнныхъ создателей ихъ.

Въ глубокой древности страна эта заселена была арійцами иранской вѣтви**). Греки еще задолго до похода Александра Ма-

*) Арабское слово, означающее въ буквальномъ переводѣ то, что по ту сторону рѣки.

**) «Иранъ» *К. Риттера*, перев. *Н. Ханыкова*, стр. 26, 30, 40, 45, 175, 511, 520 и др. *А. И. Макшеевъ*. «Историч. Обзоръ» и проч., стр. 2 и 3.

кедонскаго слышали о благоустройствѣ и благосостояніи ея. О высокой степени культуры и умственной жизни этого народа сохранились нѣкоторыя указанія у арабскихъ изслѣдователей среднеазіатскихъ древностей. Наконецъ, нынѣшніе таджики, сохранившіе, какъ по языку своему, такъ и по физическимъ признакамъ *), наиболѣе слѣдовъ первобытнаго иранскаго происхожденія, не смотря на наименѣе благопріятныя (какъ увидимъ далѣе) условія, даютъ основаніе нѣкоторымъ оріенталистамъ полагать, что и колыбель славной въ древности персидской культуры (Зороастрово ученіе) была не только въ сѣверныхъ долинахъ Гиндукуша, но занимала и сосѣднюю плодородную долину нынѣшняго Зеравшана.

Въ доказательство высокой государственной организаціи въ древнѣйшія времена, упомянемъ о могуществѣ Афросіаба, правителя той страны, который нѣкогда, по всей вѣроятности, былъ лицомъ историческимъ, но уже въ первые вѣка по Р. Х. сдѣлался миѳомъ въ преданіяхъ персовъ, такъ какъ они утратили свои историческія книги **). Этому Афросіабу нѣкоторыя преданія приписываютъ и постройку города Джемукента, носящаго нынѣ названіе Бухары ***).

Въ описаніяхъ походовъ Александра Македонскаго (въ 329—327 г. до Р. Х.) не имѣется, однако, положительныхъ данныхъ и указаній, существовалъ ли уже тогда городъ Бухара; но греки застали страну, повидимому, богатую, имѣвшую много значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и управляемую нѣсколькими владѣтелями или князьями, независимыми другъ отъ друга и разрозненными. Многомилліонное населеніе страны было сначала ошеломлено неожиданностью нашествія и несомнѣнно высокими воинскими качествами македонскаго 20 — 30 тысячнаго войска, а потому показалось покорнымъ и миролюбивымъ †). Но затѣмъ,

*) *Г. Вамбери.* «Исторія Бухары». Т. I, стр. 7 и 8.

**) *В. В. Григорьевъ.* «Караханиды» и проч., стр. 19.

***) Г. Вамбери указываетъ и на другія преданія, которыя приписываютъ постройку г. Бухары Сіаушу, сыну Кейкауса (Кира?), бѣжавшему изъ Ирана.

†) Въ описаніи похода Александра З Македонскаго мы подчиняемся авторитету извѣстнаго оріенталиста, *В. В. Григорьева*, раздѣляя вполнѣ его взгляды. Изъ монографіи его объ этомъ походѣ мы извлекаемъ и нижеприводимыя цитаты.

когда завоеватели были уже у Яксарта (Сыръ-Дарья), вокругъ и позади ихъ возстало почти все способное носить оружіе. Такъ какъ возстаніе не было организовано, не имѣло общаго плана дѣйствій, то и было подавлено, но для этого потребовалось почти всю страну послѣдовательно обратить въ кладбище и развалины. Уцѣлѣвшіе убѣжали въ горы, а завоеватель принужденъ былъ уйти со сцены совершенныхъ подвиговъ, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ и, главное, получить подкрѣпленія. За это время Согдіана тоже успѣла оправиться и опять возстала изъ конца въ конецъ. Потребовалась та же безпощадная энергія, новые потоки крови и еще большее опустошеніе страны; часть женъ и дѣтей, оставшихся въ живыхъ, въ видахъ колонизаціи, отдана была въ рабство раненымъ и инвалидамъ-воинамъ. Пожарище, казалось, было залито и потушено. Но македонцамъ пришлось и въ третій разъ обжечься о вспыхнувшіе во многихъ мѣстахъ огоньки сопротивленія. И вотъ, наконецъ, они остались въ безопасной странѣ; но уйти въ дальнѣйшій походъ—въ Индію, не представилось пока возможности: обширныя окраины подавленной страны укрыли непокорившихся и сами ожидали только ухода завоевателя. Для нихъ Великій Александръ принужденъ былъ испытать другое средство: бросившись за непокорною знатью на востокъ въ горныя трущобы, въ нынѣшнюю юговосточную часть Бухарскаго ханства, при первой же удачѣ и расправѣ, гдѣ-то въ раіонѣ нынѣшнихъ: Дербента, Ширабада и Термеда, онъ встрѣчаетъ красавицу (?), плѣнницу Роксану, дочь одного изъ туземныхъ бѣглыхъ князьковъ—Оксіатра и, къ удивленію всѣхъ, вступаетъ съ ней въ законный бракъ. „Такая невообразимая честь, выпавшая на долю туземной княжны, когда гордый побѣдитель не удостоилъ взять за себя ни одной изъ красивыхъ дочерей бывшаго царя царей, Дарія, приводитъ въ восторгъ мѣстную аристократію, примиряетъ ее съ завоевателемъ, обращаетъ въ покорныхъ его слугъ. Отношенія измѣняются какъ бы чудомъ“. Въ дальнѣйшемъ завоевательномъ движеніи Александру ставитъ преграду только единственно природа: однажды онъ погибъ бы отъ лишеній, но его спасаютъ на этотъ разъ не отвага и военный геній, а добрыя услуги вчерашнихъ еще враговъ его — туземныхъ владѣльцевъ.

Наконецъ, завоеватель покидаетъ опустошенную и раззоренную страну съ полной увѣренностью, что совершилъ великія дѣла. Однако, послѣдствія похода Александра Великаго за Оксъ по меньшей мѣрѣ ничтожны: „черезъ три вѣка послѣ македонскаго разгрома не осталось уже въ странѣ никакихъ слѣдовъ греческаго владычества". Замѣтимъ, однако, что въ западныхъ предгоріяхъ Памира есть мелкіе владѣльцы, которые до нашихъ дней считаютъ себя родственниками и потомками Искандера Дзюлькарнейна. Завидная родословная! *).

Слѣдующій періодъ исторіи Трансоксіаны вплоть до конца VII вѣка чрезвычайно бѣденъ источниками и остается темнымъ. Можно отмѣтить лишь, что съ начала II вѣка до Р. Х. эту страну стали наводнять съ сѣверо-востока народы, общеизвѣстные подъ названіемъ скифовъ, тѣснимые гуннами **) и прежде всего изъ нихъ саки ***).

Вслѣдъ за ними, за столѣтіе до Р. Х., ее подчинили себѣ китайцы для обезпеченія своихъ караванныхъ сообщеній съ западными странами и Византіей отъ гунновъ †), причемъ послѣднихъ оттѣснили мало-по-малу къ сѣверу, въ Джунгарію и удерживали эти владѣнія съ перерывами до II вѣка послѣ Р. Х. Затѣмъ, на воздѣланныя и плодородныя земли Трансоксіаны стали дѣлать съ сѣвера и съ сѣверо-востока же постоянныя нападенія тюрки или турки—кочевники монгольскаго племени ††), постепенно распространявшіе свое господство и твердо водворявшіеся въ то время въ пограничныхъ степныхъ областяхъ. Будучи народомъ воинственнымъ по преимуществу, тюрки вѣроятно очень рано уже захватили власть въ свои руки, дали своихъ правителей или князей и перемѣнили множество названій и именъ, въ томъ числѣ, вѣ-

*) *Алекс. Борнсъ.* «Путешествіе въ Бухару». Т. 2, стр. 367.

**) *В. В. Григорьевъ.* »Кабулистанъ» и проч. (К. Риттера) стр. 781 и 782.

***) Въ виду археологическихъ изысканій послѣдняго времени мы не рѣшаемся признавать скифовъ арійцами и слѣдовать предположеніямъ В. В. Григорьева, что саки были славяне и между ними колѣно Русь. («О скифскомъ народѣ сакахъ». Стр. 186—192, 284 и др. Труды восточ. отдѣл. Император. Археологическаго общ. Ч. 16, СПБ. 1872 г.

†) *А. И. Макшеевъ.* «Историч. Обзоръ Туркестана», стр. 12 и 13.

††) *В. В. Григорьевъ.* «Караханиды» и проч. стр. 19 и 20.

роятно, и древній иранскій городъ Джемукентъ получилъ монгольское имя — Бухара *). Изъ византійскихъ историческихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ V и VI столѣтіяхъ по Р. Х. обитатели Бухары и Согдіаны водили большіе караваны шелка черезъ царство сасанидовъ въ Восточную Имперію; но это были, вѣроятно, не тюрки, а иранцы-аборигены. Свободному развитію культуры послѣднихъ всегда мѣшало сосѣдство грабительскихъ тюркскихъ ордъ, которыя все больше и больше наводняли эти страны, а въ VI вѣкѣ производили уже вторженія въ самую Персію. Въ VI вѣкѣ, въ оазисахъ края, начало вновь усиливаться вліяніе китайцевъ **), проводниками котораго были, вѣроятно, тѣ же тюрки, находившіеся подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Китая и бывшіе буддистами. Борьба между тюрками и иранцами въ Трансоксіанѣ была не только племенною, но и религіозною,— борьбою буддизма и парсизма, и подготовила удобную почву для пропаганды христіанскаго ученія. И въ самомъ дѣлѣ: ученіе Несторія имѣло большой успѣхъ въ этихъ странахъ; послѣдователи его пользовались всеобщимъ уваженіемъ, по словамъ арабскихъ историковъ, и основали въ то время (VI-й и VII-й вѣка) нѣсколько епархій. Въ такомъ видѣ застали эти страны въ половинѣ VII в. арабы, историки коихъ, не зная древней исторіи края и найдя правителями и князьями его тюрковъ или турокъ, утвердили, поэтому, ошибочное мнѣніе, что за Оксомъ искони властвовали тюрки ***).

Первые отряды арабскихъ искателей приключеній, жадные къ добычѣ, дойдя до Балха, были соблазнены молвой о богатствѣ сосѣдней Согдіаны и вторглись въ нее (въ 666 году) безъ всякаго систематическаго плана и только пограбили ее. Но добыча оказалась такъ богата, а успѣхъ такъ заманчивъ, что вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ второй походъ, уже болѣе серьезный и въ результатѣ

*) «Бухаръ» и теперь означаетъ по монгольски буддійскій храмъ или монастырь (Г. Вамбери. «Исторія Вухары». Т. I, стр. 15),

**) *А. И. Макшеевъ.* Тамъ-же стр. 13.

***) Они же и мифическаго Афросіаба, о которомъ упомянуто выше, не могли себѣ представить иначе, какъ тюркомъ. (*В. В. Григорьевъ.* «Караханиды» стр. 20).

его — несмѣтныя сокровища, драгоцѣнное оружіе и одежды *), которые возбуждали удивленіе простыхъ обывателей Аравійской пустыни. Однако, г. Бухара и въ этотъ разъ не былъ взятъ мусульманами; они потерпѣли при немъ кажется даже неудачу. Миръ былъ заключенъ съ милліонной денежной данью. Но это, разумѣется, не помѣшало арабамъ ограбить все, что лежало на обратномъ ихъ пути, а черезъ два года вновь явиться за добычей во имя пророка. Царица, видя страну свою истощенной предыдущими войнами и желая избѣжать кровопролитія, заключила миръ и сдала г. Бухару; арабы, однако, потребовали знатныхъ заложниковъ и, утвердившись здѣсь, продолжили свой грабительскій походъ до Самарканда. Возвратившись же въ Медину, они соблазнились оружіемъ и драгоцѣнностями своихъ заложниковъ и ограбили ихъ до-гола. Гордые вельможи не перенесли этого позорнаго дѣла, бросились на побѣдителя (Саида) въ его же дворцѣ, убили его, а затѣмъ и себя самихъ. Тутъ Бухара возстала противъ арабскаго владычества, призвавъ къ себѣ на помощь большія силы сосѣдей— тюрковъ (до 120 т.). Но союзники были разбиты, Бухара досталась въ руки побѣдителей, а добыча была такъ велика, что на долю каждаго воина досталось 10.000 диремъ. Миръ былъ предписанъ покореннымъ. Но этимъ не кончились бѣдствія раззоренной страны: арабы явились въ пятый разъ подъ предводительствомъ Кутейбе (въ 705 году), полководца, который своей энергіей, искусствомъ и способностями съумѣлъ не только побѣдить хорошо организованное сопротивленіе, неоднократныя частныя возстанія, но погасилъ послѣдніе очаги древней персидской цивилизаціи въ ея бывшей когда то колыбели и насадилъ ученіе арабскаго пророка до самыхъ восточныхъ долинъ Тяньшаня. Систематически и неуклонно онъ завоевывалъ всѣ страны, занятыя осѣдлыми иранцами и дошелъ черезъ Фергану (въ 711 году) до Кашгара, Хотана и Турфана. Все это, само собой, сопровождалось грабежемъ, причемъ тюркскіе князья и жители, частью какъ сограждане, частью какъ союзники побѣжденныхъ, раздѣляли общую участь

*) Сохранилось описаніе сапогъ Царицы Бухарской, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, которые стоили 20000 диремъ. Это кстати указываетъ, какая допускалась роскошь и, косвенно, какъ богата была страна.

съ иранцами. Какова была добыча можно судить, напр., потому, что по взятіи Байкенда—одного изъ важнѣйшихъ городовъ, изъ одного капища были взяты идолы массивнаго золота, вѣсомъ въ 40.000 драхмъ, а у одного изъ нихъ глазами служили двѣ жемчужины величиною съ голубинное яйцо, по поводу которыхъ выразилъ удивленіе даже самъ калифъ, получившій ихъ въ подарокъ. Наконецъ, вслѣдствіе измѣнившихся неблагопріятно отношеній Кутейбе къ калифату, у этого талантливаго завоевателя возникла, кажется, мысль основать независимое государство, но онъ ошибся въ своей арміи и погибъ отъ руки заговорщиковъ *).

Изъ этого очерка завоеваній арабовъ видно, что они вначалѣ обращали вниманіе прежде всего на грабежъ богатой страны; исламъ же, насильно навязанный культурнымъ обитателямъ страны, съ большимъ трудомъ водворялся между ними: г. Бухара, три раза обращенный вмѣстѣ съ князьями своими въ исламъ, каждый разъ въ тайнѣ или явно возвращался къ своей національной религіи и только въ четвертый разъ Кутейбе съумѣлъ укоренить его въ этомъ городѣ навсегда. Для этого приняты были, напр., слѣдующія мѣры: каждый бухарецъ уступалъ половину своего дома арабу, который наблюдалъ за поведеніемъ прозелитовъ, училъ ихъ обрядамъ ислама и доносилъ, въ случаяхъ надобности, по начальству; усердіе къ новой вѣрѣ награждалось деньгами: даже коранъ, чтобы быть понятнымъ, читался вначалѣ публично на Ригистанѣ по персидски, а не по арабски. Вообще же внутренняя борьба съ исламомъ была продолжительна и чрезвычайно упорна **).

Все, что было завоевано Кутейбе и предыдущими арабскими отрядами за Оксомъ, въ томъ числѣ и Бухара, составило часть Хорасанской провинціи съ намѣстникомъ калифа во главѣ, имѣвшимъ резиденцію въ Мервѣ. Правители-же, назначавшіеся въ Бухару и Самар-

*) О водвореніи ислама въ Мавераннегрѣ позаимствовано у *Г. Вамбери* «Исторія Бухары» и проч. Т. I, стр. 21—37.

**) Въ Бухарѣ до сихъ поръ существуетъ подземная мечеть, называемая Масджиди Моганъ (мечеть огнепоклонниковъ); приверженцы этого культа, для служенія ему, долго собирались въ потаенныхъ мѣстахъ или въ ночной тишинѣ.

кандъ, были не болѣе какъ слуги хорасанскаго намѣстника. При послѣдующихъ за Кутейбе намѣстникахъ странѣ этой не пришлось однако пользоваться благами мира еще въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ. Этотъ періодъ полонъ замѣшательствъ, возмущеній, борьбы честолюбцевъ, внутреннихъ партій, набѣговъ извнѣ и проч. Съ одной стороны—безграничное любостяжаніе, то для собственнаго обогащенія, то для упроченія за собой богатыми дарами расположенія при дворѣ калифа, доставляло въ короткое время намѣстникамъ калифа и его слугамъ въ Трансоксаніи колоссальныя богатства *), а значительное удаленіе отъ центра скоро пробудило въ нихъ стремленіе и попытки къ пріобрѣтенію полной независимости. Съ другой стороны — воинственные тюрки во все это время по прежнему тоже не покладали рукъ, легко переходя въ качествѣ добровольныхъ наемниковъ, слѣдовательно, и грабителей, то на ту, то на другую сторону; они вначалѣ доставляли особенно много хлопотъ, потерь и огорченій хорасанскимъ намѣстникамъ. Въ третьихъ, наконецъ, подавленная народность — иранцы, въ лицѣ своихъ безпокойныхъ элементовъ, поднимала иногда голову и пробовала ниспровергнуть иго арабовъ, то подъ видомъ возмущенія, вспыхнувшаго въ Бухарѣ въ пользу шіитской секты съ Шерикомъ во главѣ, то въ видѣ поддержки туманнаго ученія Моканны, доставивъ этой странной личности такія силы, которыя чуть не разрушили всего зданія ислама въ Трансоксаніи. Всякій преслѣдовалъ свои цѣли на этой интересующей насъ аренѣ, но никому не было дѣла до того, что всѣ эти спекуляціи жестоко отражались на ничѣмъ неповинной странѣ и ея мирномъ, трудолюбивомъ населеніи.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока правителями городовъ Мавераннегра калифъ не назначилъ (въ 820 г. по Р. Х.) *Саманидовъ* **). Они остались правителями же при смѣнѣ хорасанскихъ

*) Напр. бунтовщики, ограбившіе домъ Самаркандскаго правителя во время возстанія Рафига, нашли въ немъ до 3 милліоновъ драхмъ.

**) Саманъ производилъ свой родъ отъ персидскаго полководца, Сасанида, Беграма Чубина, принялъ исламъ добровольно въ благодарность за услугу арабовъ. Потомки также оставались преданы арабамъ съ непоколебимой вѣрностью. *Г. Вамбери.* Т. I, стр. 60 и *В. А. Тизенгаузенъ.* «О Саманидскихъ монетахъ», стр. 20.

намѣстниковъ, причемъ въ слѣдующемъ поколѣніи ихъ власть сосредоточилась въ рукахъ способнѣйшаго и лучшаго представителя этой фамиліи — *Измаила*. Онъ снискалъ такое довѣріе калифа (Мутадеда), что послѣдній ввѣрилъ ему управленіе не только Мавераннегромъ и Хорасаномъ, но и Мазандераномъ и городами Реемъ и Исфаганомъ *). Вскорѣ Измаилъ присоединилъ еще Табаристанъ и Джорджанъ, а затѣмъ, при содѣйствіи Багдада, гдѣ дѣлалъ воззванія ко всѣмъ правовѣрнымъ, онъ отразилъ нападенія тюрковъ съ сѣвера и занялъ часть ихъ областей. Такимъ образомъ, владѣнія Измаила простирались отъ юго-западныхъ береговъ Каспійскаго моря до р. Сейхуна или Сыръ-Дарьи, а на югъ—до Персидскаго залива и границъ Индіи. Хотя главенство калифа признавалось всѣми явно и неоспоримо, но власть его стала уже только номинальной, признаваемой лишь добровольно. Государство же имѣло всѣ признаки самостоятельности. Резиденціей своей эмиръ Измаилъ избралъ г. Бухару. Иранецъ по происхожденію, онъ первый соединилъ въ одно государство иранцевъ запада и востока, которое оказалось съ болѣе прочными основами, чѣмъ царство арабовъ, державшееся только кровью религіозныхъ войнъ. Исламъ не совершенно еще подавилъ національное чувство иранскаго народа: арабскихъ чиновниковъ калифа такъ же ненавидѣли, какъ любили и поддерживали туземныхъ сановниковъ. Арабы съ того времени стушевываются постепенно на-нѣтъ. Городъ Бухара—бывшее „мѣстопребываніе наукъ“, еще во времена парсизма, удержалъ свою прежнюю знаменитость и сталъ центромъ духовныхъ стремленій того времени: кое-гдѣ тлѣвшія слабыя искры старой иранской культуры были раздуты Саманидами въ благотворное пламя, хотя окраска и направленіе были уже строго въ духѣ ислама.

Національныя стремленія выразились въ возрожденіи иранскаго языка, который преслѣдовался арабскими правителями болѣе 200 лѣтъ. Языкъ того времени отличается строгимъ пуризмомъ, составляющимъ главную красоту твореній Рудеки и Фирдоуси.

Измаилъ (обыкновенно называемый Эмиръ Измаилъ) есть един-

*) В. А. Тизенгаузенъ. Ibid стр. 21, 22 и далѣе.

ственный великій государь иранскаго происхожденія; онъ обладалъ еще рѣдкими нравственными качествами, а потому имя его и теперь почитается бухарскими таджиками наравнѣ съ именами святыхъ.

Къ его времени относится перестройка кремля съ возвышеніемъ холма, на которомъ онъ расположенъ *), расширеніе и укрѣпленіе городской стѣны **), а также улучшеніе системы орошенія и обдѣлка каналовъ камнемъ.

По смерти Измаила (въ 908 г.), калифъ (Муктефи) не только не принялъ мѣръ къ ослабленію явно возраставшаго могущества Саманидовъ, но самъ утвердилъ за сыномъ Измаила всѣ области, находившіяся подъ властью отца его. Династія Саманидовъ продержалась въ Мавераннегрѣ около 150 лѣтъ; послѣ Измаила она рѣшительно клонится къ паденію.

Отмѣтимъ здѣсь, что Бухара, Самаркандъ и Балхъ, будучи подъ властью Саманидовъ, начали служить убѣжищемъ для строгихъ ревнителей вѣры и въ отношеніи богословія и правовѣдѣнія оспаривали даже авторитетъ Мекки и Медины. Тогда же создано было то государственное первенство, которое Бухара имѣла надъ народами Средней Азіи во всѣ времена и которое могло быть сохранено государями на Зеравшанѣ даже до новѣйшаго времени.

Дальнѣйшая судьба этой страны представляетъ въ общемъ повтореніе того же, что было до Измаила, а именно: всегда служить театромъ политической борьбы иноплеменниковъ, сопутствуемой грабежомъ и жестокимъ эксплоатированіемъ народа.

Выше мы сказали, что въ этой странѣ давно обозначились два главныхъ національныхъ элемента: *иранцы*-аборигены мало измѣнили свои культурныя стремленія и характеръ съ принятіемъ ислама: они всегда были преданы земледѣлію, торговлѣ, наукамъ и вообще мирнымъ занятіямъ. Военное же дѣло составляло достояніе и привилегію воинственныхъ пришельцевъ—*тюрковъ*: они составляли всегда главную силу армій, часто занимали

*) *В. В. Григорьевъ.* «Записки Мирзы Шемса» и проч., стр. 55.

**) Первая городская стѣна построена въ 830 г. по Р. Х., вслѣдствіе частыхъ вторженій и грабежей турокъ. Большія исправленія до Измаила были сдѣланы въ 849 году (Г. Вамбери. Тамъ-же, стр. 78).

высокія должности и, наконецъ, постепенно сами выступили главными политическими дѣятелями. Таковы же были и другіе турки или тюрки, монгольскіе соплеменники ихъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ; разростаясь, вслѣдствіе благопріятныхъ условій, на своихъ родныхъ мѣстахъ, они не вступали въ культурную борьбу съ природой: какъ кочевники и лѣнтяи въ общепринятомъ смыслѣ, они даже презирали такой трудъ—„въ потѣ лица своего“, но за то, какъ кочевники, легко подымались съ своихъ мѣстъ и пускались въ политическую борьбу — на путь завоеваній и грабежей; для этого приходилось подвигаться на западъ и югъ. Такія волны съ большими и меньшими промежутками и слѣдуютъ съ сѣвера и сѣверо-востока одна за другой на благодатную страну, въ бассейнѣ Зеравшана.

И вотъ вся дальнѣйшая судьба этой страны—Мавераннегра, вслѣдствіе ея несчастнаго географическаго положенія, заключается въ томъ, чтобы служить театромъ не столько культурной, сколько грубой политической борьбы: налетаетъ съ сѣвера или востока потокъ „суровыхъ воиновъ или дѣтей пустыни“, какъ называетъ ихъ г. Вамбери, прежде всего грабитъ и сметаетъ все, что попадается на пути, затѣмъ производитъ переворотъ, сообразный съ количествомъ и качествомъ своихъ силъ, и въ политической же борьбѣ отдѣльныхъ личностей, предводителей своихъ, осѣдаетъ. Само собою понятно, сколько силъ тратилось на то, чтобы кочевника заставить осѣсть и что должна вынести страна и народъ прежде, чѣмъ побѣдитель не сроднится съ нимъ. Затѣмъ, при счастіи и способности правителей и государей начинается мирная работа и, если только власть тверда и надежна, то въ короткое время благодатная страна воскресаетъ и результаты культурной дѣятельности являются поразительные. Этимъ короткимъ годамъ Средняя Азія обязана всей своей славой. Но вотъ съ сѣвера слѣдуетъ уже на то же мѣсто новая волна, грабитъ и разрушаетъ накопленія предъидущихъ трудовъ и т. д., и т. д. до тѣхъ поръ, пока запасъ „суровыхъ воиновъ“ въ officina gentium *) не сталъ понемногу истощаться. Тогда, казалось,

*) Кладовая народовъ.

настало время свободному развитію и благоденствію страны, но къ тому времени, увы, стало уже не хватать жизнетворныхъ соковъ и у самого ислама, служившаго важнѣйшимъ ассимилирующимъ факторомъ: съ высоты престола народу провозглашенъ былъ тезисъ: „всѣ земныя цѣли ничтожны“ и отъ самого государственнаго организма стало отзываться трупомъ.

Послѣднимъ актомъ является нашествіе съ сѣвера людей Бѣлаго Царя (Акъ-Падшахъ). Какое знамя несутъ эти послѣдніе, можетъ быть, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Подтвердимъ сказанное краткимъ изложеніемъ событій.

Въ концѣ X вѣка съ востока черезъ Фергану явился народъ тюрко-монгольскаго происхожденія и, послѣ шести кровавыхъ вторженій въ государство Саманидовъ, утвердился на Зеравшанѣ и далъ свою династію *Караханидовъ* *). Этимъ послѣднимъ не удалось распространить своего господства далеко на югъ и востокъ: съ юга имъ данъ былъ отпоръ могуществомъ Газневидовъ, съ сѣверо-востока Харезмскими правителями (нынѣшняя Хива), наконецъ, на юго-востокѣ утвердились и выступили на сцену Сельджуки: не удалось Караханидамъ, поэтому, сдѣлать здѣсь ничего великаго въ политическомъ смыслѣ. Однако, у исторіографовъ описываются съ уваженіемъ и похвалой правленіе нѣсколькихъ хановъ этой династіи, а гробница одного изъ нихъ (Шемсъ-Эль-Мулькъ-Насра) и теперь посѣщается съ благоговѣніемъ.

За Караханидами въ качествѣ политической волны съ сѣвера слѣдуютъ *сельджуки*, тоже „суровые дѣти пустыни“ и турецкаго происхожденія. Но имъ не удалось осѣсть въ Мавераннегрѣ: попавши, какъ въ тиски, между Караханидами и Харезмомъ, они проскользнули между ними и въ своемъ стремленіи на югъ и западъ принуждены были миновать на этотъ разъ долину Зерав-

*) По имени перваго государя, которому приписывается принятіе ислама (*В. В. Григорьевъ*. «Караханиды» стр. 6). Коренныя владѣнія Караханидовъ были по ту сторону Тянь-Шаня въ нынѣшнихъ Китайскихъ предѣлахъ. Мавераннегръ-же былъ для нихъ провинціей (тамъ-же стр. 7 и 41).

Въ изложеніи исторіи «Караханидовъ» мы слѣдуемъ В. В. Григорьеву, отъ котораго принимаемъ и названіе этой династіи. Народъ приведенный ею были турки-харлухи, а не уйгуры, какъ то принимается многими.

шана и утвердились къ западу отъ Мерва (нынѣшній Ахалъ). Сельджукамъ, благодаря генію и долговѣчности трехъ своихъ правителей сряду, скоро удалось распространить свои владѣнія и могущество до береговъ Средиземнаго моря и играть важную роль въ исторіи Европы (первыя побѣды турокъ надъ Византіей, позже—войны съ крестоносцами). Въ то же время Караханиды ослабѣли на столько, что и Мавераннегръ подпалъ подъ протекторатъ сельджуковъ *): они садили хановъ (все-же Караханидовъ), смѣняли ихъ и чувствовали себя поэтому обязанными и защищать ихъ, когда на Мавераннегръ налетѣлъ съ сѣверо-востока новый потокъ: въ 1137 г. „изъ Чина съ несмѣтной ратью“ сдѣлалъ вторженіе Гурханъ **), занялъ Фергану, затѣмъ Самаркандъ, а въ 1141 г. произошло кровопролитное столкновеніе: войска Санджара (славнаго, но послѣдняго Сельджукида Средней Азіи), никогда до сихъ поръ неподвергавшіяся пораженію, были разбиты на голову: 30000 сельджуковъ легло на мѣстѣ и новая турецко-монгольская рать нахлынула на Мавераннегръ. Главенство Гурхана призналъ и Харезмъ (нынѣшнее Хивинское Ханство), бывшій въ то время уже довольно сильнымъ государствомъ. Однако побѣдители, покоривъ почти весь нынѣшній Туркестанъ, оставили въ немъ старыхъ правителей (на Зеравшанѣ—Караханидовъ), обусловили уплату себѣ опредѣленной необременительной дани и сами большею частью ушли въ мѣста коренныхъ своихъ владѣній, за Тянь-Шань.

Государи Харезма сначала исправно платили дань, въ тоже время „собирали“ земли и постепенно усиливались. Наконецъ, честолюбивый Харезмъ-Шахъ, Султанъ Мухаммедъ-Кутебэддинъ, распространившій свои владѣнія до границъ Индіи и на всю нынѣшнюю Персію, прекратилъ уплату дани, занялъ Бухару и Самаркандъ ***), разбилъ войска Гурхана и образовалъ независи-

*) «Караханиды», стр. 14.

**) По *О. Іакинфу*—Юлюй-даши, у *М. И. Иванина*—Елю-Тайши, считается основателемъ Каракитайской Имперіи. *А. И. Маклеевъ* и другіе (см. его источники) называютъ народъ, предводительствованный Гурханомъ, Каракиданями, Монгольскаго племени.

***) Послѣдній Караханидъ, Османъ-Ханъ, женатый на дочери Харезмъ-

мое и громадное государство, хотя и очень разноплеменное. Счастіе ему пока благопріятствовало, потому что Гурханъ (90 лѣтній старецъ) не могъ уже въ то время усмирить своего вассала: кровопролитное возстаніе въ коренныхъ его владѣніяхъ (съ немусульманиномъ, Гушлукъ-ханомъ, во главѣ) скоро затѣмъ привело и его самаго къ потерѣ престола *).

Оставшись, казалось, безъ достойныхъ соперниковъ, султанъ Мухаммедъ Харезмъ-Шахъ, уже не полагалъ предѣловъ своему высокомѣрію: собирался смѣнить халифа въ Багдадѣ, умертвилъ ни за что нѣсколько сотъ человѣкъ, составлявшихъ монгольскій купеческій караванъ, и наконецъ казнилъ посла Чингизханова. Тутъ послѣдовалъ новый потокъ съ сѣвера и востока, равнаго которому еще не было и не будетъ въ нашемъ повѣствованіи. Тѣмъ ужаснѣе было паденіе Мухаммеда: счастливый и могущественный государь до 1219 года, онъ умеръ два года спустя въ нищетѣ, оставленный всѣми, скрываясь на маленькомъ островѣ Каспійскаго моря.

Культурная жизнь Средней Азіи во времена Харезмскаго владычества стояла на высокомъ уровнѣ: „съ Бухарой и Самаркандомъ вели борьбу благороднаго соревнованія на почвѣ культуры, наукъ, торговли и проч.“ Ургенчъ, Нишабуръ, Мервъ и др. **).

Мы не будемъ подробно описывать нашествія монголовъ: для нашихъ цѣлей достаточно сказать, что это былъ потокъ лавы, несшій гибель и разрушеніе всему, что лежало на его пути; а въ началѣ этого-то пути лежали благодатныя страны по Сыру, Аму и Зеравшану: онѣ должны были выдержать первый напоръ новыхъ „суровыхъ воиновъ степей“ и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ впервые утолить жажду ихъ къ хищничеству и разрушенію. Если у этого, неизвѣстнаго до сихъ поръ, народа хватило

Шаха, возсталъ потомъ противъ него и произвелъ избіеніе Харезмійцевъ въ Самаркандѣ, за что и былъ казненъ. («Караханиды», стр. 18).

*) Замѣтимъ кстати, ссылаясь вмѣстѣ съ *М. И. Ивашинымъ* (стр. 56) на d'Ohsson'a (т. I, стр. 172, 174, 207, 208), что въ Каракитайской Имперіи процвѣтали тогда торговля, земледѣліе и механическія искусства.

**) Передъ самымъ нашествіемъ, Харезмъ посѣтилъ и восторженно описалъ арабскій путешественникъ Якутъ (*А. И. Макшеевъ*, стр. 15).

силъ пройти и завоевать въ продолженіи какихъ нибудь 20—30 лѣтъ страны отъ Японскаго и Китайскаго моря до Адріатическаго, то каково было выносить тяжесть первыхъ ударовъ!

Г. Бухара, оказавшій геройское сопротивленіе, обратился въ груду развалинъ и труповъ. Одному бѣглецу приписывается слѣдующій, прославившійся въ стихахъ, лаконическій отвѣтъ: „они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли“ *).

Послѣ монгольскаго погрома духовная жизнь въ Средней Азіи погасла. „Главной причиной этого несчастья, говоритъ Вамбери, естественно, было то обстоятельство, что монголы истребленіемъ первобытнаго иранскаго населенія въ городахъ, или уводомъ его большими массами, уменьшили число собственно главныхъ представителей культуры и мирной жизни въ той мѣрѣ, въ какой взяли перевѣсъ турецкіе элементы, враждебные просвѣщенію . . . “. Въ другомъ мѣстѣ: „Трансоксіана, въ продолженіе владычества Чингизидовъ, представляетъ ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія смѣняютъ другъ друга . . . “.

Гор. Бухара за это время раза четыре подвергался разграбленію, разрушенію и избіеніямъ.

Отмѣтимъ одну характерную черту изъ культурной жизни этой эпохи: принципъ полной вѣротерпимости, отличавшій всегда монголовъ, и уваженіе къ духовному сану доставили и мусульманскому духовенству извѣстную защиту и неприкосновенность. Такъ какъ духовнаго *сана* въ строгомъ смыслѣ у мусульманъ не существуетъ, то подъ это понятіе подведены были, т. е. стали считаться духовными лицами, всѣ, имѣющіе какое нибудь касательство къ религіи, т. е. судьи, ученые, всякіе книжники, всякій мулла—наемный исполнитель требъ. Но всѣ они, пользуясь сравнительной неприкосновенностью, доставляли многимъ и часто убѣжище и защиту, а потому получили въ это время большое значеніе; а когда и сами Чагатаиды, коимъ досталась въ наслѣдіе Средняя Азія, приняли исламъ, то принципъ этотъ получилъ

*) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 144.

еще большое развитіе—до уродливости: ревнители вѣры пріобрѣтали иной разъ вліяніе, ничѣмъ неограниченное: случалось, что сами владѣтельные потомки Чингизъ-Хана въ мечети, въ присутствіи народа, выслушивали въ проповѣди выговоръ отъ фанатическаго муллы и съ раскаяніемъ просили прощенія.

Чагатаиды видимо питали отвращеніе къ остаткамъ и признакамъ древне-иранской культуры и жили охотнѣе на крайнемъ сѣверѣ или востокѣ наслѣдственной земли. Правителями же, намѣстниками и уполномоченными ихъ въ Мавераннегрѣ оставались обыкновенно тюрки, которыхъ они частью привели съ собой, какъ помощниковъ и союзниковъ, частью же здѣсь застали, болѣе или менѣе ассимилировавшимися съ прежнимъ мѣстнымъ элементомъ. Вновь пришедшіе нашли въ ранѣе утвердившихся соплеменникахъ отличную почву для упроченія своей популярности и вліянія,—вторые нашли въ завоевателяхъ удобный путь для возвышенія изъ покоренныхъ въ „господствующую расу“. Естественно поэтому, что возставшими и свергнувшими владычество монголовъ являются тюрки. Отъ нихъ и народу можно было ожидать больше, чѣмъ отъ „варваровъ“ монголовъ, ибо бо̀льшая часть ихъ, ассимилированная, уже усвоила себѣ культурныя стремленія недавняго прошедшаго.

Эффектнымъ выразителемъ тюркскихъ стремленій и даже олицетвореніемъ всей этой эпохи является столь прославленный *Тимуръ* (1363 г.—1405 г.). Мы опять не будемъ подробно останавливаться на завоеваніяхъ, побѣдахъ и военной славѣ Тимура. Замѣтимъ лишь, что многое пришлось вынести Мавераннегру въ началѣ его бурной карьеры; но за то этому краю было возвращено сторицей потомъ, когда армія его много разъ возвращалась изъ счастливыхъ всегда походовъ, обремененная добычей и богатствами, такъ или иначе остававшимися въ странѣ. Личность Тимура—необыкновенно выдающаяся: онъ былъ ревностнѣйшимъ мусульманиномъ и объявилъ себя таковымъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности; но это доказываетъ лишь, что онъ отлично понималъ свое время: принимая во вниманіе вышесказанное о вліяніи и значеніи въ народѣ въ то время духовенства, становится яснымъ, почему Тимуръ такъ скоро пріобрѣлъ

не только сторонниковъ, но и популярность. Однако, не смотря на свое постоянное и примѣрное усердіе къ исламу, онъ былъ большой почитатель Чингизоваго кодекса—„Яса“ или „Язау“, какъ болѣе приспособленнаго къ соціальнымъ и политическимъ отношеніямъ тюркскихъ народовъ, чѣмъ учрежденія въ чисто семитическомъ духѣ, возникшія изъ корана и сунны; въ военной же организаціи онъ строго слѣдовалъ законоположеніямъ Чингизъ-хана, за что заслужилъ даже несправедливый упрекъ, что „Яса“ цѣнитъ выше корана. На знаменитыхъ празднествахъ и пирахъ Тимуровыхъ послѣ ѣды слѣдовали грандіозныя попойки, на которыхъ всему прочему предпочиталось *вино*.

Самъ Тамерланъ слѣдовалъ обычаю, чисто монгольскому,— носить большія и дорогія серьги, а голову покрывалъ всегда не тюрбаномъ, а длинной конической войлочной шляпой съ драгоцѣнными каменьями на верхушкѣ *).

Тюркская натура Тимура очень рельефно сказывается въ томъ предпочтеніи, какое онъ оказывалъ жизни въ палаткахъ, въ лагерѣ, передъ дворцовой; у него и дворца то настоящаго, своего, кажется, не было, а если приходилось жить, то вѣроятно въ чужихъ, занятыхъ. Зато дошедшія до насъ подробныя описанія лагеря на Канигульской равнинѣ въ окрестностяхъ Самарканда, празднествъ въ немъ, роскоши, красоты, величины и количества шатровъ и палатокъ (или юртъ) представляютъ намъ настоящія чудеса. Присовокупимъ къ этому еще одну историческую справку: въ лагерѣ Тамерлана у г. Дели (въ Индіи) набралось болѣе 100000 плѣнныхъ индійцевъ, хотя, разумѣется, ихъ не копили; такое количество крайне стѣсняло свободу арміи. Къ тому же Тамерлану донесено было, что, когда индійскія войска со слонами во главѣ вышли для сраженія изъ г. Дели, то на лицахъ плѣнныхъ изобразилась радость. Это невольное выраженіе надежды на освобожденіе было сочтено преступленіемъ и послужило причиной гибели плѣнныхъ: Тамерланъ приказалъ всѣхъ ихъ умертвить, что и было исполненно немедленно и въ точности **).

*) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 218—226.

**) *М. И. Иванинъ.* «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ» и проч., стр. 211.

Такое отношеніе къ человѣческой жизни не въ духѣ арійцевъ, но между ними не явилось еще и такого всемірнаго завоевателя, какъ Чингизъ или Тимуръ. Въ описанномъ дѣлѣ Тимуру помогло еще и то, что эти 100 т. человѣкъ были невѣрные—идолопоклонники и гебры.

Что касается вліянія Тимура на культурную жизнь того времени, то ему приписывается поднятіе тюркской народности изъ воинствующей по преимуществу на степень культурной: онъ далъ, будто начало духовному и научному стремленіямъ въ тюркскомъ національномъ направленіи и, олицетворяя собою побѣду тюрковъ надъ монголо-китайскимъ міромъ, выдвинулъ на первый планъ тюркскую народность, чего не сдѣлали ни сельджуки, ни харезмцы, хотя и тюрки по происхожденію, но всегдашніе поклонники ираноисламской культуры. Оффиціальнымъ языкомъ страны со времени Тимура сталъ тюркскій; письмена были удержаны монголо-югурскія, ненавидимыя фанатическими мусульманами, какъ остатокъ буддистскаго невѣрія *).

Торговыя сношенія пріобрѣли полную безопасность вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества. Лучшія доказательства этого представляетъ испанское посольство, спокойно пропутешествовавшее отъ Трапезунда до Самарканда почти безъ конвоя большимъ караваномъ, навьюченнымъ драгоцѣнностями запада **). Глава этого посольства—христіанскій рыцарь, испанскій гидальго, донъ Рюи Гонзалецъ де-Клавихо, заслуживающій полнѣйшаго довѣрія въ своихъ описаніяхъ, говоритъ о пышности и богатствѣ Тимурова двора такія вещи, которыя кажутся по истинѣ маловѣроятными ***). Но, разумѣется, все это было награблено или „взято въ открытомъ бою“ отъ другихъ людей. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что сдѣлано было многое для культуры наконецъ и тюрками, если не при самомъ Тимурѣ, то при его преемникахъ. Хотя эти послѣдніе удержали свои наслѣдственныя владѣнія меньше, чѣмъ одно столѣтіе, и хотя раздоры и борьба за

*) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 234.

**) «Иранъ», *К. Риттера.* Перев. и дополн. *Н. В. Ханыковъ.* СПБ. 1874 г. стр. 580—625.

***) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 221—232.

престолонаслѣдіе, начиная со смерти Тимура, не прекращались все время, но государство, основанное Тимуромъ, по организаціи своей было сильно, популярно и возбуждало къ себѣ довѣріе; если не власть, то обаяніе личности великаго покойника было еще твердо и надежно: страна воскресла, разбогатѣла и продолжала развиваться съ полнымъ блескомъ даже по распаденіи его громаднаго государства, избравъ себѣ нѣсколько духовныхъ центровъ (Гератъ, Мервъ, Бухара, Самаркандъ), въ зависимости отъ средоточія политической власти.

Между Тимуридами, не смотря на ихъ жестокость во взаимной враждѣ, было нѣсколько человѣкъ, отличавшихся блестящими дарованіями и благородствомъ души*), но наибольшаго вниманія заслуживаетъ *Улугъ-бегъ*, сынъ достойнаго отца—Шахъ-руха Мирзы. Хотя онъ былъ принуждаемъ вести постоянныя войны противъ новыхъ набѣговъ тюрокъ же съ сѣвера и востока и противъ родственныхъ претендентовъ, но слава его заключается въ высокомъ подъемѣ науки и образованія, обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ его покровительству и личному участію: работы его обсерваторіи стали достояніемъ европейской науки только въ XVII вѣкѣ, но отъ этого не потеряли ничего въ своей цѣнности. Стоитъ себѣ представить, отъ какихъ отраслей знаній и техники зависятъ удовлетворительныя астрономическія работы, чтобы сдѣлать правильное заключеніе о степени состоянія культуры и механическихъ производствъ въ странѣ. Онъ былъ казненъ (въ 1449 году) своимъ роднымъ сыномъ.

Тюркскіе принцы — Тимуриды, не только оказывали щедрую поддержку представителямъ литературы и искусства, но очень многіе изъ нихъ и сами становились въ ихъ ряды и не стыдились занимать второстепенное мѣсто; длинный списокъ ихъ можетъ быть увѣнчанъ Бабероомъ Мирзою, знаменитымъ основателемъ „династіи Могола“ въ Индіи, мемуары котораго заслужили названіе комментаріевъ Цезаря востока.

Духовныя стремленія этого вѣка, слѣдуя первоначальному

*) Французскій ученый М. Беленъ замѣчаетъ по этому поводу: «удивительно, почему любовь къ литературѣ (des lettres) не оказывала благотворнаго вліянія на грубость и животную жестокость этихъ принцевъ, которые находились подъ вліяніемъ извѣстнаго рода религіозной философіи».

толчку, усиленному затѣмъ ревнительствомъ самого Тимура, къ сожалѣнію, получили нѣкоторую наклонность къ богословскимъ умозрѣніямъ и мистицизму, что въ будущемъ и развилось въ лицемѣрное ханжество и религіозное изувѣрство.

Эпоха Тимуридовъ славилась также процвѣтаніемъ искусствъ: въ это время возведены многія тысячи различныхъ общественныхъ построекъ, коллегій, караванъ-сараевъ, мостовъ, мечетей, больницъ, читаленъ и проч. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, по свидѣтельству Бабера, Бухара еще въ эпоху Тимура была знаменитѣйшею школою живописи на мусульманскомъ Востокѣ, а лучшія зданія всюду украшались скульптурными изваяніями и картинами альфреско, на которыхъ были не только арабески или неодушевленные предметы, но изображенія и портреты знаменитыхъ князей, воиновъ, даже святыхъ и проч. *). 200—300 лѣтъ спустя и донынѣ, въ той же Бухарѣ, мусульманинъ, изображающій людей и животныхъ, подвергъ бы свою жизнь опасности.

Тимуриды, въ своихъ постоянныхъ братоубійственныхъ войнахъ, не разъ находили убѣжище къ сѣверу за Яксартомъ (Сыръ-Дарьей); оттуда же, изъ этой „запасной кладовой воинственныхъ элементовъ“, они приводили себѣ помощь и союзниковъ въ видѣ отрядовъ узбекскихъ наѣздниковъ, которые служили безразлично то той, то другой сторонѣ, но всегда возвращались съ тяжелымъ грузомъ добычи. Узбеки, въ числѣ другихъ, отступили къ югу, тѣснимые съ сѣверо-запада успѣхами Россіи; это были тоже „суровые воины пустыни“, нищіе, голодные, грубые, способные перенести всякія лишенія, труды и опасности, но дѣйствовавшіе всегда въ духѣ своей народной пословицы: „если врагъ нападаетъ на палатку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ“. Сначала узбеки были только орудіемъ, но когда, наконецъ, у нихъ нашелся свой вождь, способный и честолюбивый, и сталъ во главѣ племени, то оно и двинулось потокомъ (новымъ) на югъ, на поприще завоеваній. Въ 1499 г. узбеки, подъ предводительствомъ *Мухаммеда-Шейбани*, заняли городъ Бухару, затѣмъ, въ 1500 г., Самаркандъ, потеряли ихъ, затѣмъ опять взяли, разграбили и

*) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 272 и 273.

раззорили оба города въ конецъ и свергли, такимъ образомъ, господство Тимуридовъ въ Мавераннегрѣ. Резиденціей своей Шейбани избралъ г. Бухару. Появилась въ это время съ сѣверо-востока новая небольшая волна калмыковъ и монголовъ, стремившихся слѣдомъ за узбеками и могущихъ, пожалуй, уничтожить всѣ планы честолюбиваго Мухаммеда-Шейбани въ только что завоеванной странѣ. Но послѣ рѣшительнаго столкновенія онъ съумѣлъ во время и остановить ее, и обезвредить. Въ дальнѣйшемъ движеніи узбековъ за добычей, Шейбани пришлось еще выдержать ожесточенную борьбу (съ Хосру-шахомъ) на юго-востокѣ и съ правителями Харезма на сѣверо-западѣ; остался, наконецъ, на юго-западѣ послѣдній, но и самый могущественный врагъ—старикъ, султанъ Гуссейнъ-Мирза (Байкара), Тимуридъ, основатель цвѣтущаго государства въ Хорасанѣ; но онъ не дожилъ до своего паденія; сборныя же войска его наслѣдниковъ и союзниковъ были разбиты сначала на голову у Меручака (въ 1505 году), а уцѣлѣвшія части были разсѣяны или уничтожены военачальниками Шейбани вмѣстѣ съ принцами Тимурова дома, коихъ погибло тогда 12 человѣкъ. Въ то же время узбекамъ пришлось возстановлять порядокъ и спокойствіе въ занятыхъ уже странахъ, усмирять непокорныхъ, обезпечивать границы и пр. И, однако, въ какихъ нибудь 5—8 лѣтъ, Мухаммедъ-Шейбани основалъ могущественную имперію, утвердилъ свою династію и мечталъ о славѣ Чингиза и Тимура. А его узбеки, бѣдные и кутавшіеся въ овчины еще передъ взятіемъ Самарканда, были теперь завалены драгоцѣнностями и богатствомъ, награбленными въ покоренныхъ странахъ, при чемъ алчность ихъ была впервые удовлетворена опять же Бухарой и Самаркандомъ. Шейбани не думалъ удовольствоваться достигнутымъ: управленіе различными областями поручено было имъ разнымъ заслуженнымъ воинамъ, а за собой онъ удержалъ только власть верховнаго главнокомандующаго арміей, готовясь употребить послѣднюю въ дѣло; поводъ тотчасъ же представился, но Шейбани встрѣтилъ достойнаго соперника въ лицѣ Шахъ-Измаила и погибъ, сдѣлавшись жертвой излишней самоувѣренности и пренебреженія къ противнику: онъ умеръ въ бою смертію героя, въ 1510 г., съ тысячами своихъ сподвижниковъ. Нужно сказать, что

Шахъ-Измаилъ, повелитель въ то время большей части Ирана и Арабистана, прославился въ особенности тѣмъ, что знаменемъ своимъ поставилъ дѣло шіитской религіозной секты, подавляемой до сихъ поръ, и возвысилъ ее на степень національнаго культа иранцевъ. Шіизмъ имѣлъ всегда много послѣдователей между иранцами, потому что своей сектанской ненавистью къ суннитамъ онъ удобно служилъ выраженіемъ національнаго чувства ихъ, оскорбленнаго своеволіемъ семитическихъ завоевателей *).

Окрѣпшее, со времени Шахъ-Измаила, внутри состояніе Ирана и усердіе къ вѣрѣ шіитовъ-преемниковъ Шаха-Измаила, образовало преграду между исламомъ востока и запада, преграду, которая потомъ никогда уже не была поборена или уничтожена, и *Средняя Азія обособилась*; а имперія Шейбани, созданная въ нѣсколько лѣтъ потокомъ полудикихъ степныхъ завоевателей, представляетъ уже послѣдній этого рода случай: новой, всесокрушающей волны съ сѣвера или сѣверо-востока уже не будетъ въ нашемъ очеркѣ. Было много большихъ разбойничьихъ набѣговъ: „калмыковъ, казаковъ, кипчаковъ, киргизъ“ и проч. **), все это получало свою лепту и терзало несчастную страну между Сыромъ и Аму, но этнографическаго переворота съ того времени и до нашихъ дней не было; киргизы начали было „служить орудіемъ“, но вслѣдствіе неблагопріятныхъ для нихъ условій развитія въ родныхъ степяхъ до „руководительства“ такъ и не дозрѣли ***).

Русскіе застали въ Средней Азіи положеніе, въ общемъ мало измѣнившимся съ того времени: застали узбековъ въ качествѣ „господствующей расы“ и таджиковъ (иранцевъ) — аборигеновъ. Съ того времени сохранилась даже и взаимная характеристика обѣихъ сторонъ: таджики издревле заклеймены были прозвищемъ трусовъ, у иранцевъ же Бухары до сихъ поръ „узбекъ“ есть си-

*) Наблюдалось это много разъ, начиная съ возмущенія Шерика во время арабскаго господства въ Бухарѣ.

**) Названія эти мы беремъ, какъ нарицательныя и общеупотребительныя, не придавая имъ этнографическаго значенія.

***) Для полноты мы должны однако отмѣтить, что русскія войска въ 50-хъ, 60-хъ и семидесятыхъ годахъ при движеніи своемъ въ предѣлы бывшаго Кокандскаго ханства застали тамъ «дѣйствующими лицами и руководителями» именно представителей кочевниковъ, каковы: Мусильманкулъ, Алимкулъ, Автобачи и проч.

нонимъ грубости и варварства *). Личность Шейбани, впрочемъ, и тогда была исключеніемъ: это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, самъ писатель, покровитель и поклонникъ ученыхъ, между которыми, къ сожалѣнію, преобладали богословы.

Династія Шейбани продержалась лишь 100 лѣтъ. Она дала еще двухъ замѣчательныхъ дѣятелей. Первый — *Уббей-дуллахъ*, который, то въ качествѣ главноначальствующаго военными силами, то самостоятельно на тронѣ, заправлялъ судьбами государства въ продолженіи безъ малаго 30 лѣтъ. Это былъ настоящій узбекъ: онъ съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ и старыхъ воиновъ Шейбани разбилъ на голову большую армію Бабера **) между Бухарой и Самаркандомъ; а затѣмъ съ своими наѣздниками сдѣлалъ шесть набѣговъ на Иранъ, но цѣль-то ихъ была не завоеваніе странъ, а лишь грабежъ. Наводя всюду ужасъ, онъ держалъ сосѣдей въ страхѣ и границы въ безопасности. Нужно подозрѣвать, впрочемъ, что выборъ времени для нашествій этихъ дѣлался по соглашенію съ Османами, такъ какъ каждый разъ имъ предшествовало начало военныхъ дѣйствій со стороны государей Константинополя противъ возникшаго могущества шіитовъ ***).

Вторымъ былъ *Абдулла-Ханъ*, имя котораго извѣстно и до сихъ поръ каждому простолюдину Средней Азіи и вспоминается съ уваженіемъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности ему пришлось очищать страну отъ наводнившихъ ее съ сѣвера калмыковъ и „киргизъ“ †), занявшихъ было уже Бухару и Самаркандъ, т. е. начинать почти все сначала и, однако, онъ успѣлъ не только возстановить старыя границы имперіи Шейбани, но и раздвинуть ихъ во всѣ стороны далѣе, чѣмъ удавалось предшественникамъ. Абдулла-Ханъ

---

*) Если то и другое имѣло разумное основаніе въ то давнее время, то теперь оба эпитета излишни.

**) Баберъ основалъ уже въ то время новое сильное мусульманское государство, прославившееся потомъ подъ названіемъ Индійской Имперіи Великаго Могола. Это сраженіе (въ 1512 г.) было послѣдней его попыткой вернуть престолъ и резиденцію предковъ.

***) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, т. 2, стр. 37.

†) Они потомъ еще три раза нападали на Мавераннегръ.

также, то въ качествѣ главноначальствующаго арміей и регента, то какъ самодержавный государь, правилъ въ Мавераннегрѣ болѣе, чѣмъ сорокъ лѣтъ и, хотя ему всю жизнь пришлось воевать и хотя слава его къ концу жизни была помрачена многими неудачами, но подвластныя ему страны давно уже такъ не процвѣтали: торговля, земледѣліе и науки находили въ немъ могущественнаго и умѣлаго покровителя; при немъ возведено большое количество монументальныхъ сооруженій, всѣ важнѣйшія дороги были снабжены помильными столбами (ташъ), сообщеніе производилось совершенно безопасно и проч. Нужно удивляться, какъ Абдулла-Ханъ находилъ время столько заботиться о процвѣтаніи культуры и о счастьи своихъ подданныхъ. По справедливости онъ заслужилъ свою популярность и названіе „благодѣтеля своего народа“.

Послѣ печальной кончины Абдулла-Хана (въ 1598 г.) престолъ занялъ очень способный, честолюбивый, но недостойный сынъ его Абдулъ-Муминъ *), убитый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорщиками, которымъ не трудно было достигнуть своей цѣли ввиду общей ненависти къ Абдулъ-Мумину за его кровожадность и жестокость. Съ нимъ прекратилась династія Шейбанидовъ.

Въ эту эпоху (XVI вѣкъ) Средняя Азія обособилась не только территоріально, о чемъ замѣтили мы раньше, но и въ религіозномъ отношеніи. Восточно-исламскій міръ потерялъ не только непосредственную связь, но и всякую общность стремленій и интересовъ съ исламомъ запада съ калифатомъ. Эта, такъ сказать, самостоятельность придала новыя силы упомянутому нами выше богословско-суфическому направленію, начавшемуся еще до Тимуридовъ: теперь оно окрѣпло и стало пріобрѣтать все большее и большее вліяніе на духовную жизнь всего народа. Государи и принцы соперничали на счетъ религіозной благонадежности и благонамѣренности, унижались передъ разными аскетами, чудотворцами, а можетъ быть и юродивыми. Къ этому же времени относится очень много памятниковъ зодчества, существующихъ

*) Онъ ранѣе прославился во главѣ ордъ узбековъ взятіемъ Мешхеда и страшнымъ разграбленіемъ гробницы и сокровищъ Имама Риза.

до-нынѣ, такъ какъ не являлось для нихъ разрушителей; въ зависимости отъ направленія эпохи все это — мечети, мадрасса и мавзолеи надъ могилами подвижниковъ, святыхъ, ученыхъ, богословъ и проч. *). Направленіе это получило уже полное свое развитіе въ слѣдующую эпоху, когда Бухарскимъ ханствомъ правила династія *Аштарханидовъ* **) въ XVII и XVII вѣкахъ. Имамы, шейхи, улемы и ученые толкователи священныхъ писаній не только получили всеобъемлющее вліяніе, но многіе изъ нихъ при жизни еще удостоивались поклоненія, приличествующаго святымъ: заболѣлъ Ханъ (Баки-Мухаммедъ) въ критическую для страны минуту,—всѣ взоры обращаются къ святому Шейху (Алимъ-Азизамъ) и ожидаютъ отъ него чудотворнаго исцѣленія ***); угрожаетъ непріятель, — обратились за совѣтомъ къ благочестивому мужу (Ходжа Мухаммедъ Аминъ), и тотъ и въ самомъ дѣлѣ помогаетъ одержать побѣду надъ фанатизированнымъ вѣрующимъ †).

Три государя этой династіи къ ряду, подъ конецъ своей жизни, мѣняли скипетръ на посохъ пилигрима и какъ благочестивые, примѣрные мусульмане отправлялись въ Мекку. Четвертый (Субханкули) тоже избѣгалъ браннаго поля, лучше всего чувствовалъ себя въ обществѣ богословъ, писалъ стихи, занимался медициной и оставилъ послѣ себя подробный лечебникъ на турецкомъ языкѣ. Династія эта просуществовала почти два вѣка (1599—1796); между государями ея было нѣсколько чело-

*) Простой народъ приписываетъ большинство монументальныхъ сооруженій Средней Азіи своему любимому герою, Абдулла-Хану: на вопросъ, когда построено то или другое, чаще всего слѣдуетъ стереотипный, но не всегда вѣрный отвѣтъ: «при Абдулла-Ханѣ» или «Абдулла-Ханомъ.

**) Или иначе —*Астраханская династія*,—происходитъ отъ Джучи, сына Чингизъ-Хана. Въ XV столѣтіи потомки его бѣжали въ низовье Волги, здѣсь избраны были съ теченіемъ времени въ князья номадами этой страны; названіе династія получила по мѣсту жительства; тѣснимые Русскими царями, князья бѣжали на берега Зеравшана, породнились съ домомъ Шейбани, а по смерти Абдулъ-Мумина избраны были знатью въ государи страны. Нѣкоторые называютъ эту династію «Джанидами»—по имени Джани-хана, отца первыхъ трехъ хановъ Бухары.

***) *Г. Вамбери.* Тамъ-же. Т. 2, стр. 73.

†) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 75.

вѣкъ безъ сомнѣнія талантливыхъ и хорошихъ; правленіе ихъ отличалось миромъ, справедливостью и, пожалуй, внѣшнимъ блескомъ. Но чего благотворнаго и живаго можно ожидать отъ эпохи, когда представители ея, призванные судьбою устраивать и направлять земную жизнь народовъ и *дѣйствовать*, поставили девизомъ своимъ, что „всѣ земныя цѣли ничтожны.“ Къ тому же они были люди убѣжденные въ этой истинѣ, послѣдовательные, и шли избраннымъ путемъ до возможнаго предѣла, т. е. иногда даже до абсудра *), и старались, чтобы „слово сходилось съ дѣломъ.“ Мы это видѣли на пилигримахъ, и кстати разскажемъ слѣдующій характерный эпизодъ: Имамъ-кули, ханъ въ раздраженіи поклялся, что не остановитъ своего мщенія противъ убійцъ своего сына, Ташкентскихъ бунтовщиковъ, пока „кровь ихъ не будетъ доходить до стремени его лошади.“ Когда же пришло къ дѣлу, то, чтобы избавить своего благочестиваго государя отъ нарушенія клятвы, а дѣтей и стариковъ Ташкента отъ напраснаго избіенія, улемы придумали слѣдующее: была вырыта яма и въ нее спускалась кровь всѣхъ убитыхъ, когда она дошла до стремени въѣхавшаго въ нее хана, то прекращены были убійства и казни **).

Достойно замѣчанія, что благосостояніе народа начало сильно падать именно въ это время; оно и понятно, если — „всѣ земныя цѣли ничтожны.“ А такъ какъ жизнь шла своимъ чередомъ, т. е. нападали по прежнему съ сѣвера десятки разъ и грабили страну киргизы и казаки, дѣлали нашествія съ перемѣннымъ успѣхомъ хивинцы, возставали братья и родственники, являлись претенденты на престолъ, бунтовали вассалы и проч., то приходилось или явно уклоняться отъ живаго дѣла и отвѣтственности, или соблюдать лишь форму, не заботясь о сущности. То и другое является въ полной мѣрѣ: государи или передаютъ скипетръ преемникамъ, а сами отправляются въ „хаджъ,“ или отличаютъ особымъ довѣріемъ кого либо изъ своихъ вельможъ, которые занимаются всѣми земными дѣлами и творятъ судъ и расправу отъ лица

*) До непогрѣшимости ничьей впрочемъ не дошли.

**) *Г. Вамбери.* Тамъ-же, стр. 77.

2018813175

хана, а сами погружаются въ богомысліе и богословіе. Недостатокъ дѣйствительныхъ силъ и могущества долго и удобно покрывался блескомъ пріемовъ, торжественными церемоніями, придворнымъ этикетомъ и вообще соблюденіемъ внѣшнихъ формъ жизни. Неподдѣльный блескъ прошедшаго ослѣплялъ еще всѣхъ на столько, что Бухара пользовалась у Суннитомухаммеданскихъ князей и государей того времени *) большимъ уваженіемъ и почетомъ: никто не замѣчалъ еще начавшагося разложенія и гнилости подъ покровомъ блестящихъ внѣшнихъ формъ. Ханы эти, съ привилегіей праздномыслія и ничего недѣланія, разумѣется, скоро потеряли свое почетное положеніе, но формализмъ и лицемѣріе, надолго водворившіеся у престола, оказали развращающее вліяніе на строй жизни всего ханства. Соблюденіе внѣшней формы и приличій, детальная разработка ихъ и охраненіе, стало задачей всѣхъ и во всемъ—своего рода цѣлью. Никому не было дѣла между прочимъ и до искренности религіознаго чувства: цѣнилось лишь его проявленіе, а потому ханжество и религіозное изувѣрство получили свободное, ничѣмъ необуздываемое распространеніе, принимались толпою, какъ примѣры, достойныя подражанія, какъ сама истина, и никто изъ лучшихъ людей той среды и времени не замѣчалъ въ этомъ лжи и тлетворности. Страна же постепенно такъ отдѣлилась пустынями, степями и полудикими врагами отъ всего прогрессирующаго міра, что новой струѣ не откуда было попасть туда и некому было открыть глаза увлекшимся.

Именно эту эпоху мы имѣли въ виду, когда упомянули выше, что въ самомъ ученіи, въ исламѣ, составляющемъ основу и сущность государственнаго (теократическаго) устройства Бухарскаго ханства, стало въ это время недоставать жизнетворныхъ силъ и духовной пищи для лучшихъ умовъ, для тѣхъ, кто соль земли.

Это особенно наглядно обнаружилось при первомъ и славнѣйшемъ представителѣ слѣдующей династіи *Шахъ Мурадъ-Мангитъ*, которому нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ энергіи,

*) Ко двору Субханкули еще приходили почетныя посольства съ дорогими подарками изъ Хотана и Кашгара, изъ Крыма, изъ Индіи, изъ Константинополя и проч.

ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, но которому не удалось сдѣлать ничего прочнаго и долговѣчнаго изъ того матеріала, который предоставленъ былъ ему судьбою.

Обычай поручать защиту своихъ интересовъ и всѣ хлопоты и заботы по управленію государствомъ особо-довѣреннымъ лицамъ началъ постоянно практиковаться при послѣднихъ ханахъ Астраханской династіи, которые при этомъ естественно обратились въ манекеновъ, а управители съ титуломъ „аталыка“ или „наиба“ *), и съ дѣйствительной властью въ рукахъ, стали ихъ смѣщать сажать на тронъ, при надобности умерщвлять или дозволять имъ жить, награждать матеріально и проч. Одинъ такой управитель, узбекъ изъ рода Мангитъ, породнился съ династіей Аштарханидовъ. Затѣмъ уже нетрудно было подготовить почву такимъ образомъ, чтобы по смерти послѣдняго Аштарханида, существующій фактъ облечь въ приличную форму; и вотъ, въ 90 годахъ прошлаго столѣтія **) на престолъ Бухары вступила династія *Манитъ* въ лицѣ Шахъ Мурада, принявшаго по этому случаю названіе Эмиръ Маасумъ Гази изъ желанія придать правленію своему характеръ религіозный ***). Воспоминанія объ этой личности настолько еще свѣжи въ г. Бухарѣ, и сама она на столько типична и замѣчательна, что мы остановимся на

*) «Аталыкъ» значитъ буквально: «батька» или «дядька»; «наибъ»—намѣстникъ, помощникъ.

**) Когда именно Шахъ-Мурадъ вступилъ юридически на престолъ,—неизвѣстно. Онъ долгое время, съ 1784 г., управлялъ ханствомъ, довольствуясь титуломъ наиба; ханомъ же бухарскимъ номинально считался Абуль-Гази—послѣдній, кажется, Аштарханидъ. Есть доказательства, что Абуль-Гази умеръ не ранѣе 1796 г., и тогда только Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ Эмира. (*В. В. Григорьевъ.* «Записки Мирзы Шемсъ и пр.» стр. 42—43).

***) Эмиръ въ этомъ случаѣ употреблено въ сокращенномъ видѣ; полный титулъ—Эмиръ-Эль-Муменинъ—«повелитель вѣрующихъ», который носили до того только Калифы. Принятіе такого титула является естественнымъ послѣдствіемъ изолированнаго положенія сунито-мусульманской Средней Азіи, которая нуждалась въ духовномъ главѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія потому, что Бухара съ того времени стала себя считать и признавалась весьма многими политическимъ и, такъ сказать, іерархическимъ центромъ мусульманства внутренней Азіи. Это вошло въ большей степени и въ сознаніе народнас. (*В. В. Григорьевъ.* «Записки Мирзы-Шемсъ Бухари» и пр. стр. 41 и 42).

ней болѣе подробно *). Кстати, полагаемъ, получитъ нѣкоторое освѣщеніе и та атмосфера, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Шахъ-Мурадъ.

Первая молодость Шахъ-Мурада прошла далеко не назидательно; благочестію и отшельничеству началъ предаваться онъ, не ранѣе, какъ достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста. Вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его, Даніяль, объявивъ его своимъ преемникомъ; но Шахъ-Мурадъ надѣлъ дервишскую рясу, заперся въ одной изъ мечетей Бухары, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ что бы мѣшало ему погружаться въ богомысліе. Онъ отказался даже отъ доли своей въ оставшихся послѣ отца богатствахъ: „никогда не соглашусь я сказалъ онъ, осквернить руки мои деньгами, пріобрѣтенными насиліемъ и несправедливостями". И мало того, что отказался: одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, отправился онъ въ такомъ видѣ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей, чтобы они простили преступленія и проступки покойнаго отца его, и предлагая въ искупленіе ихъ собственную жизнь. Между учеными и святошами Шахъ-Мурадъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ уваженіе, какъ благочестіемъ, такъ ученостью и нѣсколькими отличными богословскими сочиненіями; но народъ не зналъ еще его, и теперь пришелъ въ удивленіе и умиленіе, видя въ такомъ знатномъ молодомъ человѣкѣ столько святости и самоуничиженія. Послѣ этого, Шахъ-Мурадъ заключился въ главной мечети города, и цѣлый годъ провелъ въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская до себя никого, кромѣ нѣсколькихъ любимыхъ учениковъ: въ это именно время написалъ онъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій Айль-Эль-Хикметъ, „Источникъ Мудрости". Слава его, какъ совершеннаго суфи, росла и распространялась между тѣмъ. Утомленный честолюбіемъ и распрями его братьевъ, народъ сталъ умолять его принять бразды правленія, но напрасно: поставленный созерцательною жизнею превыше всѣхъ приманокъ и обольщеній мірскихъ, восторженный суфи, если снисходилъ до дѣятельности, то неиначе, какъ религіозной:

---

*) *В. В. Григорьевъ.* «Записки Мирзы-Шемсъ Бухари». Примѣчаніе 1-е (изъ Малькольма); цитируемъ почти дословно.

съ толпами народа, постоянно окружавшими его каждый разъ, какъ выходилъ онъ изъ своего заключенія, Шахъ-Мурадъ отправлялся разгорять игорные дома или убѣжища разврата, которыхъ, говорятъ, было въ Бухарѣ нѣсколько тысячъ. Между тѣмъ безпорядки въ управленіи увеличивались со дня на день. Произошло волненіе, жертвою котораго сдѣлалось болѣе тысячи человѣкъ. Самъ ханъ, Абуль-Гази, и вся знать бухарская отправились въ мечеть къ Шахъ-Мураду, повели его оттуда на могилу отца, и здѣсь торжественно умоляли его принять на себя завѣдываніе дѣлами ханства. Шахъ-Мурадъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ соотечественниковъ, и неотступными просьбами, поддался, но еще не совсѣмъ: обѣщалъ принять участіе въ управленіи лишь совѣтами и указаніями, и ограничивался этимъ въ дѣйствительности, пока правитель Шагрисябза не простеръ дерзости своей до вторженія въ самые бухарскіе предѣлы. Тогда Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ „наиба“ и съ тѣхъ поръ сталъ править ханствомъ самовластно, оставивъ за Абуль-Гази-Ханомъ, какъ замѣчено выше, только одинъ титулъ Ханскій.

Первымъ дѣломъ его было устроить отправленіе правосудія, взиманіе налоговъ и содержаніе войска въ точной сообразности съ религіозными постановленіями Ислама по симъ предметамъ. Затѣмъ и все остальное повелъ онъ порядкомъ, напоминавшимъ времена первыхъ халифовъ съ примѣсью суфизма, явилъ себя, однимъ словомъ, отшельникомъ на престолѣ. Весь блескъ придворной обстановки предшественниковъ его былъ уничтоженъ. Дворецъ обратился въ судебную палату, гдѣ предсѣдательствовалъ онъ съ сорока избранными законовѣдцами, оказывая всѣмъ и каждому самое нелицепріятное правосудіе. По уголовно-полицейской расправѣ предписанія корана стали соблюдаться съ величайшею строгостью: разбойниковъ казнили смертью, ворамъ отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично; воспрещено было куреніе табаку и предписано всѣмъ классамъ народонаселенія точное исполненіе религіозныхъ обязанностей: нерадивыхъ полицейскихъ чиновниковъ разрѣшено было побуждать къ тому плетью. Изъ веселой, разгульной, распущенной, Бухара обратилась въ монастырь. Всѣ желавшіе посвятить себя изученію религіи при-

нимались въ мадрасса безъ малѣйшаго затрудненія, и получали пищу даромъ: говорятъ, что въ одно время число студентовъ доходило въ Бухарѣ до 30000 (?).

Собственною жизнью подавая примѣръ воздержности и умѣренности, Шахъ-Мурадъ бралъ на содержаніе свое изъ государственной казны по одной тенгэ (20 к. с.) въ день—не болѣе того, сколько выдавалось бѣднѣйшимъ изъ студентовъ. Семейство его жило во дворцѣ, самъ же онъ помѣщался въ одной голой комнаткѣ, куда входъ былъ открытъ всякому, во всякое время дня, носилъ одежду изъ самой грубой ткани, и, какъ истинный суфи, считалъ излишествомъ даже опрятность.

Всѣмъ этимъ внушилъ онъ къ себѣ такое благоговѣйное уваженіе, что народъ считалъ его за человѣка вдохновеннаго свыше, чуть не за пророка и повиновался безпрекословно и безропотно всякой его волѣ.

Въ походахъ онъ жилъ въ маленькой, дурнаго вида, палаткѣ, ѣлъ изъ одной чашки со своимъ нищимъ, полуслѣпымъ поваромъ, а пища состояла изъ отвратительной похлебки, куда клалось немного зеренъ риса и вяленаго мяса, иногда протухлаго.

За всѣмъ тѣмъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ онъ пользовался почти всегда успѣхомъ, въ политикѣ заслужилъ репутацію искуснѣйшаго дипломата, а такъ какъ и счастіе его не покидало, то онъ успѣлъ раздвинуть границы своего государства, унаслѣдованнаго отъ Аштарханидовъ въ очень плохомъ состояніи, во всѣ стороны доставилъ, ему относительное благоденствіе и съумѣлъ сохранить въ народѣ воспоминаніе не только о необыкновенной религіозной строгости, но и о мягкости и справедливости своего управленія.

Эмиръ Маасумъ былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ высшихъ стремленій своей эпохи. Онъ умеръ въ 1803 году.

Итакъ: если мусульмане Запада остановились въ развитіи и быстро отстали отъ сильно прогрессирующихъ своихъ, болѣе западныхъ сосѣдей, то этого мы не въ правѣ сказать о мусульманахъ востока: они продолжали развиваться и идти по избранному пути, насколько только позволяло само ученіе ислама. Въ своей послѣдовательности и добросовѣстности они дошли до гра-

ницы „всѣхъ земныхъ цѣлей“, дальше идти уже некуда... Жаль, что путь оказался ложнымъ и..... гибельнымъ.

Преемникомъ Эмира Маасума былъ сынъ его Миръ-Хайдеръ. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ его недостатки и пороки съ излишкомъ, но, кажется, ни одного его достоинства: черезъ два года, по восшествіи на престолъ, онъ сталъ подражать смиренію и религіозности своего отца, но будучи по внѣшности только ретивымъ муллой, на самомъ дѣлѣ былъ жестоко распутенъ, любилъ пьянствовать и отличался недовѣріемъ ко всѣмъ и крайнею подозрительностью.

Миръ Хайдеру наслѣдовали: Миръ Хусейнъ, отравленный черезъ три мѣсяца приверженцами Насруллахана, затѣмъ Омаръ-Ханъ, свергнутый имъ же, а затѣмъ самъ *Насруллаханъ* (въ 1827 г.). Воцарившись, онъ сейчасъ распорядился для обезпеченія себя убить еще трехъ братьевъ съ ихъ семьями и затѣмъ предавалъ казни отъ 50 до 100 человѣкъ ежедневно въ теченіи мѣсяца; послѣ того онъ „сталъ“ добрымъ, смиреннымъ, справедливымъ и даже безпечнымъ *). Это не помѣшало однако ему исподволь, въ продолженіи 6—7 лѣтъ, предательски истребить всѣхъ выдающихся чиновниковъ и военныхъ бывшихъ изъ рода въ родъ, въ продолженіи столѣтій, постоянными слугами Бухарскихъ государей, при чемъ имущества ихъ были присвоены Эмиромъ. Той же участи подверглись и главные пособники и сподвижники его самого по воцаренію. Потомъ уже любостяжательный Эмиръ не стѣснялся и съ купечествомъ, особенно иностраннымъ, которое, изъ страха смерти и конфискаціи всего имущества, отъ времени до времени покупало расположеніе своего государя дорогими подарками. Мирзы и шпіоны проникали повсюду, сообщая обо всемъ, что могло служить корыстолюбію и противоестественному сладострастію ихъ господина. Красивыхъ дѣтей обоего пола увлекали въ „Аркъ“ насильно, а въ случаѣ упрямства, ихъ подвергали наказанію за неповиновеніе „повелителю правовѣрныхъ“, а „кстати“ отнимали въ его собственность иму-

*) Такимъ нашелъ его Александръ Борнсъ, посѣтившій Бухару въ 1832 г. («Путешествіе въ Бухару». Т. 2, стр. 417—419; т. 3, стр. 469 и 473).

щество послѣднихъ. Не былъ пощаженъ даже Султанъ Джанъ, 14 лѣтній сынъ Достъ Мухаммеда, Эмира Авганскаго, искавшаго въ Бухарѣ убѣжища послѣ пораженія англичанами; Насрулла-ханъ не задумался попрать всѣ законы и святость гостепріимства....

Вообще трудно перечислить всѣ злодѣйства этого тирана; повторимъ слова Г. Вамбери: „Насруллахъ, въ продолженіи 34 лѣтняго правленія, представлялъ міру примѣръ, какъ много мерзостей способенъ совершить мухаммеданскій государь въ Азіи и какое тиранство въ состояніи выносить народъ, порабощенный ханжествомъ".

Политическая обстановка сложилась, какъ нарочно, для Насруллахана замѣчательно счастливо: ему удалось подчинить опять отторгнувшійся было Шагрисябзъ и лѣвый берегъ Аму-Дарьи—Чарвилайетъ, занять Кокандъ и дѣлать удачные набѣги на Хивинское ханство; онъ позволялъ себѣ съ пренебрежіемъ относится къ Персіи, 20000 подданныхъ которой томились въ рабствѣ въ Бухарскомъ ханствѣ. У него не оказалось ни одного мало-мальски сильнаго сосѣда, могущаго дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ и хотя нѣсколько смирить его высокомѣріе и дерзость. Напротивъ того, начавшееся тогда политическое соревнованіе Англіи и Россіи у Бухарскаго престола, при полномъ невѣжествѣ Насруллахана о томъ, что дѣлается за степями и пустынями, сопредѣльными съ его государствомъ, дало новую пищу его тщеславію: облеченныхъ довѣріемъ и значительными полномочіями представителей этихъ государствъ онъ третировалъ при всемъ народѣ такъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ посланцами Хивы и Коканда, даже хуже: полковника Стоддарта и капитана Конолли, двухъ офиціальныхъ агентовъ Англіи, посланныхъ то-ли для созданія союза Хивы, Бухары и Коканда, то-ли „съ гуманными стремленіями къ просвѣщенію центральной Азіи" *), онъ приказалъ казнить публично на Ригистанѣ въ 1842 г., продержавъ перваго изъ нихъ предварительно въ неволѣ 4 года и подвергая иногда страшнымъ пыткамъ и издѣвательствамъ **), а втораго

*) *Вамбери.* «Исторія Бухары». Т. 2, стр. 163.

**) Стоддарта не спасло и то, что онъ принялъ, кажется, мусульманство. Нужно имѣть въ виду, что къ этому времени относится и Кабульская ката-

захвативъ въ свои руки предательствомъ. По этому одному нарушенію самыхъ первыхъ международныхъ правъ и отношеній, нарушенію, преступному и по мусульманскимъ міровоззрѣніямъ, можно судить насколько онъ считалъ себя безнаказаннымъ. Подобной участи—безпричинному умерщвленію — подверглось еще нѣсколько европейцевъ, въ томъ числѣ и турецкій инструкторъ, признанный недостаточно религіознымъ. Эта свобода дѣйствій и смѣлость Насруллаха безъ сомнѣнія производили впечатлѣніе на толпу и на тѣхъ, кто въ нее попадалъ случайно со стороны: онѣ всѣмъ казались показателями силы и могущества, а на самомъ дѣлѣ это была не свобода дѣйствій, а только произволъ распущенной натуры и смѣлость счастливаго невѣжды. Да и гдѣ же было Насруллахану знать Европу, Россію, или Англію, когда Англія и Россія сами не имѣли о Бухарѣ надлежащаго понятія. То и другое составлялось или на основаніи свѣдѣній рѣдкихъ миссій и посольствъ, или на основаніи разсказовъ купцовъ, случайныхъ путешественниковъ и искателей приключеній. Пребываніе первыхъ (миссій) было большею частью кратковременно, а главное, условія жизни ихъ въ Бухарѣ—подъ болѣе или менѣе приличнымъ арестомъ—совершенно не благопріятствовали пріобрѣтенію свѣдѣній и знакомству съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Вторые, же безъ сомнѣнія, находились всегда подъ гнетомъ того обаянія, которое Бухара продолжала имѣть на массы: *) при всемъ своемъ внутреннемъ разложеніи она все еще была руководительницей для прочихъ средне-Азіатскихъ народовъ; что Бухара одобряла и любила, одобрялось и было любимо всѣми; туда стремился всякій молодой мусульманинъ, алчущій пищи духовной и жаждущій правды, такъ какъ здѣсь религіозный культъ (съ внѣшней стороны) достигъ необыкновенной разработки, а о чистотѣ его заботились десятки популярныхъ между мусульманами всего міра учителей и наставниковъ; „отсюда, говоритъ Вамбери, почерпали живительную силу для своего религіознаго фанатизма ревностные

строфа, т. е. изгнаніе и истребленіе англійскаго отряда подъ начальствомъ Эльфингстона.

*) Весьма поучительны въ этомъ отношеніи стр. 470, 471, 472, 489 и др. Т. 3 изъ «Путешествія Александра Борнса въ Бухару».

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. Н. ЛЕНИНА

мусульмане изъ всѣхъ частей Оттоманской Имперіи, Египта, Феца и Морокко"; здѣсь и теперь можно найти много учениковъ изъ Турціи и Константинополя, Кавказа, Крыма, Казани *), Сибири, Кульджи, Кашгара, Индіи, Явы, Авганистана, Аравіи и проч.

О томъ, насколько далеки отъ дѣйствительности были наши представленія о Бухарѣ и ея государяхъ, можно судить по нижеслѣдующему образцу офиціальной переписки нашей въ сороковыхъ годахъ. Предварительно замѣтимъ, что это письмо Оренбургскаго генералъ-Губернатора, графа Перовскаго, человѣка безспорно умнаго, стоявшаго на высотѣ своего положенія и имѣвшаго отличныхъ помощниковъ и исполнителей приказаній по сношенію съ Азіей. Вотъ какъ титулуется Бухарскій Эмиръ въ переводѣ: **) „Истолкователю всей мудрости и законовъ, высокопочтенному, совершеннѣйшему, славному и великому Эмиру; этому отростку благотворительнаго Хакана средоточію учености, порядка и славы, разсыпателю всякаго благополучія представляемъ наше искренное уваженіе и преданность (!). Да сохранитъ его всевышній и всемогущій Богъ на престолѣ владычества и счастія отъ всѣхъ бурь и напастей и да дастъ ему долгоденствіе".

Насруллахъ умеръ въ 1860 году отъ яда, успѣвъ казнить заподозрѣнныхъ въ отравленіи: любимую жену свою, ея родственниковъ и сообщниковъ.

Ему наслѣдовалъ сынъ Эмиръ Музафаръ Эддинъ, отецъ нынѣшняго Эмира Сейидъ-Абдулъ-Ахадъ-Багадуръ-Хана, благополучно правящаго ханствомъ съ 1885 года.

Этимъ мы кончаемъ свой историческій очеркъ судебъ той страны, которая нынѣ носитъ названіе Бухарскаго ханства. Мы

*) Намъ лично пришлось познакомиться съ нѣкоторыми такими юношами, крымскими и казанскими татарами, отлично владѣющими русскимъ языкомъ. Послѣднее обстоятельство неожиданно поставило насъ однажды даже въ очень затруднительное положеніе: постороннимъ не слѣдовало понимать нашихъ разговоровъ....

**) *Г. Вамбери*, тамъ-же, т. 2, стр. 153.—Можно, разумѣется, найти много документовъ, болѣе современныхъ, чѣмъ приведенный, въ которыхъ мы оказываемся болѣе краснорѣчивыми въ выраженіяхъ азіатской вѣжливости, чѣмъ сами азіаты....

скажемъ ниже еще нѣсколько словъ о послѣднемъ актѣ исторіи ея—о завоеваніи средней Азіи русскими; но такъ какъ это завоеваніе не коснулось еще непосредственно и въ буквальномъ смыслѣ г. Бухары, то въ своемъ изложеніи мы ограничимся только характеристикой движенія этихъ новыхъ завоевателей, не прибѣгая къ пересказыванію событій.

Сдѣлавъ это упоминаніе мы вправѣ сказать, что исторія Бухары кончилась: если тамъ и существуетъ нынѣ высшая мусульманская власть, то лишь потому, что это *допускается*. Кто знаетъ, можетъ быть и дни ея уже сочтены? А затѣмъ, надо думать, главенство ея въ Средней Азіи уже не повторится, хотя бы и въ обновленномъ какомъ нибудь видѣ.

Главной цѣлью настоящаго историческаго очерка было дать возможно ясное представленіе о томъ, что такое нынѣшняя Бухара предъ глазами исторіи и насколько неслучайно ея настоящее состояніе.

Попутно мы имѣли въ виду показать, какого благосостоянія достигала эта страна въ тѣ короткіе годы мира, когда водворялась наконецъ въ ней твердая власть и когда народъ могъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ глядѣть въ будущее. Теперешняя земля и люди представляютъ по прежнему благодатнѣйшій матеріалъ; есть на горизонтѣ ея и твердая власть; а о довѣріи къ послѣдней будетъ рѣчь впереди.

Затѣмъ мы видѣли, какую службу сослужилъ исламъ для ассимиляціи всѣхъ этихъ „суровыхъ воиновъ и дѣтей пустыни“ съ мирными и культурными аборигенами и для обращенія ихъ изъ кочевниковъ-грабителей въ земледѣльцевъ-производителей. Но мы, русскіе, не „суровые дѣти пустыни“ и не кочевники, и ассимилировать насъ исламу уже не приходится . . . Напротивъ того: намъ предстоитъ пріобщить туземцевъ къ европейской культурѣ и христіанскимъ идеаламъ; а съ этой точки зрѣнія исламъ въ Средней Азіи, глубоко проникшій здѣсь во всѣ мелочи жизни народной, можетъ служить только помѣхой. За то можно прибавить съ увѣренностью, что помѣха эта—единственная.

Изъ этого же историческаго очерка становится яснымъ, по-

чему въ Средней Азіи осталось такъ мало памятниковъ ея прежней, несомнѣнно высокой культуры: если было что замѣчательное, то вѣроятно обратило на себя своевременно вниманіе „суровыхъ дѣтей“ и съ того времени лежитъ подъ мусоромъ развалинъ или покрылось песками пустыни. Все, болѣе или менѣе грандіозное или достойное нашего вниманія изъ существующаго въ настоящее время, имѣетъ за собой не болѣе 3—4-хъ столѣтій и создано притомъ только что осѣдавшими кочевниками.

Наконецъ, кстати обращаемъ вниманіе на то, что ни одинъ изъ завоевателей, явившійся въ эту страну съ сѣвера и востока, не останавливался „вольной волею“ ни у Аму-Дарьи, ни у Гиндукуша: всѣ, у кого были силы, шли далѣе на югъ и доходили до моря.

Топографическій очеркъ.

а) **Городъ.** Городъ Бухара своей серединой занимаетъ небольшую возвышенность естественнаго происхожденія, на которой обособилось нѣсколько плоскихъ холмовъ. Изъ нихъ одинъ, на которомъ расположена цитадель или кремль, рѣзко отдѣленъ отъ общаго массива упомянутой возвышенности и ограниченъ со всѣхъ сторонъ высокими (8—10 сажень), почти отвѣсными обрывами, сдѣланными безъ сомнѣнія искуственно, при чемъ большая масса отрытой земли пошла на поднятіе плоской вершины самаго холма и частью на образованіе стѣнъ, башенъ и построекъ *) на немъ.

Не умѣщаясь на упомянутой возвышенности, городъ неправильно и безпорядочно сползаетъ съ нея во всѣ стороны и будучи наконецъ ограниченъ крѣпостной оградой, очень рѣзко отдѣляется и отличается отъ непосредственно-прилегающихъ къ нему, сравнительно низменныхъ, окрестностей. Такимъ образомъ крѣпостная ограда—высокая и толстая глинобитная стѣна съ башнями и воротами, расположена ниже внутренности города, а многими участками, какъ напр. юго-западнымъ, даже значительно ниже, и потому средняя возвышенная часть съ лучшими и важнѣйшими зданіями, съ цитаделью, со всѣми базарами, голубыми куполами и съ господствующей надъ всѣмъ башней „Катта Минаромъ“, хорошо видна изъ-далека съ разныхъ бугровъ и кургановъ, разбросанныхъ по мѣстности, если этому обозрѣнію не препятствуютъ, разумѣется, сады и деревья, которыми обсажены всѣ поля. Замѣтимъ кстати, что нѣсколько такихъ кургановъ, сравнительно впрочемъ небольшихъ попали, и во внутрь города.

*) Грунтъ—обыкновенный Туркестанскій лёсъ, т. е. хорошая глина.

Къ возвышенности, на которой расположенъ городъ, съ Востока подходитъ вода большаго, но единственнаго для города оросительнаго канала, называющаго Шарудъ *); она течетъ по искуственному, насыпному руслу, значительно возвышающемуся надъ прилежащей мѣстностью; насыпное русло тянется отъ города вверхъ по теченію на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Вступая въ городъ, Шарудъ течетъ все время углубленной профилью въ толщѣ материка, имѣя мѣстами дно до двухъ сажень ниже прилежащей поверхности земли. Періодически текущая вода этого канала расходуется въ городѣ почти вся безъ остатка, а потому выходъ его изъ города за стѣну съ противуположной, западной, стороны представляетъ ничтожную канавку.

На упомянутые выше холмы вода однако не можетъ дойти: она ихъ всѣхъ вмѣстѣ обходитъ съ юга и оставляетъ поэтому среднюю (возвышенную) часть города почти совершенно лишенной растительности. Въ этой части имѣется лишь нѣсколько прудовъ—„хаузовъ“, очень углубленныхъ, питаемыхъ глубокими же и узкими арыками или трубами изъ Шаруда; по берегамъ этихъ хаузовъ, внизу спусковъ къ нимъ, растетъ нѣсколько деревьевъ, обыкновенно тутовыхъ, вершинами своими мало подымающихся надъ мѣстнымъ горизонтомъ и совсѣмъ невидимыхъ изъ за окружающихъ строеній. Чтобы кончить о распространеніи растительности въ городѣ, замѣтимъ здѣсь, что ею сопровождаются почти сплошь берега Шаруда и всѣхъ хаузовъ. Садовъ внутри города очень мало; все пространство, включенное въ обводъ городской стѣны, почти сплошь покрыто туземными постройками съ плоскими земляными крышами, поднимающимися уступами отъ наружной стѣны къ центру, сообразно изгибамъ мѣстности. Эта общая картина горизонтальныхъ крышъ въ немногихъ лишь мѣстахъ закрывается группами деревьевъ или высокими щитами и куполами старыхъ, монументальныхъ мечетей и мадрасса. Самый большой и лучшій садъ въ городѣ, безъ сомнѣнія, тотъ, что̀ принадлежитъ „иль-чи-ханэ“ — посольскому дому, мѣсту тепереш-

*) Транскрипція этого названія такова: что значитъ — главный каналъ; впрочемъ Н. Ханыковъ пишетъ: Шахаррудъ, что значитъ—городской каналъ.

няго *) расположенія Императорскаго Россійскаго политическаго агентства въ Бухарѣ. Вообще растительности больше въ западной и сѣверо-восточной частяхъ города. Обѣ онѣ настолько сравнительно низменны, что въ двухъ трехъ мѣстахъ, изъ арыковъ Захкешъ и Наумитанъ, протекающихъ съ наружной стороны крѣпостной ограды, вода проведена маленькими канавками и трубами подъ городской стѣной во внутрь города.

Площадь, окруженная стѣной и занимаемая городомъ, вытянута нѣсколько съ востока на западъ и имѣетъ неправильную сомкнутую фигуру со входящими и исходящими углами и съ 11-ю воротами, отъ которыхъ къ срединѣ города идутъ лучшія улицы; однако онѣ настолько узки, что двѣ встрѣчныя арбы или два каравана навьюченныхъ верблюдовъ могутъ безпрепятственно разойтись въ очень не многихъ мѣстахъ. Обыкновенно же одной сторонѣ приходится или вернуться вспять или сойти въ ближайшее уширеніе улицы или въ переулокъ и переждать очищенія пути.

Съ внутренней стороны городской стѣны, вдоль ея, существуетъ дорога, которая на бо̀льшей части протяженія своего придерживается банкета, но мѣстами она не проходима для артиллеріи, будучи съужена разными жилыми постройками, примкнутыми къ стѣнѣ, а мѣстами совершенно преграждена, и такія мѣста приходится обходить по ближайшимъ къ стѣнѣ улицамъ и переулкамъ. Длина городскаго обвода равна приблизительно 12 верстамъ; площадь—слишкомъ 8 квадр. верстъ.

б) **Ограда.** Крѣпостную ограду г. Бухары составляетъ высокая глинобитная стѣна, равномѣрно окружающая городъ со всѣхъ сторонъ, имѣющая 11 воротъ и приспособленная для ружейной обороны съ фланкирующими полукруглыми выступами—полубашнями. Наружныхъ верковъ или внутреннихъ усиленій никакихъ нѣтъ; нѣтъ даже наружнаго рва. Такой составъ ограды въ европейскомъ смыслѣ не заслуживаетъ, пожалуй, названія крѣпостной, но мы удержимъ его потому, что службу таковой она выполняла въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

*) Съ 1886 по 1891 годъ.

Начертаніе ея въ планѣ, или, что тоже, фигура площади, занимаемой городомъ, совершенно неправильна: она имѣетъ входящіе и исходящіе углы, входящія закругленія, сильно выдвинутые изъ общаго очертанія участки, каковъ юго-западный; но все это не вызывается, на нашъ взглядъ, никакими топографическими или тактическими требованіями. Вообще въ расположеніи ограды г. Бухары въ планѣ мы не усмотрѣли никакой тенденціи военнаго характера и склонны считать его (расположеніе въ планѣ) въ военномъ смыслѣ случайнымъ и сложившимся постепенно, путемъ, такъ сказать, историческимъ.

Детали ея въ планѣ и въ разрѣзахъ показаны на приложенныхъ чертежахъ; тутъ же показанъ и общій видъ ея снаружи.

Высота стѣны отъ земли *) до вершины зубцовъ равна въ среднемъ около 5 саж. или 35 футъ; высота до банкета 25 футъ.

Толщина весьма различная, у подошвы она всегда значительно больше чѣмъ на высотѣ банкета; на высотѣ примѣрно 2-хъ саж. отъ земли средняя толщина ея составляетъ отъ 1—2 сажени.

Надъ площадью банкета, для образованія его самого, стѣна значительно тоньше, образуя родъ парапета, толщиной внизу до до 3-хъ, а вверху до 2-хъ футовъ. Парапетъ этотъ вѣнчается на всемъ протяженіи стѣны кругомъ города зубцами, не имѣющими впрочемъ никакого оборонительнаго значенія, такъ какъ они возвышаются надъ банкетомъ не меньше 7′—8′. Для ружейной же обороны въ толщѣ парапета на высотѣ грудной облокоты оставлены неправильныя, закругленнаго очертанія, отверстія—бойницы, причемъ крупнѣйшія изъ нихъ закрыты съ внѣшней стороны чѣмъ то въ родѣ козырьковъ (показано на детали), состоящихъ изъ глины же на палочкахъ и очень хорошо прилѣпленныхъ къ стѣнѣ. Они боеваго значенія не могутъ имѣть ровно никакого, ибо по недостаточной толщинѣ легко будутъ пробиваться ружейной пулей. Козырьки эти, какъ и зубцы на верху, устроены только для виду; впрочемъ какъ тѣ, такъ и другіе стоятъ на первой очереди къ разрушенію, что̀ мѣстами и наблюдается.

---

*) Т. е. отъ поверхности земли снаружи стѣны, что не всегда совпадаетъ съ тѣмъ, что называется мѣстнымъ горизонтомъ (± 0).

Фланкирующихъ полукруглыхъ выступовъ или полубашенъ въ оградѣ 116, не считая 11 паръ башенъ при воротахъ. Разстояніе ихъ другъ отъ друга неодинаково, измѣняясь постепенно отъ 50 до 200 шаговъ, причемъ въ сѣверо-восточной сторонѣ ограды онѣ расположены замѣтно чаще, чѣмъ на остальномъ протяженіи.

Полубашни имѣютъ также далеко не одинаковый діаметръ, а именно: отъ 1 до 5 саженъ между входящими углами парапета. А такъ какъ внутренняя крутость стѣны не слѣдуетъ за выпуклостью полубашни, — непараллельна ей, то въ большихъ полубашняхъ образуются площадки, достаточныя для помѣщенія одного, а иногда и двухъ орудій, но въѣздовъ туда, или какихъ либо приспособленій для поднятія орудій не имѣется и не организовано, и потому бухарскую городскую стѣну можно считать вовсе неимѣющей артиллерійской обороны. Кстати замѣтимъ, что не только нѣтъ никакихъ въѣздовъ на эти высокія площадки-барбеты, но нѣтъ никакихъ входовъ на банкетъ: тѣ, которые были (слѣды замѣчаются во многихъ мѣстахъ), срѣзаны и уничтожены въ тѣхъ единственно видахъ, что съ высоты стѣны обнаруживаются для нескромныхъ взоровъ внутренніе дворы прилежащихъ къ стѣнѣ домовъ. По той же причинѣ на стѣнѣ нѣтъ, разумѣется, никакихъ часовыхъ или караульныхъ.

Длина стѣны, повторимъ здѣсь, составляетъ около 12 верстъ.

Всѣхъ воротъ въ оградѣ, какъ сказано выше,—11 *), а именно: 1) Имамъ, 2) Угланъ, 3) Талипачъ, 4) Ширгаранъ, 5) Каракуль, 6) Шахъ-Джаляль, 7) Намазга, 8) Саллиханэ, 9) Карши или Каваля, по которымъ производится сообщеніе съ желѣзно-дорожной станціей, 10) Мазаръ, выйдя за которыя дорога сейчасъ же дѣлится на двѣ; одну въ Мазаръ-Багаудинъ **), отчего ворота по-

*) Прежде было, говорятъ, 12 воротъ; однѣ теперь уничтожены, но, гдѣ они были расположены, мнѣ не удалось узнать.

**) Могила очень почитаемаго святаго по имени Багауддинъ, прямые и непрямые потомки котораго образовали цѣлый городъ кругомъ могилы и хорошо живутъ на счетъ своего святаго предка, обирая пиллигримовъ, въ массѣ стекающихся сюда на поклоненіе. Ходжа Багауддинъ, великій мистикъ своего времени, умеръ въ 1388 г., современникъ Тимура. Г. Вамбери называетъ его «національнымъ святымъ Бухары», хотя нельзя признать, чтобы такое опредѣленіе было здѣсь у мѣста.

лучили свое названіе, другую къ сѣверо-востоку, въ Самаркандъ черезъ Гурбунъ, и 11) Самаркандскія. Всѣ ворота защищаются (каждыя) парою кирпичныхъ башенъ, соединенныхъ кирпичнымъ же простѣнкомъ, который и заключаетъ въ себѣ ворота. Парапетъ съ банкетомъ, бойницами и зубцами продолжается всюду и надъ воротами, не перерывая общаго фасада стѣны и линіи огня. Но въ этихъ башняхъ у воротъ и въ простѣнкахъ бойницы расположены обыкновенно въ 2—3 яруса. Ворота двухстворчатыя-деревянныя; высотой около 13 фут., шириной около 10 футовъ; полотна собраны изъ вертикальныхъ брусьевъ, толщиной около 3 вершковъ. Оковка весьма недостаточна. Запираются большими засовами и рѣдкой величины замками, ключи отъ которыхъ (счетомъ 11) послѣ намаза Ахшамъ относятся въ кремль, будто къ Кушъ-беги *) и лежатъ у него всю ночь „подъ подушкой". Утромъ открываются очень рано, а именно сейчасъ послѣ Азана, т. е. до разсвѣта. Прежде, говорятъ, опоздавшимъ приходилось постоянно ночевать за воротами. За послѣднее время привратники — разные старички, живущіе тутъ же въ башняхъ — за „силяу" (на чай), обѣщанное изъ за воротъ, охотно бѣгутъ къ Кушъ-беги за ключами и открываютъ ворота; впрочемъ на это требуется не меньше часу времени. Но если, уѣзжая изъ города, предупредить привратника о позднемъ возвращеніи, то ключи задерживаются на мѣстѣ и ворота открываются немедленно. Разумѣется, порядочный мусульманинъ не ѣздитъ по ночамъ и всѣ эти отступленія дѣлаютъ почетные и безпокойные „гости"—мы русскіе, нарушающіе подчасъ всякія правила и приличія къ крайнему соблазну правовѣрныхъ.

Изъ сдѣланнаго описанія ограды г. Бухары становится яснымъ, что свойственное ей прежде военное значеніе крѣпостной ограды она уже потеряла совсѣмъ; и это потому, что, въ политическомъ смыслѣ, она является чистымъ анахронизмомъ. Впрочемъ, по размѣрамъ своимъ, она несомнѣнно сохранила значеніе довольно трудно преодолимой преграды. Другими словами: для насъ теперь она имѣетъ значеніе мѣстное, такъ сказать, топо-

*) *Кушъ-беги*—высшій сановникъ ханства, вродѣ великаго визаря.

графическое; для городскаго же населенія, вслѣдствіе особаго склада его жизни,—административно-полицейское: она хороша для порядка, устанавливая всегда рѣзкую и наглядную черту между городомъ и окрестностями. Нужно однако замѣтить, что большинство городскаго населенія, ничего, можетъ быть, невидавшаго, кромѣ своей „Бухара-и-шерифъ", искренно убѣжденно въ совершенной своей безопасности за этой городской стѣной: эти простые люди спокойно засыпаютъ, разъ городскія ворота заперты своими огромными замками.

Въ заключеніе о городской стѣнѣ скажемъ, что для правительства Бухарскаго, казалось бы, не можетъ быть не ясно истинное значеніе городской стѣны, однако надлежитъ констатировать, что она содержится въ бо̀льшей, пожалуй, исправности, чѣмъ напр.: мечети, мадрасса, каменная одежда хаузовъ и проч. Общее-то впечатлѣніе, пожалуй, одинаковое: т. е. и стѣна приходитъ къ упаду, но..... ремонтируется зачѣмъ-то.

в) **Кремль** *). О кремлѣ мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ въ добавокъ къ тому, что уже сказали въ началѣ, но, въ виду важности этого пункта, говоримъ о немъ отдѣльно. Обособленный высокій холмъ, на которомъ расположенъ кремль, называется Нумишкендъ **); онъ находится не по срединѣ города, а приближенъ къ сѣверо-западной сторонѣ на разстояніе около 200 саж. отъ городской стѣны. Наверху, вдоль гребня, расположена такая же по внѣшнему виду глинобитная стѣна, какъ и городская; въ ней замѣчено нами 6 полукруглыхъ фланкирующихъ выступовъ и двѣ кирпичныя башни, расположенныя по обѣ стороны единственныхъ воротъ. Высота стѣны неодинакова,

*) Цитадель въ г. Бухарѣ называется обыкновенно персидскимъ словомъ—аркъ. Переводя его словомъ «кремль», мы слѣдуемъ *В. В. Григорьеву* (Прим. 7 къ «Запискамъ и проч. Мирзы Шемса Бухари»), считающему, что арки въ Азіатскихъ городахъ суть то же самое, что кремли въ старыхъ русскихъ городахъ: Новгородѣ, Москвѣ, Тулѣ, Нижнемъ и т. д.

**) *В. В. Григорьевъ* въ томъ же 7 примѣчаніи ссылается въ своемъ описаніи Бухарскаго кремля на Мейендорфа (Voyage d'Orenburg à Boukhara, fait en 1820. Paris. 1826), у котораго и заимствуемъ названіе холма, намъ неизвѣстное.

вслѣдствіе неправильныхъ очертаній гребня обрывовъ, но линія верхнихъ зубцевъ стѣны приближается къ горизонтальной, а сложныя высота обрывовъ и стѣны достигаетъ 10-ти, а мѣстами даже 12-ти саженъ=84′. Эскалада этой кручи въ настоящемъ видѣ почти невозможна; не смотря на дурное качество матеріала (необожженая глина) и работъ этихъ сооруженій, эффектъ, при приближеніи къ подножью кремля, получается очень сильный отъ однихъ размѣровъ.

Длина обвода стѣны составляетъ около 300 саженъ.

Ворота брусчатыя, деревянныя находятся на западномъ фасѣ, со стороны важнѣйшей въ городѣ площади, называемой Ригистаномъ. Хотя онѣ (ворота) значительно понижены противъ вершины холма и вмѣстѣ, съ подъемомъ отъ нихъ въ гору, значительно врѣзаны въ толщу земли холма, но подниматься къ нимъ со стороны Ригистана приходится по широкой и длинной аппарели, занимающей не малую часть самой площади. За воротами подъемъ продолжается большимъ, наклоннымъ и изогнутымъ въ планѣ корридоромъ со сводами, который и выводитъ на плоскую вершину холма *). Здѣсь находятся: дворецъ эмира со службами, часть гарема, мечеть, домъ, гдѣ Кушъ-беги принимаетъ „гостей“ эмира, квартира Кушъ-беги, помѣщеніе стражи, монетный дворъ, казнохранилище, разныя тайныя помѣщенія и проч. Все это скучено на пространствѣ въ 4000 квадр. саж. **) или около $1^2/_3$ десятины.

Никакой площади, мало-мальски заслуживающей это названіе, ни сада, ни даже группы деревьевъ внутри кремля нами не замѣчено: можно быть увѣреннымъ также, что тамъ нѣтъ и конюшенъ, удовлетворяющихъ дворцовой потребности ***); съ другой

---

*) Подъ сводами корридора, въ нишахъ, по сторонамъ его, сидитъ всегда нѣсколько важныхъ мирзъ-подъячихъ, тутъ же на колѣнѣ пишущихъ за вознагражденіе краснорѣчивыя просьбы (арзъ) на имя Джана-би-Али (эмира), Кушъ-беги и проч. Всѣ они считаются дворцовыми чиновниками, отъ того и видъ имѣютъ очень важный.

**) Хотя мнѣ, разумѣется, не было никакой возможности сдѣлать «обходъ» стѣны кремля, но я рѣшаюсь утверждать, что этотъ размѣръ площади, а равно расположеніе стѣны въ планѣ весьма близки къ дѣйствительности, ибо крайнія выступающія точки кремлевой стѣны провѣрены мною десятками азимутовъ (бусолью Шмалькалдера) съ различныхъ точекъ окрестностей.

***) Эти примѣчанія мы дѣлаемъ въ опроверженіе упомянутаго выше (въ

стороны почти навѣрно въ кремлѣ существуетъ колодезь, или иное обезпеченное водоснабженіе, хотя намъ и не удалось подтвердить этого распросами. Рядомъ съ этимъ очень вѣроятно существованіе тайнаго подземнаго выхода въ городъ.

г) **Окрестности.** Съ наружной стороны городской стѣны, вдоль ея существуетъ сообщеніе—грунтовая дорога различныхъ, по участкамъ, свойствъ; по ней можно проѣхать верхомъ и пройти пѣшкомъ кругомъ всего города, не удаляясь отъ стѣны, кромѣ небольшого участка отъ воротъ Салли-Ханэ до самаго выдающагося юго-восточнаго исходящаго угла, гдѣ дорога значительно удаляется отъ стѣны. По этому сообщенію кругомъ города можетъ пройти и артиллерія, кромѣ участковъ: 1) отъ воротъ Талипачъ до воротъ Угланъ (с.-з.), гдѣ нужно сдѣлать объѣздъ, удалившись отъ стѣны, и 2) по обѣ стороны воротъ Шахъ-Джаляль (ю.), гдѣ артиллеріи почти нельзя пройти вслѣдствіе тѣсноты тропинки, прижатой къ крутымъ наружнымъ откосамъ городской стѣны прилегающими, сильно болотистыми, низменностями.

Такія же низменности, но бо́льшихъ размѣровъ, расположены за воротами Угланъ и Имамъ (съ сѣвера) и всѣ покрыты густымъ камышемъ. Онѣ, съ одной стороны, являются пріемниками „сбросной“ воды съ полей, а съ другой—доставляютъ каждую осень большой запасъ камыша, столь необходимаго для построекъ туземной конструкціи въ городѣ, и каждую зиму—значительные запасы льду.

Въ противоположность городу, окрестности его, по количеству деревьевъ, виноградниковъ и проч., представляютъ собой почти сплошные сады. Вообще мѣстность кругомъ города является чрезвычайно пересѣченной и закрытой еще вслѣдствіе очень большаго количества глинобитныхъ заборовъ, построекъ и оросительныхъ канавъ-арыковъ, болѣе или менѣе углубленныхъ. Относительно послѣднихъ нужно замѣтить, что при обособленности орошенія самаго города, получающаго воду только изъ Шаруда, всѣ остальные арыки, въ большомъ количествѣ пересѣкающіе мѣстность, должны быть оттѣснены въ сторону этой громадной пло-

выноскахъ) описанія Бухарскаго кремля В. В. Григорьева, гдѣ, впрочемъ, преувеличена въ нѣсколько разъ и площадь, занимаемая кремлемъ.

щадью города, для нихъ не доступной. И въ самомъ дѣлѣ: арыки, головы которыхъ находятся вообще въ сѣверо-восточномъ, отъ города Бухары, направленіи, собираются къ сѣверу отъ города на нешироκой полосѣ, въ 150—200 саж., въ числѣ 13 отдѣльныхъ наименованій; выйдя за меридіанъ города они скоро опять расходятся, покрывая собой и своими развѣтвленіями всю мѣстность. Упомянутые арыки, текущіе полосой, на большомъ протяженіи почти параллельно другъ другу, имѣютъ совершенно различную ширину, глубину и уровень воды, причемъ, расходясь по своимъ направленіямъ, часто пересѣкаютъ другъ друга, пропуская воду (встрѣчнаго арыка) подъ или надъ собой, при помощи различныхъ простыхъ и несовершенныхъ сооруженій *). Разительный тому примѣръ представляетъ пересѣченіе арыкомъ Наумитаномъ, къ сѣверо-западу отъ города, семи другихъ отдѣльныхъ арыковъ, съ сильно разнящимися другъ отъ друга уровнями воды, или развѣтвленіе, встрѣчаемое на дорогѣ, отъ с. Базарчи (сѣв.) къ Самаркандскимъ воротамъ и показанное на детальномъ рисункѣ, приложенномъ къ плану. При томъ строгомъ и систематическомъ пользованіи водой, которое практикуется въ Бухарѣ и вызывается общимъ недостаткомъ воды въ р. Зеравшанѣ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти арыки и сооруженія при нихъ будутъ всегда содержаться жителями въ надлежащей исправности, а въ такомъ случаѣ пересѣчь эту полосу арыковъ иначе, какъ по существующимъ дорогамъ, является совершенно невозможнымъ для артиллеріи и кавалеріи и крайне труднымъ и рискованнымъ для пѣхоты, такъ какъ всякая часть разстроится и непремѣнно потеряетъ взаимную связь. Съ другой стороны, большое количество лѣсу, ростущаго тутъ-же, по берегамъ арыковъ, въ нѣсколько рядовъ, позволяетъ легко устроить широкіе и удобные переѣзды **).

*) Матеріалами служатъ лишь глина и дерево; первая отличныхъ качествъ, второе очень плохихъ мѣстныхъ породъ—не смолистыхъ.

**) Къ сказанному объ арыкахъ мы можемъ прибавить вообще, что ознакомленіе съ орошеніемъ окрестностей г. Бухары приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что оно (орошеніе) устроилось въ настоящемъ видѣ не сразу, развивалось, накоплялось и улучшалось постепенно въ продолженіи многихъ вѣковъ и представляетъ систему очень сложную, хотя во многихъ отношеніяхъ и очень несовершенную; однако, будучи безъ сомнѣнія столь же древней, какъ и сама Бухара, требуетъ къ себѣ крайне осторожнаго отношенія и прикосновенія.

Дороги пересѣкаютъ окрестности гор. Бухары въ различныхъ направленіяхъ и ихъ очень много. Показанныя на планѣ, почти всѣ пригодны для арбеннаго *) движенія; но деревянные маленькіе мостики на нихъ находятся большею частью въ очень неудовлетворительномъ состояніи: туземцы даже на главнѣйшихъ путяхъ заботятся лишь о томъ, чтобы былъ проѣздъ верховому и чтобы прошла, слѣдовательно, лошадь арбакеша **), при этомъ большія колеса арбъ легко переходятъ и безъ всякихъ мостиковъ обыкновенные арыки, гдѣ, однако, артиллерійское колесо можетъ застрять. Всѣ дороги грунтовыя; а въ ненастное время тяжелыми колесами бухарскихъ арбъ выбиваются настолько глубокіе колеи и ухабы, что радіуса обыкновенныхъ колесъ часто недостаточно чтобы идти этими выбитыми колеями: колесо ложится на ступицу; въ то же время лошади, попадающія въ эти глубокія узкія колеи, легко ломаютъ себѣ ноги, что̀ на самомъ дѣлѣ случается не рѣдко. Если прибавить, что всѣ почти дороги имѣютъ углубленную профиль и потому представляютъ собой для многихъ мѣстностей резервуары, куда стекаетъ вода, неудерживающаяся на окружающихъ поляхъ, и гдѣ она въ колеяхъ составляетъ глубину, часто превосходящую аршинъ, то не покажется преувеличеннымъ утвержденіе, что въ ненастное время эти дороги являются почти непроходимыми для артиллеріи и обозовъ съ обыкновенными колесами, чего нельзя сказать объ арбахъ, движеніе которыхъ хотя и сокращается въ это время до тіпітит'а, но не прекращается и удовлетворяетъ мѣстнымъ постребностямъ. Замѣтимъ еще, что двигаться внѣ дорогъ представляется уже положительно невозможнымъ.

Вообще, при обсужденіи военныхъ операцій въ окрестностяхъ г. Бухары, необходимо должно быть принято во вниманіе время года и состояніе погоды, которыя вслѣдствіе особенностей почвы и ея культуры будутъ имѣть очень большое вліяніе на состояніе путей сообщенія и, слѣдовательно, на успѣхъ самыхъ операцій.

---

*) Арба — туземная общеупотребительная повозка; діаметръ колеса = около 7′.

**) Арбакешъ—возница, ѣдущій большею частію верхомъ.

Арбяныя дороги, пролегающія внутри города отъ воротъ къ центру, о которыхъ мы говорили выше, имѣютъ почти все прямое продолженіе за воротами. Это суть магистральные пути сообщенія города со всей страной, а потому, въ общемъ,—лучшіе и исправнѣйшіе. Три дороги, идущія въ южномъ направленіи отъ воротъ: Шахъ-Джаляль, Намазга и Салли-Фанэ, не вполнѣ отвѣчаютъ этой характеристикѣ, такъ какъ, съ одной стороны, въ южномъ отъ города направленіи нѣтъ пункта значительной важности, съ которымъ бы городъ поддерживалъ оживленное сообщеніе, а съ другой культурная страна-оазисъ, кончается въ южномъ отъ города направленіи черезъ нѣсколько верстъ, а потому эти три пути имѣютъ значеніе мѣстныхъ проселочныхъ дорогъ.

Къ описанію окрестностей гор. Бухары мы должны прибавить нѣсколько словъ о курганахъ и буграхъ, разбросанныхъ по мѣстности, о которыхъ упоминали выше, и о кирпичныхъ заводахъ. Первые расположены въ различныхъ разстояніяхъ отъ крѣпостной ограды и имѣютъ различную величину и высоту. Нѣкоторые занимаютъ значительныя поверхности, какова, наприм., группа бугровъ, почти примыкающая къ восточной сторонѣ городской стѣны у Каршинскихъ и Мазарскихъ воротъ; слѣдуетъ еще обратить вниманіе въ этомъ отношеніи на большой и высокій бугоръ съ сѣверной стороны города близъ Имамскихъ воротъ съ двумя меньшими, узкими и длинными, вытянутыми отъ перваго вдоль арыковъ къ западу. Высшія точки обѣихъ этихъ группъ командуютъ нѣсколько крѣпостной стѣной. Всѣ эти бугры и курганы безъ исключенія, какъ находящіеся внутри города, такъ и ближайшіе къ нему наружные, заняты кладбищами: быть похорененнымъ на одномъ изъ нихъ составляетъ мечту многихъ правовѣрныхъ старцевъ.

Нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ города, расположены къ югу и востоку отъ него и въ очень близкомъ разстояніи. Конструкція мѣстныхъ кирпиче-обжигательныхъ печей, въ зависимости отъ употребляемаго топлива, требуетъ устройства глубокихъ ямъ подъ сводами, на которыхъ насаживается сырецъ; но такъ какъ высокія грунтовыя воды мѣ-

шаютъ углубленію топливника въ почву, то устраивается искусственный не большой бугоръ, въ которомъ вырывается яма и надъ которымъ уже устраиваются стѣны печи. Со временемъ, параллельно дѣятельности печи, увеличивается и насыпь этого бугра на счетъ шлаковъ, золы, щебня и прочихъ отбросовъ производства; такимъ образомъ, кирпиче-обжигательныя печи представляютъ собой, какъ и упомянутыя выше кладбища, пункты большею частію возвышающіеся надъ окружающей мѣстностью и занимающіе иной разъ значительную поверхность.

Водоснабженіе. Въ началѣ уже сказано, что г. Бухара получаетъ воду изъ особаго канала—Шаруда, но дѣло въ томъ, что вода течетъ въ немъ только два раза въ мѣсяцъ. Воды въ р. Зеравшанѣ часто бываетъ такъ мало, что, если бы дать право вышесидящимъ по теченію расходовать ее въ волю, то на большую площадь земли, нижерасположенную и нынѣ обработываемую, вода бы не доходила, или доходила бы очень рѣдко, напр. въ половодіе; тоже должно было бы случиться и съ Бухарой. При такихъ условіяхъ жить тамъ было бы совершенно невозможно, а потому установлена очередь: каждый пользуется водой (сколько далъ Богъ и русскіе у Самарканда *) въ продолженіи извѣстнаго промежутка времени, напр., двухъ сутокъ, затѣмъ ожидаетъ, пока къ нему опять придетъ очередь. Когда ожидаемая съ нетерпѣніемъ вода входитъ въ городъ, то немедленно и автоматически распредѣляется арыками по всему городу, наполняетъ всѣ пруды—хаузы, орошаетъ, сколько есть садовъ и огородовъ, обильно расходуется на поливку улицъ и проч., излишекъ, если есть, выпускается въ запасный арыкъ—Захкешъ, текущій внѣ города. Съ прекращеніемъ притока воды арыки и Шарудъ пересыхаютъ; вода остается только въ хаузахъ, гдѣ скоро пріобрѣтаетъ зеленоватый цвѣтъ и на вкусъ

*) Дѣленіе воды Зеравшана для Самаркандской области и Бухарскаго ханства производится на меридіанѣ Самарканда нѣсколькими простыми загражденіями, собирающими воду этой рѣки, текущей многими протоками по розсыпи, въ два русла: Акъ-Дарью и Кара-Дарью. У этого мѣста поставленъ столбъ съ надписью: «Водораздѣлъ»; нельзя, разумѣется, признать правильнымъ употребленіе этого топографическаго термина въ данномъ случаѣ, но назначеніе столба понятно.

становится непріятной. Замѣтимъ здѣсь, что средняя часть Шаруда (пересѣкающая базары), также большинство хаузовъ, расположенныхъ въ средней части города, имѣютъ берега, одѣтые естественнымъ камнемъ большими, грубоотесанными глыбами, но повидимому безъ раствора, или иныхъ связей. Берега канала сложены вертикально, а у хаузовъ спускаются большими ступенями къ серединѣ. Но кладка большею частью уже потеряла свою правильность: много камней сдвинуто съ мѣста, а мѣстами ихъ совсѣмъ нѣтъ. Эта средняя часть Шаруда перекрыта большимъ количествомъ, каменныхъ же, мостовъ, мѣстами сплошь настолько, что каналъ становится невидимымъ на большомъ протяженіи; на этихъ мостахъ, съ виду безразлично какъ и на землѣ, возведены кое-гдѣ постройки, устроены лавки и проч. Во всемъ объемѣ всѣ эти сооруженія нужно признать дѣломъ весьма крупнымъ, но они видимо приходятъ въ упадокъ и разрушеніе.

Вода въ хаузахъ, одѣтыхъ камнемъ, портится не такъ скоро, какъ въ другихъ, имѣющихъ простые земляные откосы. Въ послѣднихъ лѣтомъ, подъ палящими лучами солнца, черезъ два-три дня она загниваетъ и буквально кишитъ миріадами видимыхъ простымъ глазомъ организмовъ, а къ концу двухъ недѣль становится отвратительной и издаетъ такой запахъ, что отбиваетъ охоту отвѣдать. Однако, большинство бухарцевъ принуждено пить такую воду и пьетъ спокойно, ибо это нормальное положеніе вещей. Тѣмъ болѣе трудно представить себѣ положеніе жителей Бухары, когда и этотъ нищенскій нормальный порядокъ вещей нарушается. Случается однако почти ежегодно весной (обыкновенно въ началѣ Мая—между весеннимъ и лѣтнимъ половодіемъ), что приходитъ очередь города получать воду, но не приходитъ по Шаруду вода, ибо нѣтъ ея и въ Зеравшанѣ иногда до самаго Самарканда. Хаузы, разумѣется, очень скоро изсякаютъ, и жители роютъ со дна ихъ колодцы, углубляя постепенно и эти послѣдніе по мѣрѣ изсяканія. Добываніе воды становится все труднѣе; у каждаго колодца стоитъ толпа ожидающихъ очереди, а жара въ городѣ усиливается изо дня въ день...

Естественно послѣ того, съ какой радостью, шумомъ и оживленіемъ встрѣчается въ Бухарѣ новая вода. Хотя она совершенно

желтая отъ мути и ила, хотя она несетъ съ собой весь тотъ соръ, грязь и мерзость, которыя выбрасываются или попадаютъ въ Шарудъ и арыки за время ихъ бездѣйствія, но приходъ новой воды—это настоящій праздникъ въ Бухарѣ, повторяющійся два раза въ мѣсяцъ. Всѣ мужчины выходятъ тогда къ хаузамъ, садятся на ихъ ступени и съ наслажденіемъ опускаютъ свои голыя ноги въ волнующуюся воду, а на водѣ съ крикомъ и смѣхомъ плескается масса голыхъ (всегда, впрочемъ, въ короткихъ штанишкахъ) ребятъ; а такъ какъ они на этотъ разъ съ непокрытыми головами, то представляется случай убѣдиться, что всѣ они „поголовно“ паршивые: кто съ облѣзлой пятнами головой, кто со струпьями, кто полусѣдой и проч. Но это все ни мало не смущаетъ веселую, постоянно мѣняющуюся толпу, тутъ же пьющую воду изъ хауза и наполняющую сосуды, чтобы подѣлиться съ домашними—женщинами. Особенно достается въ это время спеціалистамъ-водоносамъ, наливающимъ безсчетное число разъ свои большіе бурдюки, посредствомъ особаго устройства, кожаныхъ же, плоскихъ висячихъ ковшей.

Ни о какихъ фильтрахъ или иныхъ приспособленіяхъ для очистки воды бухарцы, разумѣется, и понятія не имѣютъ. Безъ сомнѣнія, это не можетъ не отражаться въ той или другой степени на здоровьи жителей: достаточно напомнить о всегдашнемъ существованіи въ Бухарѣ большаго количества больныхъ *ришто́й* *); но все таки приходится невольно удивляться, какъ можетъ существовать цѣлые вѣка и процвѣтать городъ съ такимъ

*) Dracunculus medinensis — круглый глистъ развивается подъ кожей у человѣка до 1 аршина длины и толщиной въ басовую струну; бываетъ ихъ часто и по нѣсколько въ разъ (до 8 и 10 шт.). Они производятъ сильныя болевыя ощущенія, сведеніе членовъ, истощеніе и проч. Обнаруживаются небольшой язвочкой, изъ которой начинаетъ сочиться бѣловатая жидкость, представляющая милліарды яичекъ, выпускаемыхъ самкой. При омовеніяхъ мусульманъ яички легко попадаютъ въ воду, гдѣ скоро вылупляются въ личинки; черезъ нѣсколько дней послѣднія сами залѣзаютъ подъ кожу циклопа (Cyclops—названіе рода; тоже микроорганизмъ, полупрозрачный и едва замѣчаемый глазомъ въ чистой водѣ); съ нимъ попадаютъ въ желудокъ человѣка съ выпитой водой, гдѣ, вѣроятно, оплодотворяются; затѣмъ самцы погибаютъ, а самки проникаютъ стѣнки желудка и постепенно достигаютъ подъ кожу, гдѣ и развиваются (изложено по Федченкѣ).

невѣроятно дурнымъ удовлетвореніемъ насущнѣйшей потребности человѣка—потребности въ водѣ!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся освѣтить нѣсколько этотъ вопросъ въ связи съ описаніемъ общаго санитарнаго состоянія города. Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о колодцахъ, такъ какъ читающему наше описаніе, безъ сомнѣнія, приходила въ голову мысль о нихъ. Въ Бухарѣ имѣется довольно много колодцевъ и намъ приходилось пробовать воду болѣе или менѣе горько-соленую; не многіе употребляются для поенія лошадей и скота, жители же съ этой водой по видимому никакъ не могутъ освоиться: они не прибѣгаютъ, кажется, къ ней даже во время истощенія воды въ хаузахъ. Причина столь дурнаго качества воды въ колодцахъ обща не только для города Бухары, но и для всѣхъ окрестностей, а именно: сильно солонцеватый составъ почвы *). Приходилось слышать отъ опытныхъ туземцевъ, что вновь отрываемые колодцы, если и давали иногда сначала прѣсную воду, то затѣмъ обыкновенно портились, обращаясь въ горько-соленые.

Это свойство почвы, оставляющее мало шансовъ на существованіе хорошаго колодца съ прѣсной водой, можетъ быть, отбиваетъ охоту у жителей искать ихъ. Въ заключеніе, однако, слѣдуетъ сказать, что намъ извѣстенъ въ г. Бухарѣ одинъ прѣсный колодецъ, расположенный близъ Мазарскихъ воротъ во дворѣ телеграфной станціи: вода изъ него на вкусъ весьма хороша и, насколько извѣстно, не вліяетъ дурно на состояніе здоровья пользующихся ею. Вслѣдствіе того, что этотъ колодецъ очень не

*) Въ хорошо культивированныхъ мѣстахъ это незамѣтно, такъ какъ поверхность земли опрѣснена въ значительной степени и опрѣсняется постоянно орошеніемъ—водой Зеравшана, но стоитъ только забросить пашню на 2, на 3 года и она опять покроется бѣлой солонцеватой корой, т. е. влага, тѣмъ или инымъ путемъ попавшая въ почву, растворяетъ нѣкоторое количество солей изъ почвы, подымаетъ ихъ въ растворѣ на поверхность и, испаряясь, осаждаетъ тутъ. Отчего солевыхъ отложеній всегда больше у подошвы кургановъ, въ канавкахъ, впадинахъ и вообще въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, куда скопляется больше воды. Однимъ словомъ, вода насыщается солью изъ почвы, а не обратно, какъ полагаетъ д-ръ Гейфельдеръ, о чемъ мы прочли въ № 75 »Русскаго Инвалида» за 1890 г., въ рецензіи, помѣченной ***.

глубокъ (къ сожалѣнію цифра, не удержалась въ памяти), мы склонны приписать существованіе его близости Шаруда, вода изъ котораго, просачиваясь въ почву, можетъ быть, образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ подземный бассейнъ, изъ котораго имѣется выходъ (дренажъ) въ упомянутый колодезъ.

Мы очень подробно остановились на описаніи водоснабженія г. Бухары по той причинѣ, что, на первый взглядъ, можетъ показаться, что вопросъ о принужденіи г. Бухары къ сдачѣ равносиленъ отведенію воды Шаруда. Это не совсѣмъ такъ: не пустить воду въ Шарудъ, когда придетъ одна, да и другая очередь ея, безъ сомнѣнія представитъ большое бѣдствіе для города; но во 1-хъ, бухарцы въ значительной мѣрѣ приспособились къ нему; во 2-хъ, можетъ быть, есть еще, или будетъ отыскано нѣсколько колодцевъ въ родѣ упомянутаго у Мазарскихъ воротъ; въ 3-хъ, можно рыть колодцы на днѣ хаузовъ до нѣкоторой глубины, т. е. пока они не пріобрѣтутъ горько-соленаго вкуса изъ почвы; наконецъ, можно пользоваться нѣкоторыми лучшими изъ существующихъ солонцеватыхъ,—все это, вмѣстѣ взятое, можетъ оттянуть на значительное время сдачу города; а потому на отведеніе воды Шаруда нужно смотрѣть, какъ на сильное вспомогательное средство при тѣсной блокадѣ, если для этой послѣдней есть время и средства, какъ на очень дѣйствительную репрессію при случаѣ и надобности, но во всякомъ случаѣ не какъ на conditio, sine qua non немедленной сдачи города при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Санитарный очеркъ. Для полноты картины отрицательныхъ сторонъ санитарнаго состоянія г. Бухары, къ описанію условій пользованія водой нужно прибавить еще, что онъ населенъ очень густо и тѣсно, что въ городѣ содержится очень много лошадей, что высокая стѣна представляетъ большую преграду для обмѣна и протеканія воздуха, образуя нѣчто въ родѣ ящика, что въ городѣ сравнительно очень мало растительности, что водостоковъ, разумѣется, никакихъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ же арыковъ и каналовъ, приносящихъ воду для питья, что нѣтъ почти никакой наружной или явной полиціи, а потому по улицамъ ходитъ постоянно много ужасныхъ по своему опаршивѣлому виду собакъ, часто

встрѣчается падаль и проч.—что въ срединѣ города подъ арками мечети Гаукушанъ, выходящими на набережную Шаруда, и на этой набережной (преграждаемой съ одного конца минаретомъ) нашли себѣ пріютъ прокаженные, выходящіе съ своими деревянными чашками за милостыней на другую сторону того же Шаруда на большую улицу и т. д. и т. д. Если ко всему этому принять во вниманіе образъ жизни туземцевъ, примитивный и во многихъ отношеніяхъ негигіеничный самъ по себѣ, то естественно ожидать въ г. Бухарѣ особенной болѣзненности и смертности. Однако, это далеко не замѣчается, даже наоборотъ: жители низменныхъ окрестностей страдаютъ несравненно въ большей степени отъ лихорадки, чѣмъ въ городѣ. Воздерживаемся сказать что нибудь положительное объ эпидеміяхъ, однако, что касается до послѣдней (инфлюэнцы), то, во 1-хъ, она появилась въ г. Бухарѣ много времени спустя послѣ того, какъ уже свирѣпствовала въ городахъ и селеніяхъ къ сѣверу, къ востоку и къ югу, и во 2-хъ, не произвела повидимому тѣхъ опустошеній, какъ, наприм., въ г. Карши и какъ тѣ, что были въ нѣкоторыхъ селеніяхъ между Бухарой и Катта-Курганомъ, судя по размѣрамъ видѣнныхъ нами свѣженасыпанныхъ кладбищъ и по разсказамъ жителей.

Разгадка такого явленія заключается въ постоянной систематической очисткѣ города отъ навоза, нечистотъ, уличнаго мусора и проч. отбросовъ. Такъ какъ вся, рѣзко очерченная, площадь города представляетъ собой большаго паразита, питающагося на счетъ окрестностей, то жители этихъ окрестностей должны были довести производительность своей земли до возможно высокой степени, для чего, естественно, нуждались и нуждаются въ громадныхъ количествахъ удобренія, которое въ разныхъ видахъ и доставляетъ городъ. Наземъ поэтому является цѣннымъ предметомъ необходимости. Внѣ городской стѣны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, существуютъ бо́льшія или меньшія площади, куда онъ свозится, гдѣ сортируется и распредѣляется въ кучки и въ высокія правильныя грядки и откуда продается землевладѣльцамъ, садоводамъ и проч., представляя своего рода базары съ мелочной и оптовой торговлей. Никто не выбрасываетъ назема

зря, но систематически занимаются этимъ дѣломъ, разумѣется, люди бѣднѣйшаго класса населенія, которые ежедневно, обыкновенно утромъ, тщательно подметаютъ улицы, складываютъ эти кучки сора, пыли и назема въ плетеные мѣшки на ишаковъ и увозятъ за городъ. Также увозится большею частью ежедневно соръ со дворовъ, подметаемый лишь жильцами въ кучки. Соображаясь, вѣроятно, съ таковой потребностью, устраиваются въ г. Бухарѣ почти всѣ отхожія мѣста: они представляютъ собой обыкновенно длинныя (3′—5′) ямки, шириной небольше 1′, глубиной до 2′ (часто всѣ размѣры много меньше), вырываемыя въ назначенныхъ для сего помѣщеніяхъ, просто въ землѣ, безъ всякихъ почти приспособленій; содержимое этихъ ямокъ раза два въ недѣлю засыпается подметаемымъ соромъ. Одна изъ каркасныхъ стѣнокъ такого помѣщенія обыкновенно выходитъ или въ общій (не внутренній) дворъ, или даже на улицу; въ этой стѣнкѣ имѣется или дверка, или иное отверстіе, легко открываемое и закладываемое; черезъ эти то отверстія являются, смотря по надобности, упомянутые очистители съ запасомъ уличнаго сора и пыли, смѣшиваютъ его съ нечистотами, образуя компостъ—массу очень густую и совершенно безъ запаха,—накладываютъ ее, уже какъ обыкновенно, на ишаковъ и увозятъ. На всю эту процедуру требуется не больше 1 часа, причемъ не распространяется никакого зловонія и не доставляется никакого безпокойства жителямъ.

Встрѣчаются еще отхожія мѣста, гдѣ площадка съ отверстіемъ, на которой становятся, возвышена надъ ямкой, а эта послѣдняя по просту открыта съ улицы; оттуда же засыпается и очищается *).

Такой способъ очистки и дезинфекціи города практикуется, повидимому, очень давно—уже вѣка—и вошелъ въ плоть и кровь населенія; а будучи и по происхожденію своему естественнымъ и

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что мусульмане въ Средней Азіи вмѣсто бумаги употребляютъ комочки сухой глины; сухая же земля, какъ извѣстно, отличается прекрасными дезинфекцирующими свойствами. Чрезвычайно интересна параллель между описаннымъ нами здѣсь примитивнымъ способомъ устройства ретирадовъ и новѣйшими усовершенствованіями ихъ (земляной системы) въ западной Европѣ (система Муля и др.).

непринудительнымъ, онъ почти не подверженъ неисправностямъ и не требуетъ ни какой инспекціи.

Доказательствомъ давности примѣненія этихъ порядковъ въ г. Бухарѣ, кромѣ словесныхъ показаній, служитъ съ одной стороны то общее всему городу явленіе, что полотно его улицъ болѣе или менѣе понижено противъ поверхности земли; въ срединѣ города это пониженіе значительно больше, чѣмъ у окраинъ; въ центрѣ города мѣстами оно настолько значительно, что участки между двухъ смежныхъ улицъ превращаются въ нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ бугровъ. Мы полагаемъ, что это результатъ почти ежедневнаго въ продолженіи столѣтій подметанія улицъ *). Съ другой стороны, эта вогнутая естественная поверхность улицъ очень тверда и прочна: не смотря на чрезвычайно оживленное движеніе по улицамъ, въ самое ненастное время года лошади, верблюды и арбы не дѣлаютъ въ г. Бухарѣ такихъ выбоинъ, колей, ступеней и проч., какъ всюду въ Средне-азіатскихъ городахъ. Намъ почти не приходилось также встрѣчать на улицахъ зловонныхъ лужъ и никогда не просыхающей грязи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ низменные еврейскіе кварталы, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ хватаешься за носъ и погоняешь лошадь, чтобы выбраться скорѣе изъ удушливой атмосферы. Оправданіемъ и здѣсь въ большей степени служитъ преобладаніе тамъ красильнаго ремесла. Нужно упомянуть еще, пожалуй, о ямахъ, куда стекаетъ грязная вода изъ бань: онѣ всегда вонючи, немного превосходя въ этомъ отношеніи самыя бани. Вообще же въ городѣ запаховъ разныхъ и вони сравнительно очень мало. Мы замѣтили раньше, при описаніи водоснабженія, что хаузы, арыки и Шарудъ, къ концу ожиданія новой воды, издаютъ (особенно лѣтомъ) вредный и непріятный запахъ: ну, тогда дѣйствительно во всей Бухарѣ дышать трудно.

И такъ при суммѣ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя свойственны г. Бухарѣ, санитарное состояніе ея можно

*) Этому же обстоятельству мы приписываемъ отчасти легко видимое дѣленіе средней возвышенной части города на нѣсколько холмовъ, о чемъ сказано въ самомъ началѣ.

признать, пожалуй, даже удовлетворительнымъ и приписать это нужно прежде всего постоянной и систематической очисткѣ города и естественному участію въ этомъ дѣлѣ всего населенія. Другой причиной, хорошо вліяющей на санитарное состояніе г. Бухары, является возвышенное положеніе его середины.

Заключая этотъ очеркъ, отмѣтимъ, что бичъ большихъ городовъ—отхожія мѣста—здѣсь служитъ источникомъ благосостоянія окрестнаго населенія, возвышая качество и стоимость земли его до необычайно высокихъ предѣловъ, напр. до 2000 р. и даже до 3000 р. за десятину поля. На эти цѣны, можетъ быть, имѣетъ еще вліяніе большое, изъ года въ годъ увеличивающееся, количество кладбищъ кругомъ города, о которыхъ мы говорили раньше, постепенно стѣсняющихъ пашни: тутъ за нѣсколько квадратныхъ аршинъ священнаго мѣста платятся будущими покойниками иногда большія деньги.

Народонаселеніе. Такъ какъ улицы г. Бухары очень узки, нѣтъ почти площади и садовъ, дворы очень маленькіе, то оказывается, что въ немъ большая, чѣмъ въ другихъ городахъ, часть площади города занята жилыми постройками. Если къ этому прибавить, что въ г. Бухарѣ замѣчается особенно много 2—3 этажныхъ построекъ, занимающихъ мѣстами цѣлыя улицы и площади, то это даетъ вывести право заключеніе, что г. Бухара, по сравненію съ другими городами, особенно Средней Азіи, населена очень густо. Мы не имѣли, разумѣется, никакой возможности получить свѣдѣнія о числительности этого населенія, такъ какъ считать правовѣрный народъ (слѣдовательно женщинъ и дѣтей) по меньшей мѣрѣ предосудительно и неприлично кому бы то нибыло *). Однако, на основаніи собранныхъ нами матеріаловъ мы опредѣляемъ число жителей въ г. Бухарѣ около 50000 чел. и никакъ не болѣе 70000 чел. **) Населеніе города преимущественно тор-

*) Одинъ бывалый бухарецъ, очень много путешествовавшій, задѣтый, кажется, моими замѣчаніями, заявилъ, что «самый большой городъ въ свѣтѣ—Константинополь (Истамбулъ) въ немъ и жителей больше всего, а второй затѣмъ—Бухара-и-шерифъ и что жителей въ немъ 3 ляка, пожалуй, будетъ». Лякъ=100.000.

**) Намъ представилась возможность опредѣлить приблизительно: 1) площадь и населеніе участка, занятаго постройками и внутренними двориками, гдѣ

говое, а потому по внѣшнему впечатлѣнію на базарѣ чрезвычайно разнообразно. Главную массу составляютъ узбеки и таджики (ирани); хотя они и перемѣшаны, но, кажется, узбеками заселена преимущественно восточная часть, а иранцами—западная. Глухой антогонизмъ между воинственными пришельцами—узбеками (монгольскаго племени) и культурными аборигенами—иранцами (арійскаго) не прекращается до сихъ поръ; а приглушила его не общая религія—исламъ, а общая опасность и общій врагъ—мы, русскіе. Въ городѣ Бухарѣ еще очень много евреевъ, но не европейскихъ, а своихъ собственныхъ. Занимаютъ они кварталы города, прилегающіе преимущественно къ южнымъ участкамъ городской стѣны, отъ воротъ Салли-ханэ до Каракульскихъ. Большинство занимается красильнымъ ремесломъ, уступая пальму первенства въ мелкомъ растовщичествѣ индѣйцамъ, которые поголовно имѣютъ реномэ кровопійцъ. Тѣ и другіе пользуются большимъ презрѣніемъ у туземцевъ—мусульманъ, первые же, т. е. евреи до послѣдняго времени были видимо даже подъ нѣкоторымъ гнетомъ: до сихъ поръ для евреевъ въ Бухарѣ существуетъ особый костюмъ, состоящій изъ плохенькой черной барашковой шапки съ четырехъ-угольнымъ сѣраго коленкора приподнятымъ верхомъ, такого же сѣраго въ мелкія полоски длиннаго халата и веревки вмѣсто пояса. Отъ этого ни одинъ еврей не смѣетъ отступить и до сихъ поръ: много между ними есть людей очень богатыхъ, купцовъ, особенно занимающихся торговлей деньгами, коммисіонерствомъ и проч.; они имѣютъ лучшія частныя дачи

жила семейная прислуга «Ильчи-ханэ»—посольскаго дома, пользовавшаяся весьма различнымъ общественнымъ положеніемъ и достаткомъ; 2) площадь и число обитателей въ домѣ одного знакомаго бухарца средняго общественнаго положенія, и 3) площадь и число обитателей въ одномъ ближайшемъ Мадрасса и въ 2-хъ караванъ-сараяхъ. Кромѣ того для опредѣленія количества населенія въ г. Бухарѣ мы пользовались нѣкоторыми приблизительными опредѣленіями на глазъ, распросными матеріалами, сравненіемъ съ плотностью населенія другихъ городовъ Средней Азіи и проч. Впрочемъ, должны упомянуть, что полученный результатъ для насъ самихъ явился весьма неожиданнымъ: цифра 50 т. человѣкъ показалась крайне малой; какъ уступку такому впечатлѣнію, мы и даемъ другой максимальный предѣлъ—въ 70 тыс. человѣкъ. Подъ городомъ мы, разумѣется, имѣемъ въ виду только площадь, ограниченную городской стѣной.

(къ востоку отъ воротъ Салли-ханэ), пользуются большимъ вліяніемъ въ торговомъ мірѣ, однако и они, разодѣтые дома въ шелкъ или дорогіе мѣха (зимою), надѣваютъ, выходя на улицу, легкій, но тягостный костюмъ и опоясываются веревкой; а если ѣдутъ верхомъ, то должны слѣзать съ лошади при встрѣчѣ со всякимъ бухарскимъ чиновникомъ или почетнымъ лицомъ. Они поэтому, кажется, всегда ходятъ пѣшкомъ. Можетъ быть, впрочемъ, имъ и совсѣмъ запрещена ѣзда верхомъ.

Евреи въ глазахъ бухарцевъ представляютъ элементъ неблагонадежный: безъ сомнѣнія, они желаютъ и ждутъ замѣны настоящаго правительства въ Бухарѣ русскимъ, можетъ быть готовы были бы даже на активное содѣйствіе. . . .

Въ средѣ торговцевъ, космополитовъ, есть много людей очень бывалыхъ, умныхъ и многознающихъ: они лучше, чѣмъ кто бы то не было знаютъ истинную цѣну не только вещамъ, но и дѣламъ и обстоятельствамъ. Мы полагаемъ, что лучшій матеріалъ для рѣшенія, какъ поступить и что дѣлать съ г. Бухарой въ томъ или другомъ случаѣ, могутъ дать именно они; они, вѣроятно, и не будутъ оставлять своихъ мнѣній при себѣ, если умѣло ихъ спрашивать.

Общій внѣшній видъ города. Всего вышеизложеннаго однако далеко не достаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о томъ, что такое г. Бухара. Мы поэтому считаемъ необходимымъ передать по возможности то общее по внѣшности впечатлѣніе, какое, по нашему мнѣнію, онъ долженъ дѣлать на путешественника или изслѣдователя, предполагая, что эта часть работы нашей не будетъ лишней даже въ интересахъ спеціальной стороны нашей задачи.

Г. Бухара по своему внѣшнему виду близокъ къ *типу* Средне-Азіатскаго большаго города. Вслѣдствіе его мѣстныхъ и историческихъ условій всѣ особенности большихъ городовъ Средней Азіи *) являются здѣсь особенно яркими, усиленными въ томъ или другомъ направленіи, или въ особенно чистомъ видѣ. А именно:

*) Пишущему эти строки привелось быть почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Кульджинскаго раіона, Сыръ-Дарьинской, Семирѣченской, Ферганской и Самаркандской областей и Бухарскаго ханства по Зеравшану.

улицы такія же узкія и кривыя, но мѣстами масса переулковъ производитъ такой лабиринтъ, какой едва ли гдѣ можно встрѣтить и откуда выбраться безъ провожатаго очень трудно. Жилые дома, какъ и въ другихъ туземныхъ городахъ, тоже безъ оконъ на улицу и съ рѣдкими маленькими калитками, но вслѣдствіе большой скученности населенія встрѣчаются длинныя улицы, ограниченныя съ обѣихъ сторонъ двухъ и даже трехъ-этажными мертвыми стѣнами и производящія при своей узкости гнетущее впечатлѣніе на непривычнаго путника. О плоскихъ крышахъ мы упоминали. Крытые базары здѣсь встрѣчаются не только короткими участками, а занимаютъ въ срединѣ города цѣлыя квадратныя версты, а по высотѣ и прочности перекрытій, мѣстами сводчатыхъ, представляютъ сооруженія незаурядныя. Содержимое этихъ базаровъ является также во многихъ отношеніяхъ типическимъ для всей Средней Азіи: шелковые ряды отличаются единственнымъ въ своемъ родѣ разнообразіемъ и количествомъ издѣлій. Въ мѣдныхъ рядахъ можно найти много оригинальныхъ и красивыхъ вещей и для европейца, а оглушающій стукъ и звонъ отъ работы, производящейся тутъ же, вполнѣ соотвѣтствуетъ громкой славѣ мастеровъ. Халатнымъ рядамъ, напротивъ того, свойствена всегдашняя тишина, спокойствіе и даже торжественность: къ этому приводитъ, можетъ быть, уже одинъ видъ халатовъ, надѣваемыхъ самыми высшими сановниками ханства; потребность въ такихъ халатахъ, различныхъ на десятки чиновъ и ранговъ, имѣющаяся только въ г. Бухарѣ, дѣлаетъ эти ряды непохожими на однородные во всякомъ другомъ мѣстѣ. Ряды сладостей и лакомствъ мѣстнаго производства удивляютъ своей величиной и количествомъ: невольно думается, кто съѣстъ всю эту гадость, состоящую преимущественно изъ сахара и сала, ибо она требуетъ частаго обновленія, чтобы не испортиться!? Въ оружейныхъ и ножевыхъ рядахъ большое разнообразіе и смѣшеніе старыхъ и новыхъ издѣлій, между которыми много нашелъ бы интереснаго для себя археологъ и коллекторъ. А мѣнялы-сарафы съ цѣлыми горками мелкаго серебра, сидящіе съ поджатыми ногами на кошмахъ подъ сводами Чарсу, на распутіи среди базара: они составляютъ особый институтъ, вполнѣ организованный, нѣчто въ

родѣ европейскихъ биржъ, устанавливаютъ ежедневный курсъ и проч. А чайные ряды у Ляби-хауза, мануфактурные и проч. . . всего не перечесть. . .

Такого количества бѣлыхъ чалмъ въ толпѣ, на улицѣ и на базарахъ нельзя увидѣть ни въ одномъ городѣ Восточнаго и Западнаго Туркестана, какъ въ г. Бухарѣ; провѣрить это впечатлѣніе легко, взглянувъ на любую изъ фотографій, снимаемыхъ въ большомъ количествѣ за послѣднее время и привлекающихъ въ поле зрѣнія толпу зѣвакъ.

Мастерскія разныя, какъ и въ другихъ городахъ Средней Азіи, всѣ выходятъ на улицу, въ томъ числѣ и мельницы съ лошадиными приводами (которыхъ очень много въ г. Бухарѣ), маслобойни, чайханэ, ашъ-ханэ (кухмистерскія) и проч. Уличная жизнь на базарахъ и около нихъ, вслѣдствіе большаго скопленія народа, отличается какъ будто еще большимъ шумомъ и напряженностью, чѣмъ въ другихъ городахъ, и тѣмъ бо̀льшій и разительный контрастъ представляетъ совершенная пустота улицъ и прекращеніе всякой жизни и дѣятельности на нихъ послѣ „Намазъ-Шамъ“ (съ наступленіемъ темноты)—тогда запираются городскія ворота; а послѣ „Намазъ-Куфтанъ“, т. е., примѣрно, въ 9 час., въ городѣ уже всѣ должны спать: закрыты лавки и двери, темнота и тишина, нарушаемая мѣрными ударами уличныхъ сторожей въ бубны особаго рода: то тутъ, то тамъ—мы не спимъ, молъ...

Всякій подъѣзжающій къ г. Бухарѣ въ первый разъ замѣтитъ еще издалека одну странность: всѣ купола, высокіе передніе щиты мечетей, верхушки минаретовъ, однимъ словомъ—всѣ высокія точки города увѣнчаны довольно однообразно чѣмъ то сѣрымъ и безформеннымъ въ родѣ гигантскихъ лепешекъ. Это аистовы гнѣзда. Намъ нигдѣ не приходилось видѣть ни такихъ размѣровъ, ни такого количества этихъ гнѣздъ, какъ тѣ, что̀ высятся надъ священной Бухарой. На голубомъ куполѣ главнѣйшей мечети города, „Масджиди-Келянъ“, ихъ цѣлая колонія съ уступами отъ вершинъ свода, занимающая площадь вѣроятно съ добрый десятокъ квадратныхъ сажень. Причину такого явленія мы склонны видѣть въ томъ, что едва ли есть на свѣтѣ мѣсто, гдѣ бы гнѣзда этой благородной птицы были въ такой безопасности, какъ въ г. Бу-

харѣ: во 1-хъ, вѣроятно уже столѣтія прошли, что ни купола эти, ни минареты не ремонтировались: то-ли некому теперь за это взяться, то-ли аистовъ не хотятъ потревожить, а то, можетъ быть, никто изъ теперешнихъ мастеровъ и архитекторовъ бухарскихъ не знаетъ, какъ и попасть-то на эти купола... и во 2-хъ, въ обезпеченіе внутреннихъ жилыхъ дворовъ отъ нескромнаго взора сверху, въ Бухарѣ строжайше запрещается подыматься кому бы то ни было надъ крышами жилыхъ домовъ; и послѣдовательность бухарцевъ въ этомъ отношеніи по истинѣ замѣчательна: есть въ г. Бухарѣ нѣсколько высокихъ минаретовъ, построенныхъ въ свое время, разумѣется, для того, чтобы съ высоты ихъ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ; однако теперь въ Бухарѣ азанчи *) подымаются только на ближайшую къ высокой мечети невысокую крышу и оттуда вытягиваютъ свои шеи, чтобы дальше слышенъ былъ ихъ призывъ; минареты же, какъ и многое другое въ Бухарѣ, стоятъ лишь нѣмыми свидѣтелями лучшаго прошедшаго. Такое ревнивое охраненіе надкрышнаго, такъ сказать, пространства, разумѣется, на руку умнымъ аистамъ, такъ какъ къ ихъ гнѣздамъ и близко никто не смѣетъ подойти.

Къ типическимъ особенностямъ города нужно отнести также большое количество мадраса и мечетей, отличающихся монументальнымъ характеромъ. Онѣ не составляютъ принадлежности какой нибудь одной части, а разбросаны по всему городу и почти всѣ болѣе или менѣе старинной постройки. Только двѣ-три изъ нихъ принадлежатъ нынѣшнему столѣтію, таково, напримѣръ, Мадраса Рашидъ, имѣющее очень исправный по внѣшности видъ. Большинство же видимо клонится къ упадку, какъ и въ г. Самаркандѣ, будучи оставляемо безъ капитальной поддержки. Можно еще замѣтить, что грандіознѣйшія и важнѣйшія сооруженія въ г. Бухарѣ, какъ, напримѣръ, мечеть и Келянъ **) и Катта-Минаръ, въ противоположность древнимъ Самаркандскимъ постройкамъ, не отличаются такой красотой отдѣлки и блестящей орнаментаціей, но построены несравненно прочнѣе и съ большимъ знаніемъ строитель-

*) Призывающіе къ молитвѣ; тоже, что муэдзины.

**) Келянъ въ буквальномъ переводѣ значитъ большой, или главный.

наго дѣла: громадный куполъ мечети Келянъ, не смотря на неблагопріятныя условія содержанія, до сихъ поръ совершенно цѣлъ, а башня Катта-Минаръ, во много разъ большая, чѣмъ Самаркандскіе минареты (сильно наклонившіеся), строго сохранила свое вертикальное положеніе и совершенно исправный внѣшній видъ. Въ свое время мадраса бухарскія были хорошо одарены вакуфами, но теперь доходовъ ихъ едва хватаетъ для нищенскаго содержанія учениковъ. При каждой мечети и мадраса, какъ и всюду, есть прудъ—необходимая принадлежность мѣста молитвы мусульманина. Всѣ эти мечети и мадраса, хотя и возведены исключительно изъ обожженнаго кирпича и имѣютъ много сводчатыхъ помѣщеній, и не смотря на свои иногда громадные размѣры и оригинальность замысла,—въ общемъ, какъ постройки, довольно плохи, но тамъ, говорятъ, обращается по рукамъ много книгъ прекрасныхъ, а въ этихъ книгахъ много „учености“ въ классическомъ духѣ, много интересныхъ и „правдивыхъ“ сказаній о блестящемъ, почти сказочномъ прошедшемъ страны и города...

По наружной отдѣлкѣ и количеству изразцовъ заслуживаютъ бо́льшаго передъ другими вниманія мадраса: Абдулла-ханъ и Мадара-ханъ, расположенныя другъ противъ друга, и Заргараңъ; по величинѣ и славѣ пользуются извѣстностью: мадраса Миръ-арабъ *), Кугальдашъ и друг. Есть еще хорошее мадраса, построенное на средства (40.000 р.), подаренныя въ концѣ прошлаго столѣтія Императрицей Екатериной 2-й, извѣстное подъ названіемъ Мадраса-и-Назаръ-Ильчи по имени лица, правившаго посольство.

Говоря о постройкахъ, нельзя умолчать о караванъ-сараяхъ и „Чарсу“; ими къ тому же характеризуется упомянутая типичность г. Бухары. Караванъ-сараи представляютъ по характеру своему учрежденіе, имѣющее, вѣроятно, очень большое, если не полное, сходство съ московскими подворьями недавняго прошлаго, до желѣзно-дорожнаго періода; идея то несомнѣнно одна и та же. Занимаютъ они постройками обыкновенно большую площадь съ единственными воротами, съ дворомъ по срединѣ, нагромождены по

*) Названа по имени жертвователя, богача въ г. Бухарѣ, но частнаго человѣка; построена, кажется, въ прошломъ столѣтіи.

периметру въ нѣсколько этажей и имѣютъ массу разнообразныхъ помѣщеній. Нижніе одинъ или два этажа построены изъ обыкновенно обожженнаго кирпича со сводами и въ общемъ представляютъ сооруженія весьма удовлетворительныя, даже лучше, чѣмъ большинство такихъ же помѣщеній Мадраса *). Такъ какъ большіе караванъ-сараи расположены преимущественно среди базаровъ и не всегда имѣютъ по сосѣдству жилыя помѣщенія, то на крышахъ ихъ можно часто замѣтить еще шалаши, палатки и открыто стоящія кровати, куда жильцы являются только къ вечеру съ закатомъ солнца, а съ восходомъ отъ лучей его бѣгутъ опять внизъ.

Караванъ-сараевъ (большихъ) въ г. Бухарѣ около 20. Большинство изъ нихъ очень спеціализировано по своему назначенію, а именно: тутъ есть Хивинскій караванъ-сарай для каравановъ и пріѣзжихъ изъ Хивы и обратно; тамъ всегда у воротъ и во дворѣ можно увидѣть много большихъ бараньихъ шапокъ и красноватыхъ въ мелкія полоски халатовъ, характеризующихъ внѣшность хивинца. Есть Гинду-сарай, гдѣ живутъ исключительно индѣйцы-немусульмане; Ногай-сарай—для татаръ; Пахта-сарай—для хлопка и проч.

„Чарсу“ **) представляетъ собой группу сводовъ, лежащую на нѣсколькихъ большихъ столбахъ или пилонахъ и всегда расположенную на перекресткѣ, или раздорожіи. Такихъ сооруженій въ городѣ, кажется, только 4, кои и показаны на планѣ. По разрѣзкѣ своды могутъ быть названы полными парусными; средняя же часть группы сводовъ, такъ называемая „скуфья“, оканчивается всегда на верху небольшимъ барабаномъ, служащимъ и фонаремъ, и отдушиной. Промежутки между наружными столбами забраны стѣнками и образуютъ ниши, въ которыхъ, а равно кругомъ внутреннихъ столбовъ, устроены различныя лавки, производится открытая торговля, сидятъ мѣнялы и проч. Все это составляетъ очень пеструю картину, а съ крытыми корридорами (улицами)

*) Общее замѣчаніе, относящееся до всѣхъ кирпичныхъ сооруженій, заключается въ томъ, что сложены они не на извести: для большинства растворомъ служилъ мѣстный нечистый алебастръ съ примѣсью песку и глины.

**) Чарсу — персидское слово, въ буквальномъ переводѣ значитъ четыре стороны.

лавокъ, уходящими вдаль, во всѣ стороны, и наполненными шумящимъ и волнующимся народомъ, при умѣренномъ освѣщеніи сверху, Чарсу, говоримъ, производитъ очень оригинальное и неизгладимое впечатлѣніе.

Непривычнаго посѣтителя г. Бухары могутъ еще иногда поразить странные, скрипучіе, трубные звуки, раздающіеся вдругъ на высотѣ крыши безъ всякой видимой причины и послѣдствій. Это—своеобразное объявленіе о томъ, что баня сейчасъ истоплена и приглашаетъ посѣтителей. Но самыя бани бухарскія столь плохи, а иногда и отвратительны, что не стоятъ описанія; какъ постройки, онѣ тоже ниже всякой критики, а потому часто портятся, что также объявляется упомянутыми трубными звуками, но на этотъ разъ въ нѣсколько рожковъ или пищалокъ, создающихъ такую ужасную какофонію, что и безъ объясненія нужно догадаться, что случилось гдѣ-то и что-то неладное, хоть и не важное.

Выше мы сказали, что всѣ безъ исключенія бугры и курганы, какъ въ городѣ, такъ и окрестные, ближайшіе къ нему, заняты кладбищами, но этого мало; каждаго, кто внимательно осматривалъ г. Бухару и заглядывалъ въ открытыя иногда двери и ворота наружныхъ дворовъ, поражаетъ необыкновенно большое количество кладбищъ въ городѣ и, кромѣ того, отдѣльныхъ могилъ во дворахъ. Прежде когда-то, говорятъ, фамильная усыпальница почтеннаго рода всегда находилась во дворѣ собственнаго дома; но накопленіе этихъ домашнихъ кладбищъ принудило наконецъ правительство запретить хоронить кого бы то ни было въ чертѣ города; съ того времени всѣ городскія кладбища заглохли и прекратили свою дѣятельность *). Но домовыя могилы и безъ новыхъ покойниковъ служили иногда предметомъ нѣкоторой заботливости добрыхъ родственниковъ, а затѣмъ иныя изъ нихъ понемногу съ того времени украсились и „туками“ **), чѣмъ еще больше увеличили святость самого города, вмѣщающаго въ нѣдрахъ своихъ

*) Покойный эмиръ Музаффаръ-Эддинъ похороненъ однако, какъ и его предки, внутри города на кладбищѣ, почти примыкающемъ къ Ильчи-ханэ съ юго-востока.

**) Тукъ—шестъ съ хвостомъ (лошадинымъ), водружаемый надъ могилами святыхъ и праведниковъ, мусульманъ.

столькихъ праведниковъ. Если около такой могилы, по счастливому ея положенію, циркулируетъ толпа, то являются постепенно на ней рога барановъ и козловъ, тряпки безчисленныя на осѣняющихъ деревьяхъ, затѣмъ шейкъ, поборы и проч... все „какъ слѣдуетъ по Шаріату".

Есть еще, помнится, въ Бухарѣ гдѣ то цѣлебный ключъ, или вода, вѣроятно есть еще священный камень и проч. Но ни монументовъ, ни памятниковъ, ни чудотворныхъ изображеній никакихъ не имѣется: они не въ духѣ чистаго мусульманства Средней Азіи.

До сихъ поръ мы описывали такія черты г. Бухары, которыя въ большей или меньшей степени могутъ быть свойственны городамъ Туркестана, находящимся подъ непосредственной русской властью и управленіемъ. Только краткое описаніе кремля, упоминаніе о бухарской монетѣ и ея курсѣ, о бухарскихъ чинахъ и рангахъ и о порядкахъ при городскихъ воротахъ не совмѣстимы съ понятіемъ о русской власти.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь къ описанію главной особенности г. Бухары, зависящей отъ того, что ею правитъ своя высшая, мусульманская власть—эмиръ,—„повелитель правовѣрныхъ", а закономъ служитъ—„Шаріатъ". Это обстоятельство въ общемъ, пожалуй, мало измѣняетъ знакомый намъ внѣшній видъ туземной городской жизни, но придаетъ всему особую краску и отпечатокъ, совершенно незнакомые тому, кто не наблюдалъ и не испыталъ этого лично.

Въ этой части описанія мы коснемся нѣкоторыхъ духовныхъ сторонъ теперешней жизни бухарскаго народа; съ краткой характеристики въ этомъ направленіи и начинаемъ.

Въ Бухарскомъ *кремлѣ* отъ прежняго могущества и величія остался лишь титулованный эмиръ—обломокъ бывшей блестящей оболочки, а съ нимъ и за нимъ десятки чиновъ и ранговъ, столько же званій и должностей *), парчевые халаты, дворцовый этикетъ и проч.

*) Интересующійся табелью о бухарскихъ рангахъ, найдетъ много свѣдѣній у Н. Ханыкова, въ «Описаніи Бухарск. ханства». Мы, съ своей стороны, могли бы сообщить весьма мало сверхъ того, а потому не повторяемъ этихъ данныхъ.

Въ Бухарскомъ *народѣ* отъ того же прошедшаго остались дорогія преданія, которыя то въ устныхъ разсказахъ, то въ книгахъ бережно сохраняются и распространяются радѣтелями ислама и, естественно при этомъ, въ облагороженномъ и преувеличенномъ видѣ.

Съ первымъ фактомъ можно порѣшить очень просто: предложить, напр., Его Высокостепенству выѣхать изъ г. Бухары съ своими сокровищами и Эмиръ не замедлитъ, вѣроятно, исполнить и такое требованіе русской власти. Значительно уже труднѣе измѣнить симпатіи народныя. Но задача является уже необыкновенно трудной, если представится необходимымъ измѣнить весь строй жизни народа. А что съ этой задачей намъ придется имѣть дѣло, это не должно, повидимому, подлежать сомнѣнію. Мы выяснили уже въ историческомъ очеркѣ, какую счастливую почву для своего развитія и, такъ сказать, усовершенствованія нашелъ исламъ въ Средней Азіи, особенно за послѣдніе три вѣка, свободные отъ нашествія. Мы видѣли, съ какимъ необыкновеннымъ увлеченіемъ и искренностью изучались и рѣшались здѣсь всѣ вопросы моральнаго разряда, можно сказать даже, что они здѣсь уже рѣшены всѣ съ возможной полнотой и окончательно. На всѣ вопросы житейскіе и нравственные имѣются готовые отвѣты; пытливость не возбуждается; внѣшнія всѣ детали, какъ государственной и дворцовой жизни, такъ и частной, разработаны до мельчайшихъ подробностей. Результаты всей этой работы, несмущаемой и нетревожимой внѣшними вліяніями въ продолженіи многихъ лѣтъ, проникли глубоко въ сознаніе всего населенія, какъ правящаго, такъ и управляемаго, привились въ плоть и кровь его и составляютъ ту своеобразную его культуру, съ которой постоянно нужно считаться, какъ съ силой, которой многіе и во многомъ невольно подчиняются и которой могутъ не замѣтить только тѣ поверхностные наблюдатели, которые бухарскаго, ходжентскаго или кокандскаго земледѣльца, заурядъ со всѣми, называютъ „дикими азіатами“. Правящіе классы безъ сомнѣнія подавлены сознаніемъ нашей силы, поражены во многихъ отношеніяхъ нашими знаніями и умѣніями; это для нихъ большею частью новые вопросы, но и только: нравственнаго превосходства нашего они въ душѣ не признаютъ, ибо не чувствуютъ.

Безъ сомнѣнія, всякая напыщенная внѣшность, если она не соотвѣтствуетъ содержанію, смѣшна, но въ данномъ случаѣ нужно помнить, что сознаніе этого несоотвѣтствія проникло въ весьма еще немногія головы бухарскихъ „сановниковъ“. Смѣшенъ поэтому важный видъ большинства ихъ, привѣтствія, банальныя фразы о здоровьи и проч. *), но этого уже никакъ нельзя сказать о необыкновенной выдержкѣ и самообладаніи этихъ самыхъ сановниковъ, о ихъ своеобразномъ воспитаніи, если они захотятъ, или если должны быть вѣжливыми. Серьезность и искренность участниковъ всѣхъ церемоній и вліяніе этой обстановки настолько сильно, что всякій официальный „гость“, попавшій въ нее съ переѣзда границы за Катта-Курганомъ **), терялъ какъ-то свою самостоятельность и инициативу и безпрекословно подчинялся установившемуся ритуалу. Чѣмъ ближе дѣло подходитъ къ г. Бухарѣ и къ представленію самому эмиру, тѣмъ увеличивается серьезность на лицахъ и въ дѣйствіяхъ гг. чиновниковъ и сановниковъ, тѣмъ невольно напряженнѣе становится отношеніе къ окружающему и вниманіе самого гостя; во дворцѣ разговоры ведутся уже шепотомъ; наконецъ, на пути торжественнаго слѣдованія отъ послѣдней остановки, уже почти предъ лицомъ самаго Джанаби-али, два „удайчи“ (сановника) подхватываютъ неуспѣвающаго опомниться „гостя“ подъ руки, увлекаютъ его по коврамъ въ быстро отворяющіяся двери предъ лицо Его Высокостепенства и тутъ произносятъ цвѣтистое и льстивое привѣтствіе отъ имени представляющагося... По этикету такъ и полагается, что „гость“ ошеломленъ и не можетъ слова вымолвить. Потомъ, нѣсколько времени спустя, многое изъ того, что приходилось продѣлать, представлялось смѣшнымъ, а кое-что, можетъ быть, и обиднымъ для самолюбія и нравственнаго чувства, но, странное дѣло, по этой скользкой колеѣ катились одинаково безъ запинки люди, завѣдомо само-

*) Мы не останавливаемся на описаніи всякихъ встрѣчъ, торжественныхъ пріемовъ, «аудіенцій» и т. п., такъ какъ они много разъ и подробно описаны разными путешественниками русскими и иностранными.

**) Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, то время, когда не было еще желѣзной дороги черезъ ханство и всѣ почетные гости эмира ѣхали не торопясь (на долгихъ), частью верхомъ, частью въ высылаемыхъ эмиромъ экипажахъ.

стоятельные и непосредственные, а гг. культурные европейскіе гости послѣдняго времени даже съ бо̀льшимъ удовольствіемъ и самозабвеніемъ, чѣмъ мы русскіе.

Постепенно весь этотъ этикетъ и дикіе на нашъ взглядъ порядки упрощались: не стали удайчи подхватывать гостей подъ руки, перестали сами гости черезъ всѣ залы и дворы пятиться задомъ, перестали наконецъ получать и пресловутые „халаты“ и проч., но для этого требовалось много времени и нравственныхъ усилій массы слѣдующихъ одинъ за другимъ русскихъ представителей, требовалось постепенно отвоевывать разныя уступки; отдѣльно же никому изъ нихъ при всемъ добромъ желаніи и энергіи, пожалуй не удалось бы достигнуть этого сразу; а насилія не допускалось.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, мнѣнія, что бухарцы относятся дружественно къ намъ русскимъ, очень преданы, или ждутъ замѣны своего правительства русскою властью и т. п. Такого рода сужденія совершенно ошибочны. О настроеніи ихъ въ отношеніи насъ можетъ дать понятіе слѣдующее примѣрное описаніе той обстановки на улицахъ города, въ которой приходилось безъ сомнѣнія и безъ исключенія бывать много разъ „гостямъ“ эмира. Мы будемъ имѣть въ виду лишь почетныхъ гостей, т. е. лицъ, официально командированныхъ русскими властями въ г. Бухару, которые находились въ привилегированномъ положеніи, которыхъ постоянно сопровождали и охраняли отъ всякой непріятности особо приставленные чиновники и проч.

Вотъ впереди ѣдетъ верхомъ какой нибудь джевачи или чугарасы (въ важныхъ случаяхъ ихъ нѣсколько и чины выше), расчищаетъ словомъ и дѣломъ (нагайкой) дорогу и заботится, чтобы ничто не остановило кортежа почетнаго „гостя“. Въ нѣсколькихъ саженяхъ за этимъ провожатымъ слѣдуетъ самъ „гость“ съ переводчикомъ и ассистентами, если есть, а за ними свита сановниковъ, назначенная по этикету эмиромъ. Въ концѣ ѣдетъ казачій конвой и джигиты. Такая „тамаша“ *) случается на улицѣ не каждый день, а потому обращаетъ на себя вниманіе всего люда,

*) Тамаша—развлеченіе, зрѣлище, гуляніе и т. п.

встрѣчаемаго или сидящаго въ лавкахъ и мастерскихъ по сторонамъ. При этомъ на каждомъ шагу повторяется одна и та же сцена: съ приближеніемъ передняго провожатаго всѣ встаютъ съ мѣста (онъ вѣдь чиновникъ) или останавливаются и привѣтствуютъ его съ обычными поклонами и „селямъ-алейкюмъ", съ приближеніемъ „почетнаго гостя" всѣ также согласно садятся или принимаютъ самыя непочтительныя позы; но, какъ только проѣхали мимо „урусы" и стали приближаться халатные сановники, такъ мгновенно преображаются и позы, и выраженія лицъ и вновь громко сыпятся привѣтствія. Сановники съ высоты своихъ коней, разумѣется, не обращаютъ никакого вниманія на толпу и ея привѣтствія, можетъ быть, для вящаго поддержанія своей важности и достоинства. Русскіе всякихъ служебныхъ положеній, напротивъ, охотно отвѣчаютъ на поклоны рѣдкихъ и случайныхъ встрѣчныхъ туземцевъ русскаго подданства и лично извѣстныхъ; только упоминаемые раньше бухарскіе евреи рѣшаются иногда кланяться намъ на базарѣ, не будучи даже знакомыми. Привѣтливое отношеніе русскихъ, обставленныхъ иной разъ даже весьма пышно, не служитъ соблазномъ для этой толпы: она явно жаждетъ вниманія своихъ, самыхъ мелкихъ представителей власти и высказываетъ столь же явно и наглядно свое неуваженіе и, можно сказать, презрѣніе къ русскимъ—„гостямъ эмира". Можно быть увѣреннымъ, что такой ретивости — явнаго пренебреженія — отъ толпы никто не требуетъ: она (ретивость) часто доставляетъ даже большіе хлопоты и непріятности властямъ, если перейдетъ границы терпѣнія и снисхожденія русскаго гостя. Описанныя сцены повторяются такъ постоянно и повсемѣстно, что не оставляютъ сомнѣній для правильнаго ихъ толкованія. Можемъ еще прибавить, что частнымъ лицамъ, попадавшимъ еще очень недавно въ г. Бухару и не пользовавшимся болѣе или менѣе внушительной охраной туземныхъ властей, часто приходилось переживать на улицахъ Бухары весьма тяжелыя минуты, не говоря о такихъ пустякахъ, какъ комки грязи съ крышъ, ругань мальчишекъ, плевки на голову и въ экипажъ и т. п.

Нынѣшнее положеніе, разумѣется, представляетъ уже большой успѣхъ по сравненію съ тѣмъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ:

тогда, смѣшно сказать, русскій не рѣшался показываться на улицѣ безъ особыхъ предосторожностей или офиціальныхъ провожатыхъ, а дамы должны были надѣвать „паранчи“ на голову (женскій халатъ верхній) и волосяную сѣтку на лицо.

Въ pendant къ сказанному опишемъ еще сцену изъ уличной жизни г. Бухары. На смирной и кровной лошади ѣдетъ верхомъ ветхій старецъ почтеннаго вида съ большой бѣлой чалмой на головѣ; онъ придерживается за луку сѣдла, а лошадь, покрытую яркой, расшитой попоной, ведетъ подъ узцы молодой конюхъ; впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ другой провожатый, который держитъ въ рукахъ близко передъ собою наискосокъ (отъ праваго плеча къ лѣвому бедру) трость, длиною $1^1/_2$ и 2 арш. Люди идутъ пѣшкомъ очень быстро, но передній провожатый ни разу не требовалъ очищенія дороги, а тѣмъ больше не употреблялъ въ дѣло своей палки (да она и не для этого, видимо, у него): толпа быстро разступается по сторонамъ, даже базарный шумъ съ приближеніемъ этой молчаливой группы затихаетъ и отовсюду слышатся негромкія почтительныя привѣтствія. Старикъ безпрерывно отвѣчаетъ поклонами по обѣ стороны. Вся сцена имѣетъ, если можно такъ выразиться, домашній характеръ, совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, что мы описали выше, и здѣсь ужъ въ искренности этой толпы нельзя сомнѣваться. На вопросъ, кто этотъ старецъ, говорятъ, что это бывшій казій и очень „ученый“ человѣкъ.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ особенностяхъ г. Бухары, характеризующихъ существованіе въ немъ высшей мусульманской власти.

Намъ пришлось, между прочимъ, прочесть одинъ офиціальный документъ, начинающійся словами: „Высокое судилище могущественной и благородной Бухары“...; такъ титулуется собраніе казіевъ и для нихъ самихъ это не кажется комичнымъ, не говоря ужъ о тѣхъ многихъ единицахъ изъ народа, въ руки которыхъ попадаютъ подобные документы.

На базарѣ случалось встрѣтить такое шествіе: на носилкахъ дюжіе молодцы несутъ неподвижно лежащаго человѣка, покрытаго иногда съ головой плохенькимъ простымъ халатомъ, а впереди идетъ глашатай, бьетъ въ бубенъ и громко выкрикиваетъ сколько

палокъ получилъ полуживой несомый и за какое преступленіе, дабы и другимъ повадно не было.

Для прелюбодѣевъ въ недавнее время, говорятъ, почти спеціально служила башня „Катта-Минаръ“, рельефно возвышающаяся надъ всей Бухарой, съ верхняго яруса которой, изъ окна, выбрасывали преступниковъ на небольшую твердую площадку между Мадраса-Миръ-арабъ и Мечетью-Келянъ. По разсказамъ, осужденнаго предварительно завязывали въ мѣшокъ, клали его на особую доску и затѣмъ съ размаха выдвигали за окно, такъ что эта безформенная масса падала далеко отъ основанія башни, чуть ли не на середину площадки, отскакивала, говорятъ, еще аршина на два отъ земли и затѣмъ оставалась на мѣстѣ до ночи къ ужасу всегда толпящагося здѣсь народа и сотенъ воспитанниковъ сосѣдняго мадраса.

Къ этой казни за послѣднія нѣсколько лѣтъ не прибѣгали, но едва ли „по причинѣ смягченія нравовъ“: вѣроятнѣе объяснить это тѣмъ, что во 1-хъ, крайне трудна и хлопотлива процедура втаскиванія на верхъ преступника, не всегда покорнаго, по спиральной внутренней трубѣ, гдѣ едва хватаетъ мѣста подыматься по ступенямъ одному человѣку, а во 2-хъ, можетъ быть, нежелательно допускать, чтобы палачи могли заглянуть во внутренніе дворы и тѣмъ оскорбить скромность прекрасной половины населенія г. Бухары. Всѣ минареты, какъ сказано раньше, пустуютъ вѣдь по той же причинѣ.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. въ 1886—88 годахъ, прелюбодѣевъ, кажется, просто рѣзали на Ригистанѣ *). Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось видѣть тамъ большую лужу свѣжей крови и получить объясненіе, что въ тотъ день утромъ именно казнили посредствомъ перерѣзанія горла 2-хъ или 3-хъ прелюбодѣевъ. Послѣ этого казненныхъ, говорятъ, всегда подвѣшиваютъ тутъ же на висѣлицу.

Что касается до выше выраженнаго сомнѣнія нашего относительно „смягченія нравовъ“, то это можно подтвердить упоминаніемъ о той жестокой пыткѣ, которой подвергся въ Мартѣ

*) Площадь передъ кремлемъ.

мѣсяцѣ 1888 г. убійца одного изъ высшихъ сановниковъ ханства, Мухаммедъ-Шерифа-диванъ-беги. Эмиръ, говорятъ, былъ очень огорченъ смертію своего любимца и наперстника, а потому придумалъ такое рѣшеніе: отдать убійцу для наказанія въ полное распоряженіе и усмотрѣніе ближайшихъ подчиненныхъ, слугъ и домочадцевъ покойнаго сановника. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: тутъ и ноздри рвали, и глаза выкалывали, и ремни изъ кожи вырѣзывали, и подпаливали, и всю „подноготную“ проходили, и долго это продолжалось...; наконецъ, привязали его за ноги къ хвосту ишака и выволокли по улицамъ города за ворота, гдѣ бросили вмѣстѣ съ падалью на съѣденіе бродячимъ собакамъ. Есть тутъ и доля оправданія такому невѣроятному ожесточенію этихъ обыкновенныхъ, можетъ быть, и недурныхъ относительно людей: со смертію могущественнаго патрона прекращалось не только ихъ привилегированное положеніе, но, вѣроятно, и средства къ жизни. Въ этомъ эпизодѣ заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти участвовавшіе въ истязаніяхъ, осквернившіе, казалось, себя добровольнымъ исполненіемъ презрѣнныхъ обязанностей заплечныхъ мастеровъ, на слѣдующій же день вращались въ кругу своихъ сослуживцевъ, знакомыхъ и проч. и всѣми были принимаемы совершенно такъ, какъ и раньше, какъ будто ничего дурнаго они не сдѣлали.

Опишемъ еще одну картинку изъ офиціальной жизни г. Бухары, какихъ скоро, можетъ быть, не прійдется уже видѣть. Яркій лѣтній день; весь Ригистанъ занятъ ларями, торговцами и всякимъ народомъ, дѣловымъ и празднымъ; только аппарель, ведущая въ аркъ (кремль), остается свободной и видна всѣмъ, какъ на ладони; у воротъ, открытыхъ настежъ, толпится нѣсколько мирзъ и яркихъ чиновныхъ халатовъ. Вотъ изъ темной глуби корридора изъ-за воротъ выступаетъ горделивая фигура въ новомъ, не смятомъ еще и блестящемъ халатѣ; за нимъ небольшая свита, тоже сіяющая халатами, пожалованными самимъ Джанаби-али (эмиромъ); на головѣ счастливца въ складкахъ бѣлаго тюрбана развѣвается узкій лоскутокъ бумаги—доказательство высшаго назначенія или чина—съ печатью эмира-же. Онъ важно и медленно, на виду всей площади, спускается пѣшкомъ по аппарели *), внизу садится

*) На эту аппарель не выѣзжали верхомъ до послѣдняго времени почти

верхомъ, принимаетъ поздравленія и съ своими приспѣшниками или свитой отъѣзжаетъ прочь сопровождаемый и по улицамъ соотвѣтствующими замѣчаніями и негромкими разговорами о послѣдней политической новости, въ которой онъ является дѣйствующимъ лицомъ. Упомянутая бумажка въ тюрбанѣ носится въ продолженіи нѣсколькихъ дней, дабы всѣ знали и видѣли: что и замѣняетъ собой приказы, объявленія и т. п.

Въ заключеніе этой главы скажемъ нѣсколько словъ о войскахъ Бухарскихъ.

Прежде военная служба въ Бухарскомъ ханствѣ составляла удѣлъ высшаго сословія „господствующей расы", по преимуществу *); она была дѣломъ чести и патріотизма и никакого „присвоеннаго отъ казны", содержанія не полагалось. Жили же эти войны—галябатыри, хасабардары, наукеры и проч.—или на счетъ Эмира, жаловавшаго по усмотрѣнію, или на счетъ добычи, пріобрѣтаемой на войнѣ, или наконецъ на свой собственный счетъ, если были средства. Эти послѣднія добывались впрочемъ большею частью тоже на войнѣ или поборами съ управляемаго подвластнаго народа (низшей расы)—земледѣльцевъ и торговцевъ. Но такъ какъ въ мирное время никто, изъ власть имѣющихъ, ратнымъ дѣломъ не занимался и не имѣлъ о немъ надлежащаго по времени понятія, то естественно, что эта *толпа отдѣльныхъ воиновъ* оказалось несостоятельной при первомъ серьезномъ столкновеніи съ нашимъ *войскомъ*. Но не они въ этомъ виноваты. Едва ли кто изъ бухарцевъ понимаетъ истинное положеніе дѣла, но за политическія несчастія, постигшія отечество, никогда и никто въ Бухарѣ не упрекнетъ свое военное сословіе; на нихъ не лежитъ ни пятна пренебреженія, презрѣнія и т. п.; даже напротивъ: не смотря на то, что большая часть изъ нихъ уже обнищала, они все еще стараются поддерживать свое достоинство, берегутъ хорошихъ лошадей, оружіе, не поддаются иной разъ своеволію эмировыхъ чиновниковъ, часто составляютъ глухую опозицію распоряженіямъ даже самого Эмира и проч., и по всему

всѣ, даже самые почтенные русскіе «гости» эмира. Говоримъ «почти всѣ», потому что намъ извѣстно исключеніе.

*) Всѣ эти войны, храня завѣтъ своихъ славныхъ предковъ, всегда были конными.

этому служатъ въ глазахъ народа скорѣе образцомъ для подражанія или предметомъ сочувствія, чѣмъ пренебреженія. Мы тутъ должны оговориться, что это не значитъ еще, что народъ ихъ любитъ, такъ какъ это суть естественные его грабители, недопускаемые лишь Эмиромъ къ этому и замѣненные болѣе поклади-стыми выскочками, отпущенными на волю недавними рабами, выходцами изъ сосѣднихъ странъ и проч. Когда вообще говорятъ и пишутъ о войскахъ Бухарскихъ, то объ этихъ естественныхъ войнахъ обыкновенно не упоминаютъ, или относятъ ихъ къ прошедшему, что, кстати сказать, по нашему мнѣнію не совсѣмъ правильно. Обыкновенно же говорится, что у Бухарскаго Эмира имѣется постоянное войско или „армія", численностью въ 10.000—15.000 человѣкъ, такъ называемыхъ, сарбазовъ. Войска эти наемныя, получаютъ опредѣленное содержаніе отъ Эмира (нижніе чины по нѣсколько рублей въ мѣсяцъ), обучаются кое какимъ воинскимъ артикуламъ на гладкомъ учебномъ плацу съ палками у „эсауловъ" вмѣсто учебныхъ пособій и являются какъ по составу, такъ и по своему внѣшнему виду учрежденіемъ смѣхотворнымъ для всякаго посторонняго наблюдателя. Набираются они изъ лицъ не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій бездомныхъ бобылей, бѣглецовъ, отпущенныхъ рабовъ и вообще отбросовъ населенія *) Есть между ними правда и семейные, т. е. не бросившіе своей семьи, но живутъ они въ особыхъ поселеніяхъ въ окрестностяхъ города Бухары, носящихъ поэтому и названіе „Сарбазъ-хане". Оттуда они каждый день (5 или 6 разъ въ недѣлю) ходятъ или ѣздятъ на ишакахъ на ученіе на плацъ къ сѣверу отъ Самаркандскихъ воротъ, гдѣ безъ толку и смыслу утрамбовываютъ площадь своей комической „церемоніялкой". Стоитъ въ это время русскому гостью, обыкновенно носящему какую—нибудь официальную „форму", появится верхомъ на краю площади, какъ въ войскѣ происходитъ сильнѣйшій переполохъ: слышатся сигналы, усиленно работаютъ палки, выкрикиваются какія то командныя слова и наконецъ— „на карауль!", послѣ чего водворяется во фронтѣ нѣкоторое спо-

*) Личная гвардія Эмира носитъ названіе кульбатча, что должно быть переведено: рабы-дѣти, но не ребята.

койствіе, а непривычный „гость“ смущенъ оказаннымъ почетомъ. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ этимъ комическимъ фигурамъ съ растопыренными ногами и раскрытыми ртами, съ поломанными и перевязанными тряпицей ружьями, иногда даже съ ложами и шомпелами вмѣсто ружей, чтобы смущеніе прошло: этотъ фронтъ ничьего уваженія къ себѣ возбудить не можетъ.

Нѣтъ въ этомъ войскѣ офицеровъ, хотя есть офицерскіе мундиры съ разрозненными русскими эполетами; нѣтъ въ немъ военнаго воспитанія дисциплины и нѣтъ никакихъ преданій, потому что учреждена эта пѣхота лишь около 25 лѣтъ тому назадъ, отцомъ нынѣшняго Эмира, когда тотъ испыталъ на себѣ удары нашихъ славныхъ Туркестанскихъ баталіоновъ.

Покойный Эмиръ завелъ пѣхоту въ подраженіе русскимъ, а нынѣшній часто любуется ея „шагистикой“ изъ окошечка, выходящаго на плацъ изъ его новаго лѣтняго дома за Самаркандскими воротами. Этимъ и ограничиваются пока занятія „военнымъ дѣломъ„ людей, ничего не понимающихъ ни въ немъ самомъ, ни въ historia rerum gestarum.

Остается сказать нѣсколько словъ объ артиллеріи Бухарской. „Замбаракымызъ“—наши пушки—это гордость всякаго Бухарца. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ прислушивается населеніе къ гулу двухъ—трехъ выстрѣловъ, оповѣщающихъ, что на небѣ замѣчена *) наконецъ новая луна послѣ мѣсяца Рамазана и что насталъ праздникъ Курбанъ-байрамъ! Артиллеристы уважаются несравненно больше, чѣмъ пѣхотинцы, во 1-хъ, потому, что они не боятся такого происшествія, какъ выстрѣлъ изъ орудія и даже сами заряжаютъ орудіе и подпаливаютъ фитиль, а во 2-хъ, пушки—это не новшество въ Бухарскомъ военномъ дѣлѣ: предки добывали себѣ съ ними и славу и добычу и покоряли всѣхъ кяфировъ (или гяуровъ). Между двумя тремя десятками пушекъ, лежащихъ на землѣ и на какихъ то колесницахъ у воротъ кремля и внутри его есть, говорятъ, даже свидѣтельницы и участницы этого славнаго прошедшаго. Представляется поэтому судить о ихъ теперешней боевой пригодности.....

*) Для этого требуется, кажется, удостовѣреніе 2-хъ надежныхъ и почтенныхъ муллъ, что своими, молъ, глазами замѣтили новую луну.

Боевой стрѣльбѣ изъ оружій артиллеристы (какъ и пѣхота изъ ружей) не обучаются вовсе: едва ли между ними найдется нѣсколько стариковъ, которые въ дни молодости закладывали еще ядра и гранаты въ дула своихъ орудій. Употреблялись въ послѣднее время артиллеристы исключительно для перевозки почетныхъ гостей Эмира и самого его высокостепенства въ тарантасахъ, коляскахъ, каретахъ и другихъ *). Возятъ они обыкновенно уносами или цугомъ: если экипажъ троечный, то первый уносъ въ одну лошадь въ оглобляхъ; на каждой лошади сидитъ верховой, такъ что на 3-хъ, напр., уносахъ по двѣ лошади, сидитъ 6 форрейтеровъ. Однако стоитъ одинъ разъ проѣхать съ Бухарскими артиллеристами въ деликатномъ рессорномъ экипажѣ по ужаснымъ дорогамъ ханства и по извилистымъ и узкимъ улицамъ благородной Бухары, стоитъ посмотрѣть со вниманіемъ, какъ они ловко умѣютъ преодолѣвать и обходить различныя препятствія и опасности, что-бы признать за ними безпорно высокую степень совершенства въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, съ проведеніемъ желѣзной дороги вдоль главнаго направленія бывшаго движенія русскихъ въ Бухару и эта практика, достойная бухарскихъ артиллеристовъ, должна была значительно сократиться. Остается пока участокъ дороги въ 12 верстъ отъ желѣзно-дорожной станціи „Бухара“ до города и по улицамъ его.

Спрашивается затѣмъ: чѣмъ можетъ быть оправдано въ настоящее время существованіе этого 10 тыс.—15 тыс. Бухарскаго войска? Пользы оно (кромѣ развѣ артиллеристовъ) не можетъ принести никакой не только намъ, но и самому Эмиру, ни въ случаѣ военныхъ дѣйствій, ни даже въ случаѣ возмущенія внутри ханства. Для обезпеченія его высокостепенства все равно потребуются наши войска. Для Эмира содержаніе этого собственнаго постояннаго войска есть безъ сомнѣнія вопросъ самолюбія, а не сознаніе пользы или необходимости; или же нужно допустить, что онъ совершенно не понимаетъ своего положенія и не знаетъ своего войска.

*) Экипажи эти были разновременно подарены Эмиру разными «гостями» и черезъ посольства; многіе изъ нихъ перекрашены въ яркіе цвѣта и въ общемъ составляютъ преоригинальную колекцію въ сараяхъ Эмира.

Въ глазахъ всего населенія сарбазы какъ по виду своему—въ пестрыхъ курткахъ и узкихъ штанахъ,—такъ въ особенности по сбродному составу, не пользуются никакими симпатіями: никто не боится и не уважаетъ этихъ „шутовъ гороховыхъ".

Нынѣшняя Бухарская армія является еще большимъ анахронизмомъ, чѣмъ самая Бухарская стѣна.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что упраздненіемъ этого войска (допустимъ даже кромѣ „гвардіи), уменьшится въ значительной мѣрѣ дипломатическая переписка о тайномъ провозѣ берданокъ въ Бухару и не будетъ нужды, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ палиятивахъ съ нашей стороны, имѣющихъ назначеніе препятствовать этой неудобной контрабандѣ, но вовсе не уменьшающихъ ее: не будетъ войска, не будетъ надобности въ ружьяхъ. Нужно оговориться, что опасность заключается не въ томъ, что „армія" Эмира будетъ снабжена хорошими ружьями, а въ томъ, что, въ случаѣ политическаго замѣшательства или возстанія, большая часть этихъ ружей попадетъ въ руки воинственной части населенія, руководителей движенія, проповѣдниковъ и фанатиковъ. Такому отобранію ружей у сарбазовъ будетъ способствовать въ особенности то обстоятельство, что живутъ они большею частью порознь *) среди населенія, которое отлично знаетъ цѣну этимъ воинамъ.

*) «Гвардія» и небольшая часть «арміи», составляющая постоянный entourage Эмира въ его странствованіяхъ по своимъ лѣтнимъ и зимнимъ резиденціямъ, имѣетъ мѣстами общія помѣщенія (впрочемъ едва-ли больше, какъ на 1000 человѣкъ), но и въ этомъ случаѣ казарменныхъ (въ Европейскомъ смыслѣ) условіи общежитія почти не существуетъ: обезоружить эту «компанію» тоже не представитъ большаго риска и труда.

О занятіи города Бухары.

а) **Съ военной точки зрѣнія.** Хотя изложенное въ предыдущихъ главахъ выясняетъ само по себѣ въ достаточной степени, какую цѣну и значеніе для Россіи имѣетъ городъ Бухара въ военномъ отношеніи, но мы считаемъ нужнымъ резюмировать здѣсь нѣкоторыя данныя и извлечь изъ нихъ въ возможно точной формѣ нѣсколько заключеній, имѣющихъ исключительный интересъ для цѣлей военныхъ.

Разсмотрѣнію подлежитъ вопросъ: *какъ слѣдуетъ брать гор. Бухару*, если въ этомъ встрѣтится надобность, предварительно припомнимъ: 1) городская стѣна съ обводомъ въ 12 верстъ и съ 11 воротами представляетъ по профили своей значительную преграду для войскъ. Она можетъ быть взята или эскаладой въ любомъ мѣстѣ или атакой бреши. Первая возможна при высокихъ штурмовыхъ лѣстницахъ и слабой оборонѣ гребня, для второй нужно значительное количество артиллерійскихъ снарядовъ.

2) Ограда и положеніе кремля представляетъ собой въ этомъ отношеніи трудности въ нѣсколько разъ большія, чѣмъ городская стѣна.

3) Вооруженія на стѣнахъ никакого не имѣется; можно, слѣдовательно, ожидать обороны холоднымъ оружіемъ и въ худшемъ для насъ случаѣ — ружейной.

4) Регулярнаго войска въ европейскомъ смыслѣ не имѣется; нельзя ожидать какой бы то ни было организаціи обороны города, кромѣ простаго призыва къ оружію и воздѣйствія на духъ защитниковъ со стороны руководителей, т. е. по всей вѣроятности со стороны мѣстнаго духовенства и учителей.

5) Присутствіе въ городѣ не менѣе 50 т. жителей на половину торговцевъ и ремесленниковъ, не имѣющихъ и по происхож-

денію своему никакого влеченія и призванія къ военному дѣлу; прибавимъ сюда же дѣтей и женъ, отъ которыхъ никакъ нельзя ожидать никакого геройства, ни пользы.

6) Весьма недостаточный запасъ въ городѣ продовольствія и скорое прекращеніе удовлетворительной воды, предполагая, разумѣется, что вода по Шаруду не будетъ пущена въ городъ;

и 7) Весьма недостаточное количество сводчатыхъ помѣщеній, которыя къ тому же невполнѣ безопасны отъ навѣснаго огня полевой артиллеріи.

Если къ перечисленному принять во вниманіе свойства окрестностей и полное отсутствіе эспланады, то представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ для взятія гор. Бухары избрать одинъ изъ двухъ способовъ, носящихъ техническія названія *блокады* или *атаки открытой силой* (штурмъ) *).

I) Первый способъ приведетъ по всей вѣроятности къ поставленной цѣли даже при крайней своей утировкѣ, т. е. безъ артиллерійскаго выстрѣла и можетъ быть даже безъ кровопролитія. Такому исходу будетъ способствовать безъ сомнѣнія увѣренность защитниковъ и населенія, что за сдачей города не послѣдуетъ истребленія жителей и грабежа. Обложеніе можетъ быть сдѣлано на очень близкомъ разстояніи отъ городской стѣны, а такъ какъ послѣдняя служитъ въ тоже время непереходимой преградой и для защитниковъ, то достаточно поставить наблюдательные отряды лишь противъ воротъ; въ виду смежности Мазарскихъ и Каршинскихъ воротъ такихъ наблюдательныхъ отрядовъ достаточно будетъ десяти. Сообразно разстояніямъ воротъ другъ отъ друга, казалось бы, отряды эти можно раздѣлить на 3 или 4 неравныхъ раіона съ общимъ резервомъ въ каждомъ: 1) восточный съ Мазарскими и Каршинскими воротами, какъ объектомъ для наблюденія и дѣйствія; 2) южный съ воротами: Саллиханэ, Намазга и Шахджаляль и 3) сѣверо-западный съ остальными 6-ю воротами. Послѣдній раіонъ, вслѣдствіе боль-

*) Мы не упоминаемъ о томъ случаѣ, когда представители г. Бухары вынесутъ съ покорностью городскіе ключи и сдадутъ городъ добровольно: тогда не прійдется выбирать или примѣнять никакого «способа» атаки.

шаго протяженія своего можетъ быть раздѣленъ на два участка съ двумя самостоятельными общими (для 3-хъ воротъ) резервами.

Близость облагающихъ войскъ къ стѣнѣ, полагаемъ, будетъ въ большой степени зависѣть отъ количества листвы на деревьяхъ; а именно весной и лѣтомъ до осеннихъ заморозковъ можно безопасно держаться очень близко къ городской стѣнѣ. Поздней осенью и зимой обратно, потому что въ это время значительно облегчается обозрѣніе мѣстности.

Величина отрядовъ не можетъ быть нами здѣсь назначена даже приблизительно, такъ какъ она будетъ зависѣть отъ весьма различныхъ современныхъ причинъ и обстоятельствъ, каковы напр.: время года, состояніе дорогъ и погоды болѣе или менѣе фанатическое настроеніе населенія и защитниковъ, вѣроятный разладъ въ средѣ ихъ, намѣренія наши послѣ занятія города и т. п.; наконецъ можетъ не оказаться на лицо того количества войскъ, какое было бы желательно, а потому обложеніе можетъ быть не столь тѣсное и строгое, времени для достиженія цѣли потребуется больше и проч. Махітит отряда, вполнѣ обезпечивающій успѣхъ даннаго предпріятія, мы полагали бы въ 10—12 баталіоновъ пѣхоты. Обстоятельства измѣняются отъ присутствія въ составѣ блокирующаго отряда артиллеріи, а затѣмъ отъ ея количества и калибровъ. Все это, удаляя рѣшеніе отъ той типической формы блокады „безъ выстрѣла“ и кровопролитія, которую мы намѣтили выше, будетъ за то способствовать скорѣйшему достиженію цѣли — сдачѣ города.

Обстоятельства могутъ затѣмъ заставить прибѣгнуть къ большему или меньшему количеству и напряженію активныхъ дѣйствій, сократить при этомъ раіонъ обложенія или даже совсѣмъ отъ него отказаться и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. ограничившись лишь активными дѣйствіями, при дѣятельномъ, разумѣется, участіи артиллеріи, операція должна быть произведена посредствомъ атаки *открытой силой* или штурма. II) Это—другое крайнее рѣшеніе, о которомъ мы помянули выше; всѣ остальныя должны заключаться въ промежуткѣ между ними, т. е. между блокадой и атакой открытой силой. Прибѣгать къ другимъ способамъ, внѣ этихъ предѣловъ, т. е. къ нечаянному нападенію,

или къ правильной постепенной атакѣ, или къ бомбардированію, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствовало бы обстоятельствамъ, или было бы излишнимъ.

Заключеніе это оправдывается уже въ значительной степени тѣми условіями „обстановки", которыя перечислены въ началѣ этой главы, а затѣмъ особенно обстоятельствами мѣстными и топографическими, на разсмотрѣніи коихъ мы нѣсколько остановимся.

Цѣлью дѣйствій долженъ быть кремль, командующій базарами и всѣмъ городомъ (ключъ тактическій) и заключающій въ себѣ центръ тяжести политическаго существованія ханства (ключъ стратегическій). Направленіе атаки представляется наивыгоднѣйшимъ съ сѣверной стороны города. Этому направленію какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ ближайшія окрестности города, относительное положеніе самаго кремля и его очертанія, а именно: а) Въ разстояніи около 250 саж. отъ городской стѣны находится полоса оросительныхъ каналовъ-арыковъ разной глубины, почти непроходимая поперегъ и чащей своихъ деревьевъ закрывающая обозрѣніе противоположной стороны, т. е. она представляетъ преграду, отлично обезпечивающую правый флангъ и отчасти тылъ отряда, дѣйствующаго къ сторонѣ города, не только отъ атаки съ внѣшней стороны (съ с. и з.), но и отъ огня оттуда. б) Направленіе этой полосы съ сѣверо-востока на юго-западъ является особенно благопріятнымъ въ томъ случаѣ, если войска оперирующія наступаютъ съ сѣверо-востока, а это и будетъ естественный путь наступленія для русскихъ изъ Самарканда и Катта-Кургана. в) Направленіе большой дороги отъ сел. Базарчи къ воротамъ Имамъ совпадаетъ съ направленіемъ дѣйствія. г) Группа бугровъ съ кладбищами, расположенная по сю сторону этой полосы арыковъ, даетъ командующую позицію для артиллеріи и выѣхать на нее можно по дорогамъ. д) Болотистая площадь во входящемъ углу этой группы является весьма благопріятной на случай вылазки изъ города черезъ ворота Угланъ или Талипачъ: она не дастъ свободно развернуться силамъ вылазки. е) Городская стѣна съ этой стороны повреждена во многихъ мѣстахъ, и—главное — у основанія своего съ наруж-

ной стороны имѣетъ довольно большія и сравнительно пологія осыпи (см. чертежъ на планѣ), которыя въ сильной степени облегчаютъ и ускоряютъ образованіе удобовсходимыхъ брешей. Осыпи эти образовались вѣроятно изъ матеріала (глины), отслаивающагося ежегодно въ нѣкоторомъ количествѣ отъ поверхности стѣны вслѣдствіе атмосферныхъ вліяній. Ели эти осыпи здѣсь, съ наружной стороны, въ общемъ замѣтны больше, чѣмъ на другихъ участкахъ стѣны, то мы склонны приписать это тому обстоятельству, что здѣсь наружная сторона обращена на сѣверъ; по той-же, можетъ быть, причинѣ участки стѣны, обращенные наружной стороной на югъ, имѣютъ наиболѣе поврежденную и разрушенную внутреннюю сторону стѣны, т. е. обращенную къ городу — къ еврейскимъ кварталамъ. ж) Кремль расположенъ ближе всего (около 200 сж.) къ тѣмъ частямъ городской стѣны, которыя обращены къ сѣверу—между воротами Угланъ и Имамъ; слѣдовательно для атакующаго въ этомъ направленіи сократиться наиболѣе трудный участокъ пути—движеніе въ чертѣ города. з) Между городской стѣной и кремлемъ въ разсматриваемомъ направленіи нѣтъ монументальныхъ и значительныхъ сооруженій, могущихъ служить промежуточными опорными пунктами. Эта часть города населена, повидимому, бѣднѣйшимъ населеніемъ, покрыта постройками, преимущественно низкими и непрочными; здѣсь же замѣчено нѣсколько огородовъ, открытыхъ мѣстъ и площадей; и) исходящій, сѣверо-восточный, уголъ кремля представляетъ по начертанію своему наиболѣе слабооборонное мѣсто, а по профили бугра въ этомъ мѣстѣ—наиболѣе доступные скаты для эксаладированія. Другая атакующая колонна могла бы направиться къ единственнымъ воротамъ со стороны Ригистана, чему съ удобствомъ могутъ служить дороги отъ воротъ Имамъ или Угланъ.

Сообразно съ этимъ въ ходѣ атаки должны быть отмѣчены слѣдующіе періоды: 1) пробитіе удобной бреши въ городской стѣнѣ, атака ея, занятіе стѣны и сосѣднихъ воротъ; 2) устройство и обезпеченіе надлежащаго подступа къ кремлю отъ стѣны; для этого прійдется вѣроятно воспользоваться существующими дорогами, площадями и открытыми мѣстами; частью, можетъ быть, ихъ расширить или связать сломкой глинобитныхъ заборовъ и

стѣнокъ; 3) возможно тщательная подготовка удобовсходимаго обвала и бреши на исходящемъ сѣверо-восточномъ углу кремля, что можетъ быть произведено съ большимъ удобствомъ артиллеріей, остающейся на вышеупомянутыхъ буграхъ или переведенной на занятыя участки городской стѣны. Передъ самымъ штурмомъ можетъ быть произведено разрушеніе деревянныхъ воротъ съ близкаго разстоянія, для чего потребуется лишь нѣсколько выстрѣловъ, предполагая съ полной вѣроятностью, что въ коридорѣ за воротами не будетъ сдѣлано забивки; и 4) общій штурмъ безъ прекращенія артиллерійскаго огня по внутренности кремля.

Величину отряда, назначеннаго для атаки открытой силой г. Бухары, полагаемъ не менѣе 5 баталіоновъ при двухъ батареяхъ артиллеріи.

Мы излагаемъ всѣ эти подробности не потому, чтобы предложить программу будущихъ дѣйствій, а лишь съ тою цѣлью, чтобы по нимъ выяснить, въ какой мѣрѣ намъ представляется возможнымъ и вѣроятнымъ успѣхъ атаки открытой силой. А этому способу мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе передъ другими по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ моральнаго характера, что будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Рѣшая вопросъ о взятіи гор. Бухары, нужно помнить, что это больше, чѣмъ столица ханства, пользующагося призрачной независимостью; это послѣдній оплотъ и убѣжище для нынѣшнихъ идеалистовъ Средней Азіи, хранилище дорогихъ воспоминаній и преданій о бываломъ могуществѣ и величіи, послѣдній тлѣющій уголь на очагѣ, гдѣ пылало нѣкогда яркимъ пламенемъ мусульманство. Приступая къ военному занятію города, такъ или иначе прійдется взволновать страсти, прійдется тронуть этотъ уголь, а можетъ быть и раздуть его въ пламя. Но такое пламя можетъ быть потушено и залито только кровью; самый очагъ, какъ и свойственно мусульманскому духу, нужно размѣтать по частямъ и уничтожить такъ, чтобы онъ не могъ быть возстановленъ, а жрецы его должны быть унижены передъ русскимъ солдатомъ на глазахъ всего народа такъ, чтобы потеряли по возможности въ его глазахъ свое обаяніе и величіе.

Съ этой точки зрѣнія не будетъ рѣшенъ вопросъ радикально посредствомъ бомбардированія или блокады. Бомбардированіе повредитъ прежде всего торговому населенію, которое тронуто уже духомъ космополитизма и среди котораго больше, чѣмъ гдѣ либо, и естественно ожидать людей, къ намъ расположеннымъ; затѣмъ оно повредитъ массѣ мирнаго населенія города. Цѣли достигнуть—понудить городъ къ сдачѣ,—вѣроятно, и этимъ способомъ можно будетъ, равно какъ и блокадой, на разсмотрѣніи условій которой мы останавливались выше. Разница лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ, при бомбардированіи, она (цѣль) будетъ достигнута страхомъ смерти и раззоренія, а во второмъ,—при блокадѣ,—изморомъ, но въ обоихъ случаяхъ пострадаютъ меньше всего правящіе классы и больше всего—масса, а гордость тѣхъ и другихъ не будетъ смирена: отдохнетъ тѣло, вспрянетъ и духъ, и мы опять будемъ имѣть дѣло съ подданными, но не покоренными, т. е. получится почти тоже положеніе, что и теперь.

Въ началѣ этой главы мы поставили условный вопросъ: какъ слѣдуетъ брать гор. Бухару, если въ этомъ встрѣтится надобность. Здѣсь въ заключеніи также условно отвѣчаемъ на него: *если нужно занять Бухару войсками* обыкновеннымъ путемъ, то по нашему мнѣнію слѣдуетъ со всѣмъ этимъ вопросомъ порѣшить разъ на всегда, т. е. даже допустить организованное сопротивленіе, а затѣмъ смять его наиболѣе понятнымъ и поучительнымъ для народа способомъ, т. е. атаковать городъ открытой силой, уничтожить кремль и городскую стѣну немедленно, а затѣмъ по праву войны, нивелирующему всякія положенія и привиллегіи, завести свои порядки, какіе у насъ есть: тогда не будетъ жалобъ на несправедливость, на попранныя права однихъ, на льготы другихъ и проч. Это рѣшеніе имѣетъ еще преимущество во времени и точности: требующійся результатъ можетъ быть достигнутъ въ нѣсколько дней, когда то потребуется.

Другое рѣшеніе вопроса, имѣющее свой raison d'etre—блокада. Хотя она можетъ потребовать значительнаго и относительно неопредѣленнаго времени, но имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что не представляетъ риска и для достиженія того же тактическаго результата потребуетъ наименьшей затраты силъ и

средствъ. Но съ другой стороны этотъ способъ рѣшенія измѣняетъ *характеръ самой задачи, образъ нашихъ дѣйствій и свойства ожидаемыхъ послѣдствій.* Онъ приближается къ мирному занятію города, а слѣдовательно тотчасъ за этимъ актомъ и по упраздненіи нынѣшней сомостоятельности, нужно воздать каждому по заслугамъ и достоинству, принимать во вниманія разныя права, рѣшить податной и поземельный вопросъ (трудно совмѣстимый съ нашими законами и еще не рѣшенный удовлетворительно и въ Русскомъ Туркестанѣ) и проч., короче говоря, нужно имѣть готовыя рѣшенія по многимъ весьма сложнымъ вопросамъ политическаго, экономическаго и религіознаго характера, или по крайней мѣрѣ нужно выработать основныя положенія той политики, которой мы намѣрены держаться, получивъ въ свои руки готовый плодъ успѣшныхъ военныхъ дѣйствій. При этомъ мы никакъ не должны игнорировать мѣстныя права и понятія о справедливости, дабы населеніе не вспомнило вскорѣ своихъ недавнихъ властелиновъ и не подняло своей несмиренной головы. Намъ никакъ не слѣдуетъ допускать возможности возстанія мусульманъ подъ нашей властью: въ 1-хъ пожаръ можетъ распространиться и застать насъ „неготовыми“ . . . во 2-хъ это было бы горниломъ для выработки и воспитанія національныхъ (антирусскихъ) понятій среди населенія, коихъ до сихъ поръ, слава Богу, почти не существуетъ.

б) **Съ общегосударственной точки зрѣнія.** Разсматривая вопросъ о военномъ занятіи г. Бухары, мы видимъ, какъ тѣсно онъ связанъ съ моральной и политической стороной дѣла. Можно даже смѣло сказать, что успѣшное выполненіе военной операціи (занятіе города) мало поможетъ разрѣшенію вопроса во всемъ объемѣ; напротивъ того: оно можетъ еще усложнить нынѣшнее положеніе. Причины такого явленія заключаются въ томъ историческомъ и моральномъ значеніи, какое до нынѣ имѣетъ гор. Бухара для Средней Азіи. А потому прежде, чѣмъ поручать войскамъ выполненіе ихъ спеціальной задачи, намъ, кажется, нужно выяснить, хотя бы въ общихъ чертахъ, *что собственно для насъ важно въ нынѣшнемъ существованіи Бухары.* Для этого бросимъ бѣглый взглядъ на событія послѣдняго 25-ти лѣтія.

Покойный Эмиръ Музаффаръ, можетъ быть за грѣхи отца, первый почувствовалъ на себѣ мощную, но великодушную руку новыхъ завоевателей съ сѣвера. Никого они не грабили и не раззоряли *), населенія не истребляли и этнографическаго переворота не производили; весь религіозный міръ туземцевъ и большей частью юридическій—оставили не прикосновеннымъ даже въ ущербъ своимъ кровнымъ интересамъ; не только не получали и не извлекали никакой пользы изъ завоеванныхъ странъ, а всегда приплачивали изъ своей государственной казны для водворенія въ нихъ порядка, спокойствія и благоденствія. Они, искренніе носители лучшихъ современныхъ идеаловъ, стараются всѣми мѣрами пріобрѣсть расположеніе и любовь ненавидящихъ ихъ. И происходитъ это не по чьему нибудь личному почину, не составляетъ политики какого нибудь одного начальника или администратора, а дѣлается всѣми стихійно, такъ же стихійно, какъ само движеніе русскихъ на югъ, всегда останавливаемое и задерживаемое властью, но неустанно и неопредолимо продолжающееся по волѣ неисповѣдимыхъ или иныхъ какихъ судебъ. Также остановлены были войска въ 1868 году и передъ Бухарой на половинѣ Зеравшанской долины **), послѣ побѣдъ у Ирджара, Самарканда и Зерабулака. Мы склонны впрочемъ думать, что на это неестественное и неопредѣленное рѣшеніе повліяло въ свое время не столько указаніе свыше, сколько все еще сильное обаяніе имени „Бухара:“ на мѣстѣ мало кто отдавалъ себѣ отчетъ объ истинномъ положеніи дѣла, а знанія наши современныя о Бухарѣ были крайне сбивчивы, или преувеличены въ ея пользу. Мало того: когда побѣжденная Бухара оказалась, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и политическаго разложенія, на краю гибели, то эти же великодушные завоеватели спасли ее (Каршинская экспедиція въ 1868 году) и водворили на престолѣ предковъ законнаго государя ***). Къ сожалѣнію едва ли сыщется

*) Мы въ правѣ, разумѣется, не упоминать здѣсь о нѣсколькихъ мелкихъ случаяхъ строгой репрессіи за вѣроломство, грабежъ и т. п.

**) Очень похожее случилось съ нами меньше 10 лѣтъ спустя предъ Константинополемъ—пожалуй, это въ русскомъ духѣ?

***) Точь въ точь какъ много разъ въ Европѣ.

въ Средней Азіи мусульманинъ, который могъ бы правильно оцѣнить этотъ поступокъ. У Бухарцевъ, особенно у сторонниковъ Эмира вселилось убѣжденіе, что наша поддержка и защита, оказанная Джанаби-али—это только дружеская услуга государю, съ которымъ хотятъ жить въ мирѣ, разсчитывая при нуждѣ на взаимность и съ его стороны *).

Такимъ образомъ произошла крупная *политическая ошибка*. Трудно не согласиться, что это ошибка. Во 1-хъ Самаркандъ и Бухара это двѣ естественныя части одного цѣлаго — Зеравшанской долины, связанныя общностью географическою, этнографическою, историческою, религіозною, экономическою и проч., а главное, неразрывно связанныя насущнѣйшей, какъ хлѣбъ, потребностью—водой Зеравшана. Во 2-хъ занятіе въ то время Бухары и упраздненіе ханства создало бы общую участь и общій уровень для всей Средней Азіи, не вызывая въ сей послѣдующей волокиты съ его высокостепенствомъ и не оставляя для будущаго новыхъ самостоятельныхъ задачъ. Въ 3-хъ въ своемъ стихійномъ стремленіи на югъ мы уже перешагнули черезъ Бухару и оставили ее сзади и среди своихъ безспорныхъ владѣній.

Послѣдствія этой ошибки слѣдующія: въ мирное время Бухара своимъ существованіемъ и своеобразными порядками представляетъ для насъ все еще значительныя неудобства принципіальнаго и нравственнаго характера. Въ военное время, т. е. при усложненіяхъ на нашей южной границѣ, нынѣшнее положеніе Бухарскаго ханства (въ отношеніи нашей базы и комуникаціонной линіи) можетъ доставить намъ значительныя затрудненія и даже опасности. Въ этихъ двухъ положеніяхъ заключается отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о томъ, что собственно для насъ важно въ нынѣшнемъ существованіи Бухары.

Неудобства мирнаго времени могутъ еще быть терпимы до поры до времени; большинство изъ нихъ, какъ увидимъ ниже,

*) Кому изъ русскихъ «гостей» эмира за послѣднее 20-ти лѣтіе не памятна симпатичная фигура всегда веселаго и сановитаго старца покойнаго Кушъ-беги? Каждому вѣроятно вспоминается и разсужденіе его, не измѣнное для перваго знакомства, о томъ, что «Россія и Бухара—это вотъ»... (прикладываетъ два указательныхъ пальца своихъ рукъ вплотную одинъ къ другому).

можетъ быть даже устранено вовсе. Но операціи военнаго времени должны быть по возможности обезпечены отъ опасностей, предвидимыхъ еще въ мирное время. Дѣло въ томъ, что отъ всего вліятельнаго класса населенія Бухарскаго ханства, отъ духовенства, учителей и проч. мы непремѣнно должны ожидать самой близорукой политики: политики преслѣдованія не нашихъ, а своихъ собственныхъ политическихъ цѣлей; кругозоръ ихъ для этого остается по прежнему ограниченъ и неясенъ. За ними естественно послѣдуетъ и толпа, еще очень мало знающая и понимающая преимущества нашего управленія передъ своимъ. Въ случаѣ нашихъ явныхъ и громкихъ успѣховъ за Аму-Дарьей, эта непріязнь останется вѣроятно скрытой; въ случаѣ же какой нибудь военной неудачи, она безъ сомнѣнія обнаружится во всей своей силѣ и перейдетъ вѣроятно въ активныя враждебныя дѣйствія. Какъ будутъ обезпечены наши будущія главныя операціи отъ риска, судить теперь несвоевременно: мѣры должны соотвѣтствовать современной обстановкѣ, но во всякомъ случаѣ, полагаемъ, къ блокадѣ г. Бухары въ то время прибѣгать не прійдется. Можно еще замѣтить, что, чѣмъ раньше обнаружится и станетъ явной эта неподлежащая никакому сомнѣнію враждебность, тѣмъ лучше для насъ: прежде чѣмъ перенести военныя дѣйствія за Аму-Дарью, для достиженія своихъ главныхъ цѣлей, мы можемъ на территоріи, по сю сторону ея, дать молодымъ войскамъ отличную боевую практику, пріучить ихъ къ боевой обстановкѣ и къ успѣху, а кстати разрубить запутавшійся узелъ разныхъ правъ и справедливостей . . . Это опять, какъ видимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ раньше развитымъ соображеніямъ объ атакѣ г. Бухары открытой силой.

За предидущимъ вопросомъ (что важно?) подлежитъ разсмотрѣнію слѣдующій: *какими мѣрами мирнаго времени можетъ быть заблаговременно подготовленъ успѣхъ и нормальный ходъ нашихъ военныхъ операцій за Аму-Дарьей*, если прійдется таковыя предпринять? При этомъ долженъ быть принятъ во вниманіе существующій фактъ—допускаемая автономія Бухары. Вышеизложенное даетъ на это одинъ естественный отвѣтъ: нужно озаботиться заблаговременнымъ ослабленіемъ непріязни населенія, или, вѣр-

нѣе, измѣненіемъ тѣхъ условій, которыя питаютъ ее. Можно, разумѣется, съ помощію репрессій или военныхъ дѣйствій (атаки открытой силой), нагнать страхъ и смирить эту, извѣстную намъ, непріязнь, когда представится надобность, и обезпечить себя отъ ея проявленія на нѣкоторое время, а можетъ быть даже и на долго, но во 1-хъ, это рѣшеніе не будетъ радикальнымъ по существу и во 2-хъ, чтобы разгромить Бухару въ мирное время, нужно безъ сомнѣнія совершить большее или меньшее насиліе надъ нравственными принципами, что уже совсѣмъ не въ духѣ русской политики. И въ самомъ дѣлѣ: нуженъ же какой-нибудь предлогъ, хоть для начала экзекуціи; а нельзя наказывать всѣхъ за проступки и политическія плутни Бухарскаго сановника или даже всего того правительства, которое въ сущности находится всегда и цѣликомъ въ нашихъ рукахъ.

Итакъ военная расправа съ Бухарой въ мирное время исправила бы, можетъ быть, прежнюю политическую ошибку, но отняла бы у нея всѣ бывшія привлекательныя стороны и оказалась бы на этотъ разъ *ошибкой нравственной.*

Упраздненіе политической независимости Бухары мирнымъ путемъ, безъ разгрома (или даже примѣнивъ блокаду гор. Бухары) не имѣетъ ни одного изъ преимуществъ предыдущаго способа (атаки открытой силой), имѣетъ всѣ его недостатки и кромѣ того: 1) повлечетъ за собой устраненіе отъ власти всего правящаго класса, изъ котораго, если кто къ тому времени не запасся надлежащими средствами, то долженъ, какъ говорится, „пойти по міру“. Этимъ путемъ получится большой контингентъ недовольныхъ, привыкшихъ при этомъ къ власти и управленію и которыхъ привыкло бояться, если не уважать, населеніе. 2) Произведетъ совершенную путаницу въ поземельно-податномъ вопросѣ *), вызоветъ на первыхъ же порахъ массу несправедливостей при обложеніи земель по нашимъ законамъ, что, въ свою очередь, повлечетъ за собой возбужденіе страстей среди самаго мирнаго населенія и проч.

*) Считаемъ необходимымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности о правахъ владѣнія землей въ Бухарскомъ ханствѣ. Чтобы ни говорили этимологи-арабисты о взаимныхъ отношеніяхъ словъ: «мулькъ» (или «милькъ») и «амлякъ»,

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что *до наступленія военнаго времени Бухары во всякомъ случаѣ брать не слѣдуетъ*. Но полагаемъ въ тоже время, не слѣдуетъ ее оставлять и въ нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи. Стоитъ только посмотрѣть на эту страну, какъ на непремѣнную въ будущемъ составную часть русской территоріи и вся теперешняя политика наша къ ней опредѣлится сама собой, при чемъ достигнется по нашему глубокому убѣжденію и тотъ главный результатъ, о которомъ мы упомянули выше—уменьшеніе скрытой непріязни къ намъ русскимъ, привлеченіе къ нашимъ общимъ

мы, на основаніи опыта отчужденія земель подъ желѣзную дорогу черезъ всю территорію ханства, въ правѣ утверждать, что это два различныхъ вида владѣнія, при чемъ съ этимъ различіемъ тѣсно связаны: величина налоговъ, контроль властей надъ пользованіемъ землей, разница въ цѣнѣ земли и проч. Послѣдняя разница есть слѣдствіе двухъ первыхъ и въ зависимости только отъ правъ владѣнія достигаетъ весьма крупныхъ размѣровъ; напр.: два участка рядомъ, находящіеся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ сельскохозяйственныхъ, могутъ разниться цѣной въ $1^1/_2$ раза только потому, что одинъ «милькъ», а другой «амлякъ». Есть нѣсколько видовъ «милька» и происхожденіе ихъ различно, но во всякомъ случаѣ принципіальная сторона преимуществъ этого права владѣнія передъ «амлякомъ» заключается въ томъ, что это есть видъ самаго полнаго права собственности, освобожденнаго (принципіально, разумѣется) даже отъ всякихъ налоговъ. Хотя налоги подъ разными видами и предлогами и собираются, но это не хераджъ, взимаемый съ «амляка», а различные, такъ сказать, случайные поборы, хотя и повторяющіеся постоянно. Въ общемъ поборы эти значительно меньше, чѣмъ съ «амляка» и ни одинъ собственникъ «милька» не допуститъ себя до сравненія съ владѣльцемъ «амляка». Очищеніе своего имущества передъ правительствомъ разъ на всегда отъ налоговъ естественно практиковалось чаще всего вблизи центральнаго управленія—около столицы и въ коренныхъ владѣніяхъ ханства. Здѣсь также чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, могли быть жалуемы казенныя земли съ правомъ «милькъ» (т. е. освобожденныя разъ на всегда отъ поземельнаго налога) разнымъ приближеннымъ и заслужившимъ. Этотъ видъ «милька» называется «мильки-дагъякъ». И вотъ, такимъ образомъ, именно въ той части Зеравшанской долины, которая находится въ предѣлахъ нынѣшняго Бухарскаго ханства, заключается наибольшій % земель мильковыхъ; въ окрестностяхъ города Бухары даже рѣдко встрѣчается амлякъ.

Сравненіе этихъ правъ замлевладѣнія передъ нашими законами было бы вопіющей несправедливостью, съ которой безъ насилія никогда не примирятся собственники милька, унаслѣдовавшіе его отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

интересамъ, уваженіе къ большинству (если не ко всѣмъ) нашихъ порядковъ, къ нашимъ властямъ и проч.

Вотъ, напр., спросимъ себя: нужна ли бухарская армія? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: она совершенно излишня. А между тѣмъ съ упраздненіемъ ея налоги на эту не большую страну могли бы быть уменьшены по крайней мѣрѣ на два, на три милліона рублей въ годъ, если не дать соотвѣтственно увеличиться аппетитамъ властей.

Также не нужна и своя бухарская монета и монетный дворъ въ кремлѣ. Не нужна стѣна кремлевская и городская и всѣ порядки у воротъ ея. Совершенно лишни и всѣ дворцовыя церемоніи, этикетъ, златоковныя попоны, подарки *), аудіенціи и проч.: они должны быть постепенно, но постоянно упраздняемы до того, чтобы доступъ въ кремль былъ обставленъ наконецъ не большей торжественностью, чѣмъ пріемъ у Военнаго Губернатора одной изъ областей Туркестанскаго края. Если это будетъ еще и не совсѣмъ правильно, то все же правильнѣе, чѣмъ нынѣшній порядокъ.

Далѣе мы полагали бы возможнымъ корректировать нѣсколько и поведеніе высшихъ сановниковъ и самого эмира. А что это не лишне, можно судить, напр., по слѣдующему: въ 1887 г. получила большую популярность среди бухарцевъ слѣдующая насмѣшка или ругательство: „чего ты важничаешь, ужъ не сталъ ли ты родственникомъ эмира“? Дѣло въ томъ, что эмиръ въ это время „женился“ разъ по сто въ годъ, а вопросъ этотъ означаетъ: не увели ли твоей дочери въ кремль? Разсказывалось въ тоже время много возмутительныхъ фактовъ насилія. Открытое же сопротивленіе влекло за собою конфискацію имуществъ и иногда исчезновеніе непокорнаго. Допускаемъ въ этомъ массу преувеличеній,

---

*) Орденъ «Восходящей Звѣзды» можетъ быть оставленъ: онъ ничѣмъ не связанъ съ исторіей Бухары и учрежденъ покойнымъ эмиромъ Музаффаромъ, перенявшимъ его отъ побѣдителей вмѣстѣ съ сарбазами, ихъ формой, русской командой и проч. Названіе его, разумѣется, должно быть признано ошибочнымъ. Этотъ орденъ пользуется такимъ же значеніемъ среди родовитыхъ и вліятельныхъ бухарцевъ, какимъ у насъ пользуются ихъ чиновные халаты и пояса.... поэтому вѣроятно онъ и имѣетъ распространеніе только въ «арміи».

но привилегія эмира имѣть нѣсколько сотъ женъ не оправдывается никакимъ, даже мусульманскимъ, закономъ и является кричащимъ анахронизмомъ подъ русскимъ протекторатомъ.

Можно бы упразднить знаменитые клоповники, если они еще существуютъ (недавно еще они фукціонировали), не допускать пытокъ, ограничить право жизни и смерти, составляющее черезчуръ сильное средство въ рукахъ вассала. Дать возможность желающимъ бухарцамъ принимать русское подданство, чего недавно не допускалось ни подъ какимъ видомъ и давало возможность, по желанію, жестоко расправляться съ тѣми бухарскими подданными, кои не въ мѣру были преданы русскимъ и ихъ дѣлу, и проч. и т. п.

Глядя на Бухару съ той же точки зрѣнія, справедливо будетъ пріобщить нынѣшнихъ пасынковъ, живущихъ ниже по теченію Зеравшана, къ равномѣрному и равноправному пользованію драгоцѣнной влагой этой рѣки. А теперь, въ то время, какъ десятки тысячъ десятинъ въ Самаркандскомъ уѣздѣ стоятъ подъ рисомъ, т. е. подъ водой въ продолженіи всего жаркаго лѣта, вся культурнѣйшая земля Каракульскаго бекства изнываетъ вмѣстѣ съ населеніемъ подъ тѣмъ же палящимъ зноемъ отъ полнаго отсутствія воды въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ *). Вообще пользованіе водой Зеравшана служитъ отличнымъ средствомъ въ рукахъ патріотовъ къ постоянному подогрѣванію ненависти населенія къ намъ, русскимъ. На эту тему могли бы и мы нарисовать много картинъ изъ печальной дѣйствительности, крайне тягостныхъ для русскаго чувства, но это не входитъ въ рамки настоящаго труда.

Слѣдуетъ озаботиться улучшеніемъ дорогъ въ ханствѣ, можетъ быть даже установить кое-гдѣ правильныя сообщенія, не въ родѣ нашей почтовой гоньбы, а по усмотрѣнію своихъ властей. Лучшимъ средствомъ въ цѣляхъ вышепоставленныхъ было бы: усилить по возможности общеніе Бухары съ русскимъ Туркестаномъ, способствовать распространенію среди населенія свѣдѣній о нашихъ

*) Это прискорбное, но нормальное явленіе извѣстно пишущему эти строки доподлинно изъ опыта отчужденія земель подъ желѣзную дорогу.

порядкахъ и просвѣщеніи. Многое, очень важное къ этомъ направленіи уже сдѣлано и дѣлается само собой, такъ сказать, естественнымъ путемъ или случайно, но лучше было бы прилагать и свою мощную руку, имѣя опредѣленную цѣль и программу.

Въ другихъ видахъ и съ другими первоначальными цѣлями была построена желѣзная дорога, пересѣкшая поперегъ Бухарское ханство, но она сдѣлала уже большой переворотъ въ жизни его, а населеніе оказалось способнымъ принять это разумное нововведеніе съ большей готовностію, чѣмъ въ иныхъ трущобахъ культурной Европы, гдѣ бывали, еще на памяти нынѣшняго поколѣнія, дикія выходки противъ „чертовой машины“: въ Бухарѣ не было ни одного случая фанатическаго злоумышленія противъ нее.

Нужно еще помнить, что мусульманскій кодексъ почти уже не способенъ къ усовершенствованію, наши же порядки могутъ въ будущемъ только улучшаться: если что не хорошо или неправильно теперь, то скоро можетъ быть исправлено. Это даетъ намъ право желать, чтобы къ нынѣшнему положенію Бухары по возможности дольше не примѣнялись мѣры устрашающія Чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ нашу пользу будетъ сравненіе, а пока нужно только отнять отъ мусульманской власти тотъ призрачный ореолъ, которому тамъ не мѣсто. Въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно средствъ, чтобы пріучить всѣ классы населенія ханства къ мысли о необходимости постепеннаго сліянія съ нами—съ Россіей. Подъ сѣнью этого имени мирно живутъ уже милліоны правовѣрныхъ; лучшіе представители ихъ съумѣли создать себѣ даже особые, истинно русскіе политическіе идеалы; пора пріобщать постепенно къ нимъ трудолюбивое и по своему высококультурное населеніе Бухары, давно достойное болѣе справедливой участи, чѣмъ нынѣшняя. А политическое насѣкомое, носящее еще названіе Бухарскаго ханства, умретъ спокойно на желѣзной иглѣ, которою проткнулъ его генералъ Анненковъ.

План

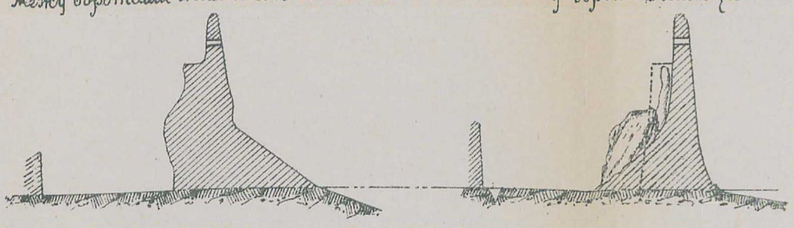
г. Бухары съ окрестностями

Глазамѣрно снимал въ 1886 году.

Военный инженеръ капитанъ Послав скій

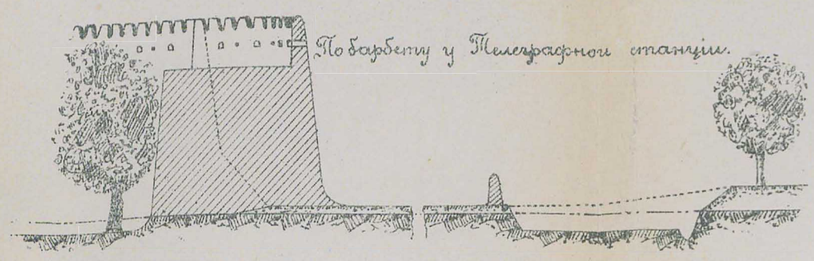
Профили:

Между воротами Талмачъ и Угличъ.

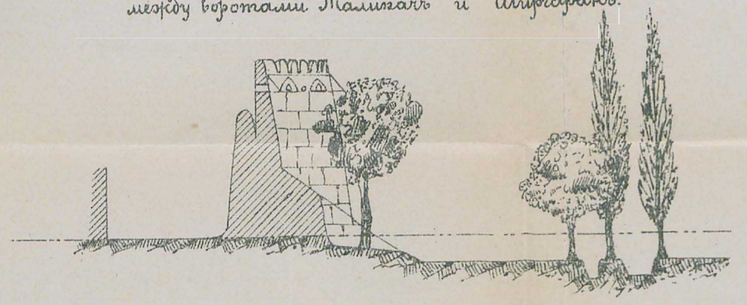


у воротъ Намазга.

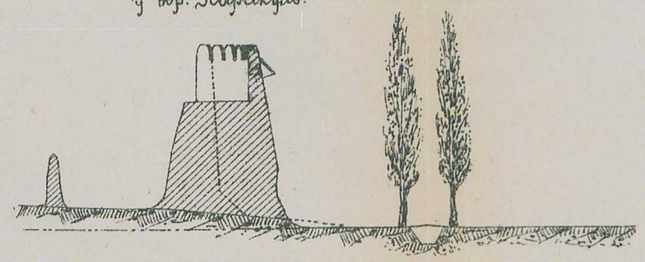
По барбету у Телеграфной станціи.



между воротами Талмачъ и Ширгаранъ.



у вор. Каракулъ.



Ярмарка.
Дивкелия Дача Эмира
Мах. Файзабадъ
Мясной базаръ
Ворота Угличъ
Ворота Ширгаранъ
Ворота Каракулъ
Ворота Талмачъ
Ворота Намазга
Ворота Самаркандъ
Ворота Каванъ (Каршинъ)
Ворота Ляби-хаузъ
Ворота Имамъ
Ворота Каракумъ
Ворота Каганъ
Ворота Ташкентъ
Ворота Бухара
Ворота Каракуль
Ворота Каракумъ
Ворота Ширгаранъ
Ворота Талмачъ
Ворота Угличъ
Ворота Имамъ
Ворота Каракул